

НОВЫЙ

Российский писатель

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

№ 8 июнь 2024

=====

В начале было Слово!

**Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии
Основан в 2022 году**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Александр МИШЕНКОВ (Самарская обл., г. Сызрань) –
член Союза российских писателей

Николай АЛЕШКОВ (Республика Татарстан, г. Набережные Челны) –
член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан

Галина БУЛАТОВА (Самарская обл., г. Тольятти) –
член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан

Вячеслав КИЛЕСА (Республика Крым, г. Симферополь) –
член Союза писателей России

Владимир ПЛОТНИКОВ (г. Самара) –
член Союза писателей России

Валерия САЛТАНОВА (г. Ростов-на-Дону) –
член Союза писателей России и Союза журналистов России

Материалы принимаются документом Word
(шрифт – Times New Roman, кегль 14, без интервала)
на e-mail: agmishenkov1949@gmail.com или agmishenkov1949@yandex.ru
Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе,
электронный адрес, фото автора (3 на 4, вертикальная ориентация).
Объем присылаемых текстов: поэзия – не более 300 строк; проза –
не более 20 тыс. знаков с пробелами (по счетчику Word).

Обязательны:

пропечатка буквы «ё», использование кавычек-ёлочек: «», среднего тире: –
Решение о публикации принимается редакционным советом альманаха.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора

«Вот и лето пришло...»	5
«Это – Победа!» <i>Песня</i>	6

Потомки ветеранов

Николай АЛЕШКОВ. «Год рождения – сорок пятый» <i>Стихи</i>	7
Валентина ОСТАНИНА. <i>Стихи</i>	19
Александр МИШЕНКОВ. <i>Стихи</i>	27
Ольга ТАРАКАНОВА. <i>Стихи</i>	33
Юрий СТЕПАНЕЦ. <i>Стихи</i>	37

Проза

Юрий СЕМЁНОВ. «Коробка спичек»	43
Николай ЮРЛОВ. «Сны Макара» <i>Фантазия-ремейк</i>	47
Тамара ПИРОГОВА. «Круговорот», «Сорок тыщ» <i>Новеллы</i>	58
Екатерина ВОЛЬХОВСКАЯ. «Неделя до аванса»	68
Олег КОРНИЕНКО. «Черноплодная рябина»	78
Татьяна ГОГОЛЕВИЧ. «Первый рассвет»	81
Валерий ТИМОФЕЕВ. «Амнезия»	91
Галина МАШТАКОВА. «Тень и господин»	94

Всё начинается с любви

Марин ЛАЗАРОВ. «Любовь – это жизнь!»	98
Александр ЗИБОРОВ. <i>Стихи</i>	101
Валентина ЮДИНА. <i>Стихи</i>	105
Игорь МИШЕНКОВ. <i>Стихи</i>	114
Юлиана ЛИШМАНОВА. <i>Стихи</i>	121

Литературный Тольятти

Тамара КИРИЛЛИНА. <i>Стихи</i>	125
Анатолий КУЛИКОВ. <i>Стихи</i>	129
Татьяна ЛАВРИНОВА. <i>Стихи</i>	131
Сергей ПИДЕНКО. <i>Стихи</i>	134

Крымская гавань

Вячеслав КИЛЕСА. <i>Стихи</i>	141
Ирина НИКИТИНА. <i>Стихи</i>	142
Елена ДАНИЛОВА. <i>Стихи</i>	143
Светлана КАПЛИНА. <i>Стихи</i>	144
Наталья СИДОРОВА. <i>Стихи</i>	145
Марина ТРУСЕВИЧ. <i>Стихи</i>	146
Людмила КУЛИК-КУРАКОВА. <i>«Медицинские маски»</i>	147

Белорусские друзья

Екатерина СОБОЛЕВА. <i>Стихи</i>	157
Лидия ШИШКО. <i>Стихи</i>	164
Валентина АКУЛЁНОК. <i>Стихи</i>	170
Михаил БАРАНЧИК. <i>Стихи</i>	175
Светлана ЧЕРНЕНКО. <i>Стихи</i>	184
Юлия АГРАНОВИЧ. <i>Стихи</i>	192

Фантастика

Николай ЮРЛОВ. <i>«Сны Макара»</i>	199
Сергей БЕЛАЯР. <i>«Транс (де) гуманизм», «Сокращение штата»</i>	210

Гостевой причал

Александр ЛУКЪЯНОВ. <i>Стихи</i>	221
Наталья РОМАНОВА. <i>Стихи</i>	228
Елена ГАВРИЛЯСТАЯ. <i>Стихи</i>	231

Юмор

Владимир ХАРИТОНОВ. <i>«Юмор по-корифански», Крутые заплатки</i>	243
---	-----

Литературная премия имени Марины Цветаевой

Положение о присуждении премии	246
--------------------------------------	-----

ВОТ И ЛЕТО ПРИШЛО...

Вот и пришло лето – для многих это беззаботная пора отпусков, познавательных путешествий по миру, весёлого общения с друзьями на пикниках и загородных дачных участках.

Мне часто вспоминается далёкое детство. Наш родительский домик стоял на берегу Воложки. Это была небольшая речка, которая в половодье соединялась с Волгой в одно пространство, а когда вода спадала, между Воложкой и Волгой обнажались заливные луга с красивыми цветочными островками, служившими любимыми местами отдыха горожан.

Природа, будто художник, ежедневно расцвечивала палитру этого удивительного уголка белыми ромашками, синими колокольчиками. Казалось, даже небо было особенное: оно часто меняло своё настроение, вызывая только положительные эмоции. А как красивы были озёра: солнце отражалось в воде, и хотелось окунуться в эту глубину, а потом взять удочку и посидеть на берегу в тени склонившихся раkit и помечтать о чём-то хорошем...

Отдых благоприятно влияет на человека: его душа наполняется красотой природы и выливается вдохновением в новые строки литературного творчества.

Радует, что в присылаемых вами произведениях не иссякают темы патриотизма и любви к Родине. Каждый номер издания подтверждает величие русского языка, его неповторимую красоту и певучесть.

В восьмом июньском выпуске представлены не только произведения разных жанров, но и впервые нотный текст песни, премьера которой состоялась девятого мая на одной из концертных площадок литературного города России Сызрани.

Редакционный совет благодарит российских и зарубежных авторов за поддержку альманаха, желает тёплых летних дней и ждёт новых произведений на благо расцвета русской литературы.

Александр МИШЕНКОВ,
главный редактор

Это - Победа !

сл. и муз. А. Мишенков

Allegro

Сm F Cm Dь9 Аь7 Аьm6 G7 Cm

1. Яр - кий май - ский день ти - ши - ной обь - ят, воз - дух на - по - ён вес - но - ю.

5 Еь В7 Еь Fm Аь В7 Еь ЕьтајЕь7 Припев.

Не скры - ва - я слёз вспо - ми - нал сол - дат - тех, кто был у - бит вой - но - ю. А со - ловь -

9 Аь C7 Fm В В7 Еь C7

и за - пе - ли за ре - кой - - - э - то По - бе - да. Взмёт - ну - лась

13 Fm6 G7 Cm В7 Еь Еьтај Еь7

даль рас - свет - ной си - не - вой - - - э - то По - бе - да. И над Крем -

17 Аь C7 Fm В В7 Еь C7 Fm6 G7

лём ку - ран - ты звон - ко бьют - э - то По - бе - да. Гре - мит на Кра - сной пло - ща - ди са -

22 Аь 1. 2. Dь G7 Cm 3. Dь G7 C

лют - - - Э - то По - бе - да! Э - то - По - бе - да!

2. Вспоминал солдат
Грозные года,
Боль утрат и радость жизни.
Мужество в боях
Стало навсегда
Символом любви к Отчизне..

ПРИПЕВ:

А соловьи запели за рекой -
Это Победа.
Взметнулась даль рассветной синевой -
Это Победа.
И над Кремлём куранты звонко бьют -
Это Победа.
Гремит на Красной площади салют -
Это Победа!

3. Расцвела земля,
Стихла боль от ран -
Жив солдат - творец Победы!
Памятью живут
Внук и ветеран,
Памятью отцов и дедов

ПРИПЕВ:

А соловьи запели за рекой -
Это Победа.
Взметнулась даль рассветной синевой -
Это Победа.
И над Кремлём куранты звонко бьют -
Это Победа.
Гремит на Красной площади салют -
Это Победа!

Николай АЛЕШКОВ

Набережные Челны

Родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР (ныне это территория города Набережные Челны). Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, битумоваром, диспетчером домостроительного комбината производственного объединения «Камгэсэнергострой». Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького. В 1983 году выпустил первую книгу стихотворений «Запомни меня счастливым», в 1984 году по ней был принят в Союз писателей СССР. С тех пор стал автором ещё более десяти поэтических сборников и одной книги публицистики и краеведения. Книги в основном выходили в Казани и Набережных Челнах, но также в Москве и Санкт-Петербурге. Лауреат нескольких литературных премий, обладатель диплома и приза «Серебряный витязь» на Международном Славянском литературном форуме «Золотой витязь» (Пятигорск, 2018). Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

ГОД РОЖДЕНИЯ – СОРОК ПЯТЫЙ

МОИМ ОДНОГОДКАМ

Мы не ползли под обстрелом
По хуторам обгорелым,
Не коченели от стуж.
Мёрзлую землю не рыли,
Каской в походах не пили
Ржавую воду из луж.

Нас не пытали в гестапо
И не везли по этапу
В рейх из российской глуши.
Что ж так остра в наших генах
Память о бедах военных –
Горькая ноша души.

Мы из военного теста.
Боль Сталинграда и Бреста
Спрятана в нашей крови.
Мы из родительской боли
Вырвались, как из неволи.
Родина, благослови!

Родина благословила.
Света с избытком хватило.
Всё засияло кругом.
Мы родились под салютом
Трудной победы над лютым
И ненавистным врагом.

Небо нам с вами досталось
Мирное, но оказалось –
Мы в промежутке живём.
Внуки ползут под обстрелом,
Дети встают под прицелом
Над обгорелым жнивьем.

ХАРАКТЕР

Он крепок ещё, мой сосед-инвалид.
Спроси про жизнь-бытьё,
Он сразу ответит: «Протез не болит,
А всё, что при мне – моё».
Спроси про войну, и начнётся рассказ:
«Был виден уже Берлин.
Накрыл, аж посыпались искры из глаз,
Осколочным, сукин сын!
И от бинтов, что от крови черны,
От кастелянш
В двадцать два года пришёл я с войны
На костылях.
Гляжу на девок. Тяжёл мой взгляд.
Я – колос, срезанный на корню!
Прижал бы к сердцу любую из вас –
Не догоню.
Со мной не расплатятся все ордена
За молодость на войне.

Но вдруг улыбнулась смущённо одна
И подошла ко мне...»

Он крепок ещё, мой сосед-инвалид.
Не злобна его душа.
Он лодку на солнце весеннем смолит
Сноровисто, не спеша.
Зовёт из окошка обедать жена.
Глаза у неё ясны.
А на лице постаревшем видна
Улыбка из той весны.

ОТЕЦ

*Я знаю – никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны...
Александр Твардовский*

Меня могло на свете и не быть –
Хотели до рождения убить.
Летела пуля в голову отца.
Случайный взмах! И капелька свинца
Попала в руку, в локтевой сустав,
Навеки быть смертельной перестав.
Был госпиталь. Блокадный Ленинград...
Я не хочу об этом невпопад!
Я ничего не знаю о войне!
Но дух отца тревожит память мне.

Отец вернулся к матери моей.
Его там ждали двое сыновей.
И дочке (старшей) только девять лет.
А нас с Верунькой и в помине нет...
Два брата у меня и две сестры.
Мы друг для друга – разные миры.
Един для всех нас корень родовой.
Войне конец. И наш отец живой!
И я горжусь (кто помнит, тот поймёт)
Мой год рожденья – сорок пятый год.

Но первые рассказы о войне
Не от отца пришлось услышать мне.
Отец молчал. Я видел, вертопрах,-
В его глазах застыли боль и страх.

Но брал своё в застолье самогон.
И подчинялся уговорам он.
- Петруха, легче станет, Расскажи...
- По Ладоге осенней три баржи
Из госпиталя раненых везли –
Добраться б только до Большой земли.
В блокадном небе «Юнкерс» вдруг завыл
И в три захода баржи разбомбил.
И в ледяной барахтались воде
От взрывов уцелевшие. В беде
Мне повезло. Я грёб одной рукой,
Готовясь утонуть. Но вдруг с доской
Рука в воде столкнулась. Та доска –
Моё спасенье и моя тоска.
За край доски (будь проклят этот век!)
Ещё один схватился человек,
Такой же, видно, раненый солдат.
Коль есть ты, Бог, верни меня назад –
Я лучше в сорок первом утону.
Не спрашивайте больше про войну!..
Ведь та доска не вынесла двоих.
Я, а не он обнял детей своих...
Отец скрипел зубами, слёзы лил
И матерился так, что свет не мил...

Я вспомнил тот рассказ, когда подрос.
Он мучает меня, вот в чём вопрос.
Я на него ответить не могу...
Я дважды был на сонном берегу
У Ладоги, где думал об отце
И о себе самом – в его лице.
Я был и в Колпино, где на передовой
Был ранен Пётр Алешков, рядовой...

Плетёный, чёрный помню тарантас.
Гнедок возил в том тарантасе нас.
Я хлебушек делил с ним пополам.
Мы ездили по фермам, по полям.
Последышем тогда в семье я был.
Отец меня не раз с собой возил.

- Заглянем-ка, давай, сынок, в Бурды,
 - Сказал отец. – Тут полчаса езды.
 Не зря стоит деревня на пути.
 И мне нельзя деревню обойти.
 Иначе прокляну свою судьбу...
 И мы вошли в татарскую избу.
 Черёмуха под окнами цвела.
 Бабай там жил, абийка там жила.
 А на стене – их дочери портрет.
 Я понял, что её на свете нет...
 Отец мешок зерна в сарай занёс.
 - Рахмат, рахмат...
 Не обошлось без слёз.
 Потом мы пили чай. Бабай молчал.
 Лишь белой бородой бабай качал
 Рассказ отца печально слушал он:
 -Бибисара слышала мой стон.
 И к госпитальной койке подошла.
 Висела бирка там. Она прочла –
 Откуда, кто. Узнала, что земляк.
 - Как жизнь, солдат?
 - Спасибо! Кое-как.
 Вот только рана ноет всё сильней,
 Но без неё бы стало голодней.
 - Солдат, ты шутишь. Значит, будешь жить.
 - Хотелось бы, конечно. Может быть...
 Землячка! Если всё же я умру,
 Ты за меня родимому двору,
 Когда из ада выйдешь, поклонись,
 А мне сейчас, прошу я, улыбнись...
 - Ты прав, солдат. Блокада – это ад...
 Я до войны попала в Ленинград.
 Учёба. Медицинский институт.
 Война. Приказ. Я оказалась тут.
 Поверь, солдат, на берегах Невы
 Мы голодаем так же, как и вы.
 - Держись, родная! Вот наступит мир –
 На родине с тобой закатим пир.
 - И ты, солдат, держись. Надежда есть.
 Через неделю смог я перелезть
 С кровати на носилки. Ваша дочь
 Сумела всё же земляку помочь,

Определив меня на самолёт.
Я плохо помню тот ночной полёт.
Конечно, немцы нас пытались сбить.
В Москве очнувшись, попросил я пить...
Потом другой был госпиталь, в Перми...
Так перед смертью хлопнул я дверьми.
Но почему, бабай, не знаю сам –
Я здесь, а Ваша дочь осталась там...

Я ничего не знаю о войне.
Отец, зачем тревожишь память мне?
О чём я должен миру говорить?
Кого в проклятых войнах укорить?
Я у твоей могилы вновь стою
И сам себе вопросы задаю.
Лежишь ты рядом с матерью моей.
Вас поминают пятеро детей.
И внуки есть, и правнуки у вас,
И близится к финалу мой рассказ.
Отец, на свете снова меркнет свет!
Ответа нет, ответа нет, ответа нет...

ПУЧИНИН ПРИЕХАЛ

- Нагрянули гости. Мариша, встречай!
- Пельмени готовы. Заварен и чай.

- Петруха, годок *, доставай самогон,
Покуда в подполье не выдохся он.
Пучинин приехал, твой друг фронтовой!
Не вы ль обещали с соседкой-вдовой
Меня познакомить? Я год, как вдовец.
Товар покажите – приехал купец!
Вы ж помните, Лида мне дочь родила,
Потом заболела, потом... умерла.
Уж лучше бы я не вернулся с войны!
Налей на помин ненаглядной жены!

(Ах, пусть не соврёт у поэта строка!
Не чокаясь, выпили два мужика.)

- Два года прошло. Тяжело одному.
Кто дочку полюбит, я ту и возьму.
Жених-то лицом скособочен слегка –
Немецким осколком задета щека.

Повешу (смеётся) медали на грудь...
Вот дети меня не боятся ничуть.
Директором школы назначен в Бетьках ** –
Башка вроде варит, есть сила в руках.
Зарплата, хозяйство, дрова про запас.
Учителя любят в деревне у нас.

– Да мы молодые ещё мужики,
Любая достойна солдатской руки!

– Твоя-то рука, заживает, кузнец?
(Был в правую ранен на фронте отец.)
Как левой рукой – не возьму себе в толк –
Ты, Пётр, научился держать молоток?

- Секрет небольшой, понимаешь ли, тут.
Подручные – Борька да Санька – растут.
А третий – Колянъка с Маришей у нас.
Вот осень наступит – пойдёт в первый класс.
А вырастет сын (я на печке притих),
Чем Люське твоей, сироте, не жених?
Ходил с полусогнутой я по земле.
(Тут гость засмеялся: «Как Сталин в Кремле?») **И**
И пальцы, и кисть разработать помог
Всё тот же кузнечный простой молоток.
Теперь я и правой работать могу,
И врезать могу по сопатке*** врагу.
Давай за Победу ещё по одной!
Мариша! Не спорь! Не ругайся со мной!

По сорок годков ветеранам войны.
Не раз ещё сдвинут они стаканы.
Не вышло в тот вечер у них сватовства.
Мариша двоих проводила едва
До летней пристройки. Уснули «бойцы»,
Всему моему поколенью отцы.

Их слушать и дальше хотелось бы мне,
Да только ни слова они о войне.

** Годок (диалект.) – одногодок.*

*** Бетьки – название села.*

**** Сопатка (диалект.) – морда.*

* * *

Дрогнет рябины ветка
Вдруг за моим окном.
Я к середине века
Добрым пророс зерном
Сквозь чернозём с навозом
В послевоенный быт.
В нашей семье колхозом
Не был никто забыт.
В кузнице утром ранним
Батька огонь вздувал,
В правую руку ранен,
Левой рукой ковал.
Засветло мне на конный
Двор – жеребят пасти.
Молится у иконы
Мама: «Господь, спаси!»
В зыбке сестрёнка – помню –
Сладко спала тогда.
Братья в лугах и в поле:
Лето, покос, страда.
Старшей сестре работа –
Веялка на току.
Жарко. И так охота –
С берега бы в реку...

Детство за мной живое
Катится по судьбе.
Слышали вы, как воет
Ветер зимой в трубе?
Десять коленок острых
Рядышком на скамье:
Братья мои и сёстры –
Пятеро нас в семье.
С печи да на полати,
Кубарем утром вниз:

Сестры мои и братья –
Люба, за ней Борис,
А за Борисом Саша,
Значит, за Сашей я.
Следом Верунька. Наша
Вся на виду семья...
Дрогнет рябины ветка
И разомкнётся круг.
Видимся, братья, редко.
Видимся, сёстры, вдруг.
Сельское всё, простое
Вижу теперь во сне.
Солнышко золотое
Светит оттуда мне.

* * *

Владимиру Скифу, однокласснику

Однажды приснилось внезапно,
Как будто младенцем я стал.
В потёмках наощупь, на запах
Маманькину титьку искал.

Родным я об этом поведал.
Брат Саша в сердцах произнёс:
- Ты хоть и ровесник Победы,
Но тот ещё молокосос.

Сестра подзадорила, Люба:
Всем голодно, как не крути!
Твои ненасытные губы
На маминой помню груди.

Проделки твои не забыты.
Ты в прятки со всеми играл.
От няньки, от бабы Улиты
В три года из дома удрал.

Деревня за общую лямку
Тянула на трудном веку.
Последыш нашёл свою мамку
В страду на колхозном току.
И мама недолго томила,

В жару на крылечко присев.
При всех она сына кормила.
И вырос я тоже при всех.

Живу! Моя песня не спета!
Ровесник, узнай по строке,
Как я в то голодное лето
На мамкином рос молоке.

МАЛЬЧИШНИК

Хлеба горбушку да сала шматок
С кружкой холодного кваса –
Лучшей еды и не будет, браток,
Вплоть до последнего часа.
Кто-то добавит зелёный лучок
И огурец малосольный
Рядом с картошкой. Про водку – молчок
В нашей беседе застольной.
Лучше не дома, а возле реки –
Ласточки чтобы кружили.
Али не русские мы мужики.
Али друг другу чужие?
Песню старинную вспомним – споём.
Годы, как быстрые реки.
Вовсе не страшно, что скоро уйдём
Все – друг за дружкой – навеки.
Витька да Сашка, да тёзка – Колян,
Васька, приехавший в гости.
Песня не ладится? Бросьте баян,
Просто обнимемся, бросьте!..
Детство ли вспомним: герань у окна,
Складки отцовской шинели.
Послевоенная рвань и шпана,
Что же вы так поседели?
Живы покуда. И память остра
Вплоть до последнего часа.
Ну-ка, старшой, разливай у костра
Из фронтового запаса!..

СОН ЮБИЛЯРА

*А старому солдату
(он в службе знает толк)
Попасть бы – хоть по благу –
В Бессмертный полк*

Ровесник Победы не вечен.
Ему уже семьдесят пять.
Он ждёт неминуемой встречи
С архангелом. Двигаться вспять
Не следует. Царственным словом
Да будет помилован он.
Попросится в войске Христовом
Служить, в запасной батальон.
Но скажет солдату привратник:
- Вас много, таких удалцов!
И ты не единственный ратник –
Спроси воевавших отцов!
Они испокон и поныне
Небесную службу несут.
Отец твой словечко о сыне
Замолвит – возможно, возьмут...
И батьке кричу я под утро:
– Возьмите хоть сыном полка!
Отец мой отвечает мудро:
– Возьмём. Не спешил бы пока...

2020

МУЖИК

– Кто воюет? Украина
И Россия? Горе – мне!
У меня убили сына
На гражданской сей войне.
Мне слезами боль не вылить,
Рукавом не утереть!
Сколько надо водки выпить,
Чтобы сразу умереть?

Мистер Байден, пан Зеленский
Не ответят мужику.

Все в округе деревенской
Горько смотрят за реку:
Что ж так долго на распутье
Ждали мы, едрёна вошь?
Может быть, ответит Путин,
Ныне наш верховный вождь?..
К мужику придут соседи,
По пятёрке принесут,
Всем селом солдата Федю
В Божьем храме отпоют.
Донесут и до погоста
Парня в цинковом гробу.
Всё обыденно и просто –
Не пенять же на судьбу?
– Не блажи, Андрюха, – скажут, –
На жену-то посмотри:
Ей тяжельше – будь на страже,
Время лечит, в корень зри!
Горе матери безмерно.
Ей двоих ещё растить.

Он вздохнёт:
– Вот это верно!
А отцу – за сына мстить...
Пусть ещё не пролетели
Сорок траурных деньков,
Но мужик восстал с постели –
Даже в бой идти готов.
Так сказал в военкомате:
- Мне полсотни! В самый раз...
Помолясь на Богоматереть,
Он уехал на Донбасс.
- Где твой фюрер, Украина?
С ним вступаю в смертный бой!

Он воюет там за сына
И за нас, читатель

2022

Валентина ОСТАНИНА

пос. Таврическое Омской области

Останина Валентина Григорьевна. Родилась в селе Павлоградка Омской области в 1945 году. Окончила Омский сельскохозяйственный техникум, училась в Литературном институте им. Горького. Публиковалась в журналах и альманахах «Сибирь», «День и ночь», «Наш современник», «Литературный Омск», «Иртыш-Омь», «Тарские ворота», «Аргаташ. Татарстан», «Александрь», «Северо-Муйские огни». Лауреат ряда региональных конкурсов, обладатель гран-при Международного поэтического конкурса «Россия, перед именем твоим...» (Москва, 2020). Член Союза писателей России, Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург). Автор 10 книг стихов для взрослых и детей. Живёт в пос. Таврическое Омской области.

ТЕРНОВЫЕ ВЕНЦЫ

*К цветку цветок – сплетай венок.
Пусть будет красив он и ярок.*

Жила-была на свете песня
И было каждому светло,
Когда её мы пели вместе
За дружеским большим столом.
Венок любви и чистой дружбы
Сплетал цветущий яркий май.
Его посланником радушным
В своих ладонях нёс Дунай.
Теперь в погоне за успехом
Другие песни и певцы.
А песню ту, что пела Пьеха,
Не знают бойкие юнцы.
Забыты всадники и кони,
Что шли берлинской мостовой
И день, когда наш маршал Конев
Сроднился с Пражскою весной.
К вражде взывают в новом веке
Продажных мифов мудрецы.
По хмурым европейским рекам
Плывут терновые венцы.
Но наши славные святыни,
Весенней свежестью дыша,
Ещё родней нам стали ныне.
На них равняется душа!

* * *

Когда Россия выстоит в стихии,
Когда отхлынет пенная волна,
Когда она предстанет пред Мессией,
Чем оправдается моя страна?
Она предъявит письма фронтовые,
От тех, кто ратный подвиг совершил.
Во имя жизни в праведном порыве
Неправду мировую сокрушил.
Она предъявит скромный треугольник,
Проверенный цензурой и огнём,
И миллионы, вписанных в синодик,
Связавших землю и небесный дом.

* * *

Справедливость – вот наша основа!
Отметая наветов тщету,
Славим Невского любящим словом
И Рубцова, войны сироту.
Без бумажных приказов, инструкций
Ветеранов поднимется строй.
Слёзы памяти сами прольются
Над согретою весенней землёй.
Даже там, где фашистские орды
На Европу позор навлекли,
Кровь России, отмывшая орднунг*,
К нам взывает не с чуждой земли.
Я хочу, чтобы дети и внуки
Отделяли наветы межой,
Свято чтит народы муки,
Чтоб Победа не стала чужой.

**Орднунг (нем.) – порядок*

МИР НАД БЕЗДНОЙ

*Памяти героев, погибших
в битве за Москву.*

Мир над бездной повис в колыбели.
Всё опасней раскачки волна.
Не скрывая глобальные цели,
Ложью потчует мир сатана.

Кормит с ложечки денно и ночью,
Чтоб враждебный огонь не угас.
А в России, в берёзовой роще,
В поисковом отряде сейчас,
Поднимая героя останки,
Проржавевший нашли медальон.
С ним герой останавливал танки,
Гул войны останавливал он.
В медальоне хранилась молитва -
Упованье на помощь Христа.
Сколько было атак с ней отбито -
Знают точно одни небеса.

СНЕГ 41-го

С отвесной хмурой высоты
На землю, наугад
Снег шёл, густой до слепоты,
А на земле был ад.
Он падал, пулями пробит,
На минные кусты,
Как белый госпитальный бинт
В короткий сон сестры.
Такое было в том аду:
Дышавшего едва
Бойца найдут в кровавом льду
И вырубят из льда.
В госпиталях – на костылях,
Домой – на костыле.
Весну застанет на полях,
А через год – в земле.
Соединились кровь и снег
Прочнее чем гранит.
То память, не смыкая век,
Минувшее хранит.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Памяти моего дяди Ф.К. Павлюченко

Горел фонарь неярко, чуть лица освещал.
И самовар в землянке согреться обещал.

В руинах Сталинграда промёрзнув до костей,
Шёл кинооператор по стылости траншей.
Предложена сигарка и к самовару жест,
А он о той землянке давай снимать сюжет.
Боец письмо читает, другой берёт – иглу,
А третий - кошку гладит, пришедшую к теплу.
Казалось, лица эти войной обожжены.
Их не узнают дети, но матери – должны.
Тревога! Все – наружу. Вот рухнул рядом взрыв.
Кто – ранен, кто – контужен,
Кто в снятых кадрах жив.
Дрожит фонарь забытый и самовар забыт.
Солдатский чай непитый
С тех пор бежит, бежит, бежит...

НЕ ОБМЕЛЕЕТ ВЕЧНОСТИ РЕКА

Памяти Дмитрия Михайловича Карбышева

Не обмелеет вечности река.
И не померкнут русские святыни.
Течёт Иртыш, но помнят берега,
Россия помнит о великом сыне.

Был призван он дорогами войны.
Великий сын великого народа
Встал на защиту собственной страны,
Суровой службы принял все невзгоды.

В плену фашистском смертью смерть поправ.
В кольцо врагов стоял неустрашимо.
Товарищам держаться приказал;
Сегодня это нам необходимо.

Сыны России – молодость и честь!
Родной земли им дороги границы.
И на приказ «Держаться!» скажут «Есть!»
И ни один врагу не покорится.

Не обмелеет вечности река,
Она сияет русскими святыми.
История России глубока.
В ней генерала Карбышева имя.

БАБЬЕ ЛЕТО 2023-го

Бабье лето придёт –
Полетят паутинки.
Ты не думай, что это обрывки надежд.
Это матери наши из тихой глубинки
Посылают молитвы сынам на рубеж.

Это жгучий рубеж,
Там сердца на прицеле.
Выбор в каждой судьбе –
Запад или Восток.
Маркитанты войны раскачали качели.
Мир, забывший Христа, безрассудно жесток.

Небо хмурится вновь.
Мать читает молитвы
О смягченье сердец, усмирение вражды.
В небе и на земле продолжаются битвы.
До победного дня будут плакать дожди.
Бабье лето придёт!
Бабье лето придёт!
Бабье лето придёт!

* * *

*Памяти лейтенанта Алексея Широченко
Отдавшего жизнь за свободу Новороссии*

Извечный спор
Добра со злом.
Гуманитарный коридор
Враг завязал узлом.
И надо узел разрубить,
Живых живыми сохранить.
И не вопрос:
Быть иль не быть?
Жить без угроз!
В Донецке и Луганске стон –
К возмездию взывает он,
Взять логово врага в кольцо.
Но огрызается бандит.
Среди защитников-бойцов

Наш лейтенант Широченко убит!
За нас убит! Какая боль!
За нас пожертвовал собой!
Он главное успел и смог –
Исполнил свой священный долг.
Земля родная примет прах.
Но жив он в материнских снах.
И в памяти односельчан – живой.
Гордись, Россия! Твой сын – герой!
Душа Алёши в небесах
Бессмертный украшает строй.
Ему открыт земной простор,
Широченко несёт дозор.

Я – НЕ ДИТЯ ВОЙНЫ

Я родилась в победном сорок пятом.
Ещё дымилась русская земля,
Когда пришла суровая расплата
К распластанным штандартам у Кремля.

Я – не дитя войны, мне ненавистной.
Есть в метриках и мама и отец.
А в генах – русской доли путь тернистый,
И есть в крови, наверное, свинец.

В крови славянской это не смертельно.
Хоть тяжелы бываем на подъём –
Своим живём, своим полям метельным
И хлеборобам славу воздаём.

Я – не дитя войны. Я благодарна
За тишину и солнечный рассвет
Сибирскому селенью Павлоградка,
Где мама родила меня на свет.

В кругу сердечной дружеской беседы,
О мужестве, долге говоря,
Себя я числю дочерью Победы,
Её люблю, как мать боготворя.

ЧЬИ ДЕТИ МЫ?

Чьи дети мы? Войны или Победы?
Вопрос не праздный, если вникнуть в суть.
Как на него ответили бы деды,
Про то самим пора уже смекнуть.

Как яблочки от яблони, мы будем
Зависеть от произнесённых слов.
Себя «детьми войны» назвали люди,
Возвысив этим мировое зло.

Ведь Слово Богом данное – есть дело.
За каждое нам отвечать сполна.
Мы – русские, нам жить не надоело.
Для нас война не мать и не жена.

Мы – русские! *Покой нам только снится**.
Пусть уважают нашу тишину
По ту и эту сторону границы,
Кто называет матерью войну.

Кто произвол творит на всей планете,
Несёт гибель ради барыша –
Вот кто войны озлобленные дети,
Вот в ком таится чёрная душа.

**А. Блок*

ТИШИНА

Когда ты усталый, захваченный снами,
То соколом – в небо, то камнем – ко дну,
Предчувствуя мощный толчок и цунами,
Деревья не спят – сторожат тишину.
От грозной беды, от стихий и пожаров,
Как мать, охраняя родную страну,
У кнопок тревожных, у зорких радаров
России сыны сторожат тишину.
Когда лунный свет серебрится на раме,
А в спящих квартирах покой и уют,
Под куполом звёздным, в намоленном храме
Все наши святые очей не сомкнут.

* * *

Память народная, ты глубока.
Сколько былого хранишь!
Соединяешь седые века,
Чудо молитвой творишь.
Раны смертельные ты окропишь
Вечно живою водой.
Полчища лютых врагов заклеишь,
Их называя «ордой».
Память народная, не засыпай
В годы страданий и смут!
Слышишь: прошедшим
Сквозь тернии в рай
«Вечная память...» поют.

Александр МИШЕНКОВ

г. Сызрань

Родился 22 августа 1949 года в городе Сызрань Куйбышевской области. 28 календарных лет прослужил в военном оркестре СВВАУЛ. Поэт. Композитор. Аранжировщик. Член Союза российских писателей. Дважды лауреат городской премии «Признание». Награждён медалью «За заслуги в патриотическом воспитании молодёжи» (Москва) и нагрудным знаком «За заслуги перед городом» 2 степени (Сызрань), Дипломант конкурса короткого рассказа-2022 альманаха «Новый енисейский литератор». Автор четырёх поэтических сборников, сборника стихов для самых маленьких и книги рассказов для детей школьного возраста. Печатался в журналах: «Русское эхо» (Самара), «Сызранская излучина», «Отчий дом» (Новокуйбышевск), «Стрежень» (Тольятти), «Берега» (Калининград), «Сура» (Пенза). В Блоковском сборнике «О, Русь моя!» (Москва), в Бунинском сборнике (Москва). В журналах: «Молодая гвардия» (Москва), «Аргатак» (Набережные Челны), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), альманахах «Новый енисейский литератор», «На енисейской волне» и «Енисейка» (Красноярск). В поэтическом издании «Эшли» (Белоруссия), антологии «Сызрань литературная», а также в коллективных сборниках «У старого окопа» (Сызрань), «Сызранская излучина». Книгах - «По законам военного времени, Сызрань - фронту», «Славные дочери Сызрани», «Чести достойны» (Сызрань). В газетах «День литературы» (Москва), «Рижский автомобилист» (Рига), «Литературный Крым» (Симферополь) и других периодических изданиях России. Является главным редактором электронного альманаха прозы и поэзии «Новый российский писатель». Работает артистом высшей категории ЦМИиК Литературного города России Сызрань.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Мой город Сызрань встретил рано
Зарю сегодняшнего дня.
На построенье ветераны
Пришли, медалями звеня.

Равняют фланги по привычке
На обелиск, вонзённый ввысь.
Здесь в День Победы – перекличка.
И вновь не все отозвались.

Но им ли грусти предаваться,
Познавшим Курск, Москву, Орёл?!
А под гранитом – те, кто в двадцать
На память право приобрёл.

ДЕД

Зима дохнула снегопадом
И поседел наш старый дом.
Мне деда навестить бы надо:
Нельзя оставить на потом.

Сто третий стукнул ветерану,
А разум жив ещё вполне,
Но не дают покоя раны
Полученные на войне.

Он финскую прошёл в пехоте,
Фашистов танками давил,
Японцев, словно на охоте,
Как уток влёт прицельно бил.

Горел в огне, тонул в болотах,
Не зная страха рвался в бой –
Мечтал свою родную роту
Вернуть с Победою домой.

Прошёл от Волги до Рейхстага
Ни шагу не ступив назад...
Медаль у деда «За отвагу»
Дороже всех других наград.

ВETERАН

*Памяти Героя Советского
Союза сызранца И. М. Иванова*

Шинель с войны солдатского сукна,
Гуляет в складках ветер стылый, долгий...
Была у паренька мечта одна –
Вернуться победителем на Волгу.

Он с нею жил, шагал из боя в бой –
Других, казалось, не было желаний...
Уж за полночь. Пора бы на покой,
Но не уйти от дум, воспоминаний.

Пусть у него сутулится спина,
Жестоко раны к непогоде ноют,
Но на груди сверкают ордена
И золотом горит Звезда Героя.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

В ту ночь урчал тревожно козодой
И бабы в голос истово кричали:
Мужчин на фронт в посёлке провожали,
Моля вернуться поскорей домой.

Им вслед кивали молча тополя,
Оркестр играл «Прощание славянки»...
А под Москвой уже прорвались танки –
Смешалась с небом русская земля.

И поднялся народ страны родной,
Плечом к плечу сплотились вся Отчизна
За матерей, отцов – за право жизни
С фашистской нечистью на смертный бой.

И побежал, дрожа от страха, враг,
Почувяв неизбежную кончину –
Бежал дорогой смерти до Берлина,
Где ждал его Победы нашей флаг.

СИБИРЯК

Как глыба он возник
Передо мной у тына,
Осанистый старик –
Подобье исполина.

В прямой походке стать,
В плечах – косая сажень.
Сто лет ему не дать,
Но возраст тут не важен.

А важен цепкий взгляд
В прищуре ясноглазом –

В деревне говорят:
Служил он водолазом.

С войны вернулся дед
В канун большой Победы.
Остался в теле след –
Осколок от торпеды.

Построил крепкий дом
У речки на кордоне –
Работал лесником,
Столярничал в районе.

Создать семейный кров
Судьба не позволяла,
Хотя немало вдов
В деревне вековало.

Так и живёт один
На берегу Ишима
Сибирский исполин,
А в жизни просто – Дима.

СТАРУШКА

В бревенчатой избушке
На краешке села
Столетняя старушка
В забвении жила.

Одна жила на свете
С бедой наедине:
Два брата, муж и дети
Погибли на войне.

Пока хватало силы,
Стране нужна была:
Пахала, хлеб растила,
Колхозный скот пасла.

Но незаметно старость
В её прокралась дом:
Ушла из сердца радость,
Померкло всё кругом.

На склоне лет несладко
Свой крест она несла –
Смахнув слезу украдкой
Участия ждала.

Латала, как умела,
Убогое жильё...
Нет никакого дела
России до неё!

ДНЕВАЛЬНЫЙ

Я в карауле не стоял,
Я был дневальным.
Бойцов уставших охранял
На точке дальней.

Солдат двужилым не рождён –
Я знаю точно.
Ему здоровый нужен сон,
Особо – ночью.

В казарме кирзовый душок
Щекочет ноздри.
Ряды истоптанных сапог
Застыли грозно.

Устав – не школьная тетрадь:
Он писан кровью.
А если так и дальше спать, –
Конец здоровью.

Но был приказ: служить стране,
Явив отвагу...
И я стоял, как на войне:
Назад – ни шагу!

Солдатский борщ хлебал я год
Не за награду:
Ведь охранять учебный взвод
Кому-то надо...

Ольга ТАРАКАНОВА

Родилась в Минусинске в 1957 году. Член Союза писателей России. Автор семи сборников стихов, песен и прозы. Руководитель Межрегиональной ассоциации литобъединений юга Красноярского края и республики Хакасия - «Сибирская лира». Окончила Красноярское краевое культурно-просветительное училище и Ленинградскую высшую профсоюзную школу культуры. Работала в учреждениях культуры, в Минусинском колледже культуры и искусства, где создала студенческий поэтический клуб «Рифма», преподавала предмет «Мастерская стиха» в филиале Красноярской краевой школы дистанционного образования. Произведения публиковались в коллективных сборниках и периодической печати Москвы, Красноярского края, республик Тыва, Хакасия, Крым.

МЕЧТА ДЕДА ФЁДОРА

Умирал солдат двух страшных войн,
Коммунист и узник лагерей.
Тяжело вздыхал, но не от боли,-
Горевал о внучке он своей.

Звал жену: "Когда бы мог я, Ксения,
Жизнь продлить мне убедить судьбу,
Нашей внучки бы стихотворения
В Красноярск повёз бы и в Москву"

А девчушка кукол наряжала
В прибранной, натопленной избе.
И тихонько им стихи читала
О подружках, кошке и зиме.

Ей до школы больше чем полгода,
Не понять ей дедушкиных слов.
В январе ушел из жизни Фёдор,
Было всем тогда не до стихов.

Всем: бабуле, внучке, куклам, кошке.
Только пережив утрату ту,
О стихах в избе забыли вовсе.
Схоронили Фёдора мечту.

Изредка безграмотная Ксения
Вспоминала мужнины слова...
Это было в детстве, а теперь я
Стала бабушкой в семье сама.

Я стихами нынче словно брежу,
Шлю их и в Москву, и в Красноярск.
Не теряю светлую надежду, -
Давний деда выполнить наказ.

ОБРАЩЕНИЕ

К вам, предавшим родные могилы,
Обращение это пишу.
Перед боем, пока ещё живы,
Прочитать эти строки прошу.

Вы забыли, как зубы сломали
О Россию и швед, и француз,
И как прадеды защищали
От фашистов Советский Союз.

Вы забыли о нашем единстве,
Совесьть, дружбу и веру предав.
Постепенно погрязли в бесчинстве,
Память предков своих растоптав.

Для Москвы новых требуя санкций,
И своих не жалея солдат,
За оружием вы к англосаксам
Протоптали дорожку, как в ад.

Вы российских пытаете пленных,
Упиваетесь злобой своей.
Вам не снятся глаза убиенных
Мирных граждан, невинных детей.

«Нет вражде! Не стреляйте по братьям», -
Выши прадеды с неба кричат.
Ждёт нацистов позор и проклятие.
Знай об этом и помни, солдат.

Пусть Европа под зонтиком НАТО
Вам защиту и блага сулит,
Вам туда, украинцы, не надо.
Правда кривду всегда победит.

Как когда-то приспешника ляхов -
Сына смог Тарас Бульба казнить,
Так сейчас он воскреснет из праха
И предателей будет судить.

Установки Зеленского лживы.
Штаты, запад - вам не друзья.
Прочь с Донбасса. Останетесь живы.
Это русская, наша земля.

ПИСЬМО

Папе решил свой отправить портрет.
Юный художник, ему восемь лет.

Он на рисунке и в жизни печален,
Переживает, - его папа ранен.

Мама к нему подошла, говорит;
«Сердце за папу, конечно, болит.

Но мы гордимся им, - был награждён
За героизм и за мужество он.

Папе письмо мы с тобой написали,
Что хорошо всё у нас рассказали.

Нужно солдату для выздоровления
Оптимистическое настроение.

Мальчик подумал и тему сменил,
Маму и сына изобразил.

Папе они шлют, в связи с награждением,
И поздравление, и восхищение.

Ждут, верят, – скоро вернётся домой,
Папа-защитник, воин – герой.

В госпиталь был тот рисунок отправлен.
Болен солдат, тяжело в битве ранен.

Лёжа читает письмо он, и вот
Доктор сказал: «На поправку пойдёт.

Вижу улыбку, а настроение
Очень полезно для выздоровления».

Юрий СТЕПАНЕЦ (1941-2018)

г. Сызрань

Родился в 1941 году, в селе Константиновка Сталинской (ныне Донецкой) области. После школы поступил в ПТУ, затем работал токарем. В 1960 - курсант военного училища в Саратове, позднее получил диплом Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Служил во многих воинских частях, разбросанных по нашей стране: от Мурманска до Владивостока. С 1978 - в СВВАУЛ. С 1991 - полковник запаса. Ю.Е. Степанец - автор многочисленных статей и стихов, публиковавшихся в городских, областных, окружных, республиканских, центральных изданиях. Его военно-патриотической лирике уделяло внимание радио и телевидение, не только местное, но и центральное. Основная черта творчества Ю.Е. Степанца – гражданственность. Член российского Союза профессиональных литераторов.

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Двадцать второе.
Сорок первый год.
Июнь. Рассвет.
Отчизна величава.
Сны мирные...
Но их война прервёт -
Через мгновение её начало!

Стал день для многих роковой межой,
Жизнь поделив для них на «до» и «после».
Трагедией кровавой и большой,
Подобных не бывало в мире вовсе!

Вращается, как прежде, земной шар.
Народы помнят той войны уроки.
Без устали народная душа
Скорбит о павших. Здесь бессильны сроки.

В день Памяти мы вместе: стар и млад,
Печаль и гордость за страну изведав.
Он - символ жизни, той войны солдат.
Потомкам та завещана Победа!

22 ИЮНЯ

Есть необычный летний день,
В тот день войны начало.

Легла над миром смерти тень,
И вороньё кричало.

Стервятники терзали мир:
Он слаб и беззащитен.
И зло устроило в нём пир...
Пощады не ищите!

Сошлись на грани жизнь и смерть,
Добра победа, зла ли?
Чтоб победить и уцелеть,
Мы Бога вновь признали.

Есть необычный летний день:
День памяти и скорби.
Мозги у многих набекрень –
Не всяк сей день и помнит.

Но в этот день, как никогда,
Мы снова вместе вроде.
То слёзы павших, не вода,
К нам дождиком нисходят.

ОНИ УШЛИ

Памяти ветеранов Сызранского ВВАУЛ

Последний ветеран покинул мир,
Без них война – лишь память и не боле.
Живыми больше не увидим мы
В легенду превратившихся героев.

Они ушли, и будто свет погас,
И враз мы словно все осиротели.
Объединяя, вдохновляли нас,
На них похожими мы быть хотели.

Они ушли, их больше с нами нет,
И эта мысль обледеняет душу.
Теплом их сердца был и я согрет,
Им клятву в верности под пыткой не нарушу.

Желанных встреч теперь уж с ними нет,
Они для нас былинные герои.
От слёз тускнеет в День победы свет,
Теперь он память лишь для нас – не боле.

И как-то сразу обеднела жизнь.
Чем дальше, тем короче память будет.
Мы делу их ещё живым клялись,
С веками равнодушной станут люди.

Они ушли, но всё же верю я:
Не в забытьё они ушли – в бессмертье.
Их подвиг для России вечно свят:
Они ей верили, и вы ей верьте!

КОМБАТ

Под кинжальным огнём
Сник, залёг батальон.
Смерти близок полёт,
Скоро всех заберёт.
Но поднялся комбат
(Уже ранен был он)
И спокойно сказал:
За Россию, вперёд!

И пошёл во весь рост,
Не на смерть, на парад.
И поднялись за ним
Все, кто был ещё жив.
И никто уж не смог
Повернуть их назад.
Враг был смят и разбит,
Но комбат не дожил...

СВЯТЫНИ

О дедах память нам дана:
Медали их и ордена.
В них блеск побед и боль потерь.
Святыням ты душой поверь.

Они даны за пот и кровь,
Напоминая вновь и вновь
Средь мирных дней тебе и мне
О самом страшном – о войне.

Шли деды наши в смертный бой,
Отчизну заслонив собой,
Сплочённые одной мечтой,
Чтоб жили в мире мы с тобой.

Себя никто там не берёг,
И был судьёй им только Бог.
И каждый был из них герой,
За нас пожертвовав собой.

С тех пор прошло немало лет.
В живых почти тех дедов нет.
Но вечна слава их побед.
Над сединой – свободы свет!

Ушла в историю война.
Уже совсем не та страна.
Святыня – каждая медаль.
С ней память внукам передай.

ПАРАД ПОБЕДЫ

Опять парад в честь дня Победы,
И солнышко проснулось рано.
Забыв про годы, хвори, беды,
Вновь на параде ветераны.

По площади парадным маршем
Идут войска побатальонно.
И снова радость в душах наших –
Трепещут на ветру знамёна.

Идут наследники Победы,
А где ж герои тех баталий?
Да вот они: старушки, деды
На гостевых трибунах... далее.

Взирают мудро и устало,
Как на итог их трудной жизни.
Вот и для них пора настала
Быть на параде, как на тризне.

Они – история живая,
Унося их болезни, раны.
Ещё одна весна, другая...
Уйдут в бессмертье ветераны.

О ВОЙНЕ

О войне рассказывать не любят
Те, кто был там. Это неспроста.
На войне звереют часто люди,
В душах ярость, боль и пустота.

О войне рассказывать не любят,
Всё забыть стремятся неспроста.
Там, где ежечасно гибнут люди,
Меркнут доброта и красота.

Дифирамбов фронтовик не любит,
Молчалив и скромен неспроста.
Завещает: «Не воюйте, люди!»
Мир от зла и ярости устал.

Прежним человеком он не будет –
Сострадания слезу утри.
Он войну до смерти не забудет,
Там не зря считают год за три.

ОТЦУ

Я – ровесник войны, той тяжелой войны,
Что прошла и огнем, и свинцом,
Я – ровесник войны, той жестокой войны,
Что меня разлучила с отцом.

Неизвестны то место, сражение и миг,
Где светило померкло в глазах...

Замедляю свой шаг я у братских могил,
И непрошено льется слеза.

Верю сердцем, отец, не сломил тебя враг.
Мне твой образ другие затмил.
В скорбной гордости я замедляю свой шаг
Возле холмиков братских могил.

Был солдатом отец, стал солдатом и я.
Тяжела эта ноша моя.
Ты не умер, отец, потому что тебя
Продолжают твои сыновья.

Я – ровесник войны, той тяжелой войны,
Что прошла и огнем, и свинцом.
И храню я Отчизну от новой беды,
Присягнув ей на верность отцом.

УХОДЯТ ВЕТЕРАНЫ

Уходят, уходят от нас ветераны.
Как роты на марше идут и идут.
Их косят болезни и старые раны.
Их ждет неприступный последний редут.

Смертельного боя известен исход им.
Никто этой участи не избежит.
Но их поредевшим когортам и ротам
Народная память принадлежит,

А мы отстаем, подуставши на марше.
Нам их не догнать и собой не прикрыть.
Они уже стали историей нашей,
А мы все гадаем: какими нам быть?

Но нам на покой и в историю рано.
В России еще перемены грядут.
Уходят, уходят от нас ветераны.
Не просто уходят – в бессмертье идут.

Юрий СЕМЁНОВ

г. Сызрань

Родился в 1929 году в городе Бек-Буди Дарьинского округа Узбекской ССР. Во время войны остался без родителей: отец погиб на фронте, мать репрессировали. Окончил Серпуховское военное училище и Ленинградский военный институт физкультуры и спорта. После увольнения в запас жил в Таганроге, где был общественным корреспондентом «Таганрогской правды». Лауреат сызранской городской премии "Признание". Победитель конкурсов: Проза. - "Служу народу и Отечеству" (Самара); "Твои, Россия, сыновья" (Москва); "Согласование времён" (Франкфурт на Майне). Поэзия. - "Золотое перо Руси" (Москва). Авторская песня. - "Парнас" (Москва). Стихи и рассказы публиковались в армейских газетах «Красная звезда», «За Родину», «На страже Родины», «На страже Заполярья», антологии прозы и поэзии «Сызрань литературная», журнале «Сызранская излучина». Автор двухтомника «Живём и помним». Член Сызранской городской писательской организации.

КОРОБКА СПИЧЕК

(монолог Капитана Василенко)

— Ага, откуда у меня спички и вообще на кой ляд они мне, не курящему? В мире, Сергей, бог всё устроил ... Прикуривай, прикуривай... Ага, просто. Это мы сами себе всякие заморочки тово... Ну, прихожу домой, как всегда, поздно... Мы ж с тобой, товарищ капитан, в полку кто? Не по штату, а в голове командования. Вот, вот — главные бездельники. А что главная работа у нас начинается, когда все нормальнотруженики кто во что горазд по собственному усмотрению... Ага, считается, что твой футбол и моя художественная самодеятельность для нас это... Как это по-модному? Ага — хобби. Что? Про спички? Я ж и говорю: всё просто. Вчера вообще подзадержался с этой Клавиатурой... При чём рояль? Так в лётной столовой официантку Клавю прозвали. Подпольно считается. Да вода в решете... Ты же сам видел: грудь у неё лишь на два клавиша меньше, чем у рояля. Ага. Зато голос — ерихонская труба. Да вот умудряется Хабанеру петь на мотив «Катюши». Бьюсь с ней... А я про чо? Сидит моя на ступеньках крыльца с хозяйкой дома, языки чешут. Меня увидела — очнулась. Встала, одной рукой коробкой вот этой в живот тычет, другой сумку подаёт. За картошкой, значит. Фуражку снять не успел — полез. В погребе свечка на полке. Запалил, спички в карман сунул. Ага. Дома своя хабанера: полк посадили, а где жить? За квартиру пол-получки... Ну и дальше по сценарию... Э-э, спички отдай. Я их теперь и после дембеля

буду при себе... Почему, почему... Амулет, или как по-русски? Ага – оберег. Не понял? Ага. Так про картошку, Сергей, это прелюдия, а оперетта... Ты крепко сидишь? Армейский афоризм про трёх дубов у полку справедлив. Так то по должности. А по складу ума дубари и повыше обретаются. Короче. Вот на днях командиру нашему третью звезду на погон тово... И у одного из дубарей ветерок в кроне: а не сделать ли командиру подарок по этому случаю? Как бы начальство по голенищ это самое... По-старосолдатскому...

А ветерок тут же в другой черепок: в военторге кресло появилось, вертлявое. Это чтобы штанами не ёрзать, а то блещут... Так вот – командиру его! Ага, в кабинет. Кому поручить? Так есть же внештатный комендант штаба! Начклуба Вася Василенко. Через АХО оформит. У меня шерсть дыбом: кто платить будет? Мой домашний кассир? Ага. Физии скривили, но в карманы полезли. Когда кресло ставили, меня чёрт дёрнул сесть... Может, один раз в жизни! Так я запрыгом кормой вперёд! А оно на колёсиках... Копчик до сих пор болит. Шофёр командирской «Волги» кинулся меня поднимать, а эти... Один «Не в свои сани не садись!», другой «Умное кресло»... При чём спички? Так это... Ага, третий акт. Начальство торопит – бегом в АХО оформлять покупку! По пути думаю: если АХО счёт оплатит, то подарок-то получается не от шибко уважающих служака, а от государства! А если не оплатит? Ить вряд ли сам командир дивизии при таком кресле...! Генерал! И тогда плакали денежки... Чьи? Да эти двое меня ж глазами съедят! И тут же будто водой холодной окатило: могло ж быть, что мои! Трудно представить, какую хабанеру моя Томочка... А? Ага, по делу. С административно-хозяйственным отделом я крепко знаком: мало ли клубного хлама висит на мне, так ещё и штабное... И это кресло, которое – уж точно! – ни в каком табеле, кому что под зад... По твоей науке три раза вдохнул и торкнулся в дверь. Сидят за барьером: справа за навалом бумаг едва заметная «бух» Наташа и завскладом Мария Ивановна, прямо – какая-то особа спиной ко мне за столом начальника отдела, и он сам, окуляры на меня наставил. «О, Василёк! Собственной персоной!» Тут все ко мне и повернулись. И тут я впервые понял, что обстрел обстрелу рознь. Хоть и глазами. Ага. Когда из зрительного зала – то общая пальба куда попало, в белый свет, как говорится. А вот так – в упор... Ефто, простите, уже не обстрел, а расстрел. Стою, копаюсь в голове: зачем пришёл-то? У начхоза, вижу, коробка папирос «Наша марка» в руке. Это ж дороже «Казбека»!.. Да по теме я, по теме... Давай, говорит, твой акт на списание, надоел ты мне со своими табуретками... Точно! Я же актом военторговский счёт прикрыл, чтобы, значит, фактор внезапности не тово... Пока Наташа туда-сюда передавала мои бумаги, слышу, как особа майору про то, как он ей в выходной что-то там то ли проиграл, то ли проспорил, так она ему в

утешение вот эту «Нашу марку». Ты курни. курни... А тот коробку в сторону – служба прежде всего! Акт подмахнул, не глядя. Лом сдать на склад. Потом составим акт и в котельной сожжём в присутствии... Тут Мария Ивановна взмолилась: дескать, Вадим Гаврилыч, зачем в котельной, она лучше дома в печке сожжёт. Зимой-то... «Не положено, – как ножом отрезал Гаврилыч. – А это что?» Я хвост поджал, но шерсть на загривке дыбом. Ага, как в бою грудью командира прикрыть. Он читает и бурчит: «Счёт... Кресло кабинетное... Не понял... На что оно тебе?..» Я не дрогнул, поясняя, что подарок командиру в связи... В какой связи, всему гарнизону известно, а он плечами жмёт: «Кабинетное... ПМ... Это значит, полумягкое... А что не диван-кровать?.. И какому олуху такое в голову взбрело?» Поясняю: замполиту и начальнику штаба. Крякнул. «Умники: подарок за государственный счёт, а меня, значит, вокруг пальца! Наедет комиссия – не положено! Плати, старый хрен! У твоих командиров, Василёк, кошельки потолще моего». Счёт отодвинул от себя: «Не положено, понял?» «Нашу марку» нащупывает. Стою. Локти на барьере, кубышку в ладонях держу, а в ней никакого ответа на извечный русский вопрос: что делать? Но вижу, как эта незнакомка тычет большим пальцем себе за спину. Ага, на меня показывает. И очкарику что-то бухтит. Ловлю обрывки: «...слыхал?... Замполит... глаз и рука партии... поперёк её... партбилет в кармане...» Знаешь, Сергей, у меня хвост-то разжиматься стал: па-артия! Это тебе не соломинка! И что там майор со своим «Не положено»? Ага, ушки на макушке, хотя и корчит из себя... Папиросу в рот воткнул, по карману хлопнул. Удивился. Обхлопал всего себя, ящики стола обшарил, вокруг себя оглядел, чуть ни выронив папиросу. Особа ему: «Ты чего?» Он: «Прости, Гела, спички вот...» Спичек ни у кого из баб не нашось. Немая сцена. как у Гоголя. И вот, Сергей, кульминация. Ага, не чёрт дёрнул, а ангел-спаситель по затылку... Я хлоп по своему карману – тут!! Чего, чего... Да коробка эта самая... Что в погреб за картошкой. Вынимаю, тарахчу. Вадим Гаврилыч зад от стула оторвал, но Гела ... Или как там её по-русски?... Как она ко мне припорхнула, да как подмигнула... Глаза у неё, Сергей, как у кошки – в пол-лица и... Короче? Ага. Начхоз её слушал, дымом пыхтел, а счёт-то к себе подвинул. У меня хвост колечком... А он окуляры на Наташу: «Выпиши ему накладные на сдачу и на получение. Только эту самую ПМ пропусти. Грех служебный на душу беру, а кто оценит? Вот и Марьяванна тут кстати..» А той палец в рот не клади: «Ето как, Вадим Гаврилыч? Без сдачи на склад? Не положено ведь. Как и ломаные табуретки на дрова...» Геле эта возня, видать, надоела. В чём сыр-бор? Что за ПМ? да зачеркни ты его! Майор объясняет, что в этом случае тот, кто выписывал счёт, должен написать «Исправленному верить», подпись и печать. «Это мой Стас? – Берёт Гела трубку, – Так я...» Майор придержал её руку: у него новое в голове: этот скряга начфин всё

равно потребует расшифровку. Государственный карман пуще своего бережёт... Гела трубку всё-таки сняла и мурлыкает в неё: «Это я, дорогой...» И т.д. Про то, что Василёк свои кровные платил, а счёт неправильный, так выпиши новый, без дурацкого ПМ. «Я сказала!»

Всё, Серёжа! Дальше – как у Чехова – сам конец придумай. А у нас финита ля комедия! Все счастливы и занавес шуршит. Всего коробка спичек, а что наделала, а?.. Криминал? А – партия? Впрочем, ежели что, так ты у нас кто? Ага, внештатный дознаватель, тебе и разбираться. Хоть ты и беспартийная галушка... Ч-чёрт, копчик-то болит...

Николай ЮРЛОВ

г. Красноярск

Родился в 1954 году на вятской земле в семье колхозников, литератор и публицист, выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, а также собственным корреспондентом газеты «Гудок». Автор многих книг, в том числе «110 лет неизвестности», «Зеркало антиквара». Победитель профессиональных конкурсов «Журналистская Россия», «Сибирь — территория надежд», лауреат «Российского писателя» за 2016 год в номинации «критика». Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Молодая гвардия», «Мир Севера», «Берега», альманахах «Енисей» и «Новый Енисейский литератор». Публикации на сетевых ресурсах: журнал любителей русского слова «Парус» и литературно-художественный альманах прозы и поэзии «Новый российский писатель». Живёт в Красноярске. Член Союза писателей России.

Сны Макара

(Фантазия-ремейк)

*Эх, жизнь, когда ты организуешься, чтоб
уж не чужать тебя!*

Андрей ПЛАТОНОВ

Был месяц август, ярко светило солнце, а по такому случаю радостно и многоголосо исполняли свои песенные рулады птицы, ещё не утомлённые полдневной жарой. На лазурном небосводе не было тучки, ни облачка, один лишь месяц, который задержался с ночи, обозначился на нём и не думал никуда исчезать. Месяц был молодой и почти прозрачный, а на его белоснежной дуге проступил затенённый рельеф, точно оспины на лице.

Лунный серп – и днём, в светлое время суток? Что обещает он тем, кто готовится в путешествие, рассчитывая, что по-прежнему будет солнечный день, а в их долгой и утомительной, безусловно, поездке не случится ни шквалистого ветра, ни проливного ливня, ни страшной грозы?

В путь-дорогу собрался и Макар Ганушкин, литературный герой Андрея Платонова, произведениями которого вдохновился автор и создал собственную фантазию – продолжение иронического цикла о загадочности параллельных миров, а также совершенно невероятных событиях, которые происходят в них.

* * *

С первых лет пролетарской революции дни рождения Ганушкин не признавал, считая их вместе с именинами, то есть чисто ангельскими днями, пережитком прошлого, буржуазной традицией; их, как и многое другое, требовалось навсегда искоренить. И очередную дату, а по сути

своей юбилей и событие в личной жизни значительное (всё же выход на заслуженный отдых), особо уполномоченный пропагандист повстречал в пути, отменяя прочь всякие торжества в этот день недели, самый что ни на есть обычный день, в его нынешних представлениях. Накануне, не сразу согласившись на организацию почётных проводов в коллективе, он добился у начальства разрешения на последнее задание: распропагандировать чудодейственный электромагнитный аппарат, который триумфально прошёл лабораторно-исследовательские испытания, и теперь дело оставалось за малым — запустить его в серийное производство.

Указательный палец ткнул на карте Б.С.К. (Безбрежного Сибирского Края) в маленький кружок, обозначавший отдалённое село Починок, а сам владелец пальца повелительно разъяснил шофёру подержанной «эмки»:

– Вот где наша не пропадала!

– Да и наша не пропадёт, в Починке у меня свояки, — обрадовался подвернувшейся оказии водитель, молодой парень. — У них я и заночую, а вам, товарищ Ганушкин, особое место предоставят, со всеми удобствами...

Что это за удобства, коммунального характера или же иные, выходец из патриархальной деревни не стал уточнять, а Ганушкин ничего и не спросил.

По правде говоря, в этот Починок, центральную усадьбу колхоза «XIII Октябрь», сочинитель Платонов своего героя не отправлял, в тех местах даже в босоногом детстве Макар телят не гонял, да и не делал пропагандисткой карьеры в зрелые годы, хотя на должностях состоял. Но параллельные миры, как теперь выясняется, допускают многие вольности, несопоставимые с фантазмагориями самых изысканных и к тому же избалованных славой сочинителей. А случается порой, что в той, другой от нас реальности, всё идёт совсем не так, наперекосяк.

Потому-то параллельный Ганушкин вовсе не умер от слабости сердца, как доносилось до читателя тем же сочинителем Платоновым, и тракторная колонна, которая удостоилась чести проводить Макара в последний путь, осталась незадействованной, а механизаторы потеряли целый трудовень.

Ганушкин-дубль не только продолжил дальнейшее существование, он стремительно летел по Сибирскому тракту — пыль стояла коромыслом на бескрайних просторах. Конечно, находились отдельные товарищи, которые считали, что это плоскость слишком уж утомительного пространства в силу своей беспредельности, но они были люди пришлые и никогда не любили Сибири.

Пыль, поднятая легковушкой, слегка припудрила телеграфные столбы, провода и рассеявшихся на них смоляных ворон, которые

становились теперь сизо-пепельного цвета: пожалуй, и не отличишь их от соплеменниц, более близких к шумному фонтану городской жизни.

Вскоре особо уполномоченный, ведомый в путь-дорогу жаждой продвижения нового прибора, попросил водителя притормозить – на подъезде к Починку должен был показаться знакомый котлован. В действительности, далёкой от литературы, это был выработанный каменноугольный разрез, где по-прежнему нависал над сумрачной бездной выцветший от солнца плакат «Даёшь стране угля!», со временем дополненный непечатной фразой (она и сегодня хорошо знакома многим).

Теперь возле котлована стоял особо уполномоченный пропагандист Б.С.К. и думал не столько об исчерпаемости природных кладовых, когда-то накопивших в своём чреве мегатонны горючего камня, дающего людям тепло и много чего другого, сколько о различных проявлениях своей собственной сущности.

Вот и достиг он почтенного возраста – эта мысль остановила его на самом краю террикона, вырытого далеко за пределами крайгорода по спущенной разнарядке, а именно: по экспортно-сырьевой необходимости, без чего не могли существовать ни партия, ни правительство, ни все оставшиеся граждане и гражданки. Утешить Макара в связи со столь грустным событием в его трудовой биографии теперь было некому, и он решил помочь себе сам, успокоившись автономно. Подобные психофизические упражнения отнюдь не хуже тех, кто был не понаслышке знаком с восточными практиками, проделывали иногда и дальние литературные родственники Ганушкина.

На краю горнопромышленной ямы виделись Макару, конечно, и картины недавнего прошлого, многие из которых носили интимный характер. Из благородного рыцаря, неизменно дарившего своим зазнобам бездефектные пояса верности, сотканые из чистейшего шёлка, этот холостяк превратился в графа Калиостро с пролетарскими корнями, и остановить его могло только одно средство на пути к исправлению – чудодейственный электромагнитный прибор.

Для реализации заветной цели он даже поступил на заочное отделение Академии непрерывной молодости имени бывших членов Политбюро, и теперь нестареющий литературный герой становился яростным сторонником строгой регламентации половых отношений.

На краю котлована, грозившего при некоторой задумчивости прямым падением в тартарары, Макар репетировал будущее выступление о нужности чудо-техники:

– Женщина, освобождённая от половых обязанностей и половых последствий, баснословно увеличит активы нашей страны!

Страстная речь вылетела из уст особо уполномоченного пропагандиста, чтобы достучаться до самой глубины недр, а потом,

добросовестно обогнув котлован по всему периметру, вернулась к Макару раскатыстым эхом. Ганушкину даже привиделось, что на дне котлована мелькнул детский силуэт и шаловливо помахал ему ручкой, а была ли это известная многим филологам маленькая девочка Настя, которой для спокойствия и душевного равновесия некоторые прозорливцы советовали не слишком-то расти, – этого пропагандист не знал.

Здесь, на этом месте, где человек уже высосал все соки земли, Макар был готов рассуждать ещё и о том, как выровнять кривизну научно-технического прогресса, как вогнать брачную физиологию в капризную рыночную экономику, но время сильно поджимало – надо было сначала определиться на постой в Починке. И сделать это требовалось крайне деликатно, не вызывая в народе кривотолки, ведь в Б.С.К. уже неоднократно отмечались случаи, когда командированные сначала скромно снимали комнатку у вдовы, а потом женились на ней. На это и сам сочинитель Платонов указывал. А сколько персональных дел по случаю разбитых семейств копилось в районных комитетах и ждало оргвыводов на заседаниях партбюро, никто ведь не считал...

Вечером гость из крайгорода чинно, благородно пил чай вприкуску в обществе идейной гражданки Марии Тутукиной, которая отвечала за культурно-развлекательную программу в Починке и умела как следует, с живинкой в деле, организовать досуг командированной стороны. И ведь ни разу жалоб не поступало! А были только устные благодарности вышестоящих товарищей со всеми вытекающими последствиями для председателя колхоза и членов правления. О поощрении Марии неоднократно ставился вопрос на общем собрании сельхозартели, и мужики в порядке задумчивости почёсывали затылок и не возражали. В глубине души они по-мужски завидовали этим постояльцам, свалившимся нежданно-негаданно в культурно-развлекательную избу. Зато женщины-коллективистки сильно напрягались и шушукались между собой, а уж в домашней обстановке отводили душу, включая сарафанные репродукторы на полную громкость. Тогда исходившие оттуда протестные радиоволны слушали все родные, в том числе и дети. Но дама сердца, если это сердце принадлежало ответственному работнику, партийному выдвиженцу, всё же была вне подозрений.

Идейная гражданка думала, что особо уполномоченный, с непривычки дующий что есть мочи на блюде, поинтересуется культурной составляющей колхоза «XIII Октябрь», но этого не случилось. До того ли гостю было-то? Он произносил отрепетированную ещё над терриконом речь и так основательно к ней подготовился, что его без ложной скромности можно было величать не только особо уполномоченным пропагандистом, но ещё и певчим сибирским соловьём.

– Это же здорово, товарищ Мария, что вы и я полностью откажемся от гнусного животного чувства! – пропагандировал Ганушкин благородные идеи, которые давали людям возможность сбросить с себя ещё одни рабские цепи, ещё одно ярмо. – С новым прибором к нам придёт настоящая дружба и вдохновенная половая любовь!

Заворожённо смотрела на своего гостя Мария, хотя и сожалела, что к её кедровой настойке, всегда спасавшей постояльцев от ложной скромности, Ганушкин так и не притронулся. А ежели из того графинчика слегка пригубить...

Практика первоначального знакомства с противоположным полом свидетельствовала, что в этом случае даже самые тихие гости начинали геройствовать и сообщали то, чего в их жизни отродясь не бывало.

– Вот бы нашим молодушкам послушать! А как называется этот прибор?..

Очень уж хотелось теперь Марии стать самой первой приёмщицей и оценщицей новой техники, но все детали она выпытывала у гостя крайне осторожно, исподволь, чтобы никоим образом не нарушить проводимый эксперимент. Кроме того, её беспокоило, что конкретно она может сообщить товарищу Авербаху.

Этот Авербах был старший майор, он беспорочно нёс службу где-то в Центре, а потом и в крайгороде, куда был назначен с повышением, и благодаря стараниям своего осведомителя всегда находился в курсе всех событий в «XIII Октябре». Сигналы из Починка находились в отдельной папке, каждая бумага терпеливо ждала своего часа, а когда именно раздастся грозный бой этих часов жизни, решалось не сразу, не вдруг...

– Изобретатель просил сохранить изначальное название «ЧистоФлюй», и мы должны уважать авторское право. Погодите, товарищ Мария, вот научимся тиражировать ещё и душу техническим способом, – лучше всех в мире заживём! Долой буржуазный обман! Да здравствуют флюиды чистой любви! Даёшь стране «ЧистоФлюй»!

Мария вздрогнула, точно оказалась на праздничной трибуне и сейчас ей, культурному вожаку трудящихся масс, наконец-то предоставят слово. Здравницы за столом так и сыпались в эту ночь, мысленно Мария была уже готова подхватить какой-нибудь страшно громоздкий кумачовый транспарант и тащить его на себе вплоть до того самого чулана, где пылился в колхозном клубе обобществлённый хлам, извлекаемый по торжествам.

Пафос особо уполномоченного пропагандиста так захватил Тутукину, что ей непременно захотелось внести и свой личный вклад в дело социализма, выдвинув лозунг такой силы, который запросто бы подхватили и в соседних районах. И она преуспела, предложив:

– Нашему краю – высокую культуру!

При этих словах счастливая Мария взглянула на Ганушкина, не подозревая, конечно, что всё сказанное ей уже поднялось высоко-высоко, улетело в запредельные космические дали, а там, разумеется, тоже своя канцелярия, где старательно подшивают все земные дела и делают нужные оргвыводы.

Сказать за всю Сибирь-матушку Тутукина не решилась, но что-то подобное вертелось в её голове и просилось на язык, крутилось неспроста. Пройдут годы, и не очень способные потомки займутся экстренным спасением социализма, как им это виделось в здравом уме и твёрдой памяти, и тогда в параллельной реальности инициатива культурного организатора из Починка неожиданно всплывёт. Жаль только, что никто и не вспомнит о Марии Тутукиной, а всё припишут другой, не менее выдающейся личности, тоже женского пола. Никому и в голову не придёт, что если требуют чего-то высокого, стало быть, на данном этапе оно исключительно низкое. Ну разве не обидно за Сибирь и её Б.С.К.!

Но как было Марии Тутукиной знать о подобном развитии событий? Не мог ничего персонифицированного сообщить ей и Макар Ганушкин, полностью погружённый в планы грядущих преобразований, да он никогда и не выходил за пределы своих компетенций. А ведь предстояла самая грандиозная реформа за всю периодизацию человечества (от эпохи палеолита до времён ГОЭЛРО), поскольку изобретатель прибора замахнулся на основу основ в жизни людей – инстинкт продолжения рода. Платон нам друг, но откуда, скажите на милость, дети-то пойдут?

Мария вздрогнула, испугавшись, что теперь её могут, пожалуй, обвинить в отступничестве от программных идеалов, и быстро сообразила, что нужно гнать от себя дурные мысли как можно дальше. Она замигала красивыми глазками с растушёванными по-городскому ресницами, потому что и впрямь слабо представляла саму теорию, а тем более и практику новых половых отношений. Но погрузиться в столь деликатную сферу ей безумно хотелось!

Однажды на доске объявлений в крайгороде она увидела записку на тетрадном листе, который приклеил какой-то аноним. Стараясь не привлекать к себе внимания, Мария попыталась объявление снять, но безуспешно – крахмальный клейстер прихватил бумагу к дереву крепче всякой химии. Выполняя всё в точности так, как учил её в подобных ситуациях старший майор, то есть «по-ша-го-во», Мария несколько раз подходила к бойкому месту на городском рынке, чтобы выучить наизусть весь текст и передать его товарищу Авербаху на словах. Содержание записки гласило:

«На данном этапе жизни возникла острая нужда в идейной и раскрепощённой гражданке, знакомой с элементами французской любви. Если кто уже возбуждился, дальше будет больше. Обращаться в

коммунальную баню по улице Песочной. Покупая в кассе билет на помывку, слегка напеть «Марсельезу». Потом всё скажут. Достойный муж и гражданин».

Культурный организатор колхоза «XIII Октябрь» обладала неплохими вокальными данными, даже занималась сольфеджио, она и революционную «Марсельезу» когда-то разучивала вместе с хором животноводов после вечерней дойки, но что такое французская любовь, Мария абсолютно не ведала, да и товарищ Авербах не смог что-либо разъяснить.

Не глядя Тутукиной в глаза, старший майор тупо уставился в свой выдающийся стол под зелёным сукном, реквизированный в своё время у нэпмана, который потом был разоблачён как вражеский резидент – сотрудник разведки императора и генералиссимуса Хирохито. Настольная лампа бросила свет на эмаль в петлицах гимнастёрки, пурпурные ромбы на них сверкнули огнём, требуя от обладателя немедленных и решительных действий, и товарищ Авербах сурово произнёс:

– Ты колхозница – тебя любить нельзя... У тебя и паспорта-то на руках нет. Чего захотела!

А чего именно Марии захотелось, так и не озвучил. Видимо, товарищ Авербах нечто секретное, агентурное о той французской любви всё-таки знал. Зря, что ли, в органах служил и генеральское звание имел? Но ведь всего-то требовалась малость – удовлетворить женское любопытство. Эх, мужчины, мужчины, очень далеки они от понимания противоположного пола, не ведают, чего женщина по естественной природе своей страстно желает! Как только оценят заслуги Марии на культурном и прочих фронтах, она сразу же исправит биографическую ошибку – выхлопочет себе паспорт и уедет из колхоза в крайгород, где непременно выйдет замуж за инженера.

Вот главная фигура жизни, ускоритель научно-технического прогресса! Мария это на личном опыте познала. Был командирован как-то в Починок инженер Эверестов, мужчина видный, представительный, бригадой монтёров командовал (телефонную связь в колхозной конторе тогда проводили). Но больно уж крепко держался за рюмочку, а сильнее всего в период застолий любил произносить игривый тост «За связь без брака!» При этом тут же пояснял (не с подачи ли сочинителя Платонова?), что женатый человек – персона для общества бракованная...

Мария вспоминала и о том, что Эверестовым интересовался товарищ Авербах. Куда судьба забросила «ускорителя прогресса» сейчас, для каких ещёстроек первых пятилеток пришлось ему тянуть свои кабели, – ничего этого не знала гражданин Тутукин. А могла бы, если бы связала свою жизнь с гражданином Эверестовым.

Ночью Мария очей не сомкнула. Ей постоянно казалось: вот придёт, вот придёт гость из крайгорода и всё наглядно растолкует, вдохновит как словом, так и делом, но за стенкой только доносился умиротворённый храп. Видать, прибор любви задолго до его серийного производства начал оказывать эффективное действие, но пока только в локальном масштабе. Ранним утром товарищ Ганушкин наотрез отказался от чая и, простившись с гостеприимной хозяйкой, заспешил в клуб. Помахивая на ходу кожаным портфелем, он миновал огороды и пустыри, которые заполонил во всём Б.С.К. жирующий борщевик (оказывается, этот ядовитый пустоцвет жил припеваючи и в параллельных мирах). Сорняк мощно пустил свои корни в кипучую и могучую сощдействительность, где урожай на полях был истинно большевистский, где люди светились идеями переустройства на всём земном шаре и где теперь двигался в незатухающий очаг культуры особо уполномоченный пропагандист Макар. По пути ему повстречалась возле машинно-тракторной станции припаркованная колонна американских тракторов «Джон Дир» и с торжествующим возгласом: «Смерти моей не дождётесь, я вечен!» Ганушкин устремился в зал к массам – посылать колхозному крестьянству импульс-флюид.

После ухода гостя Мария ещё долго крутилась перед зеркалом, представляя, каким же образом флюиды любви будут пробиваться к сокровенным уголкам её ухоженного тела, чтобы без волокиты приступить к исполнению прямых обязанностей, и только потом, глубоко вздохнув по причине нелёгкой женской доли, двинулась на почту.

По означенному адресу она отправила товарищу Авербаху открытку с очень странным текстом, написанным как будто с чужих слов, под чью-то диктовку:

«Лично испытала действие прибора. Это какой-то «Водопад жизни»! Товарищ Чистоплюев прав: нужно срочно работать над импортозамещением, и флюиды любви сделают нас свободными. Мы не рабы, рабы не мы! Мария».

Через неделю в Починок нагрянули компетентные органы из крайгорода и вычистили Марию по первому разряду как несознательную гражданку, попавшую под влияние неправильной кинокартины «Водопад жизни», где искажённо трактовалась политика партии и правительства в тонкой сфере добрых половых отношений.

А где тонко – там, как говорится, у бывшей идейной гражданки Тутукиной всё и порвалось. Но порвалось, оказывается, не только у неё. В тех параллельных мирах никто не трогал пенсионный возраст, ни вверх его не поднимал, ни вниз не опускал, не нашлось ещё там такого корифея. График жизненного движения, установленный по регламенту партии и правительства, Макар Ганушкин и не думал нарушать, но простой у него продлился недолго – о нём вспомнило профсоюзное начальство

Рабземлеса. В узком кругу, собираясь на своих наркомовских дачах, вожди называли этих людей хапугами и рвачами, хотя это были неплохие ребята: какой-никакой, а всё же профсоюз, защитник интересов трудового народа. Союз работников земли и леса отправлял Ганушкина в бригады вальщиков и чокеровщиков, на верхние и нижние склады, где можно было воочию ощутить «лесов безбрежных колыханье», а также услышать пламенное слово Макара.

Востребовали ветерана, и на том спасибо! Таких пропагандистов ещё нужно поискать, а если телепортировать в распрекрасное будущее, цены им не будет. То есть, конечно, она непременно будет: на то и дан капитал, чтобы заламывать цену и торговаться, как на базаре. Предмет торга при этом не имеет значения: игра ли это, артистизм или умение понимать остроту текущего момента.

Макар и впрямь виртуозно обращался со словом, мог из чёрного сделать белое и наоборот, но лишь в экстренных случаях к подобным дивертисментам прибегал. Как будто предвидел, что кризисный форс-мажор в отдалённой перспективе всё же возникнет, а там его искусство и пригодится. Параллельные миры – это вам не что-нибудь, это полная вариативность всевозможных жизненных ситуаций, самое непредсказуемое развитие событий. Да уж если на то пошло, сюда самых лучших спецов на стажировку надо бы отправлять, из их числа и выйдут настоящие эффективные менеджеры – Макар не даст соврать.

И всё-таки беспокойно было на душе у бывшего особо уполномоченного пропагандиста. Несмотря на достигнутые успехи в Академии непрерывной молодости, где слушатели всегда забывали о собственном возрасте и больше уже не заглядывали в паспорт, Ганушкин стал со временем как будто сам не свой.

В одном из таёжных посёлков среди слушателей в засаленных ватниках, собравшихся в клубе, Макар увидел женщину, очень похожую на Марию, только причёска у неё заметно укоротилась, и коса куда-то исчезла. Пристально смотрела на него и силилась что-то припомнить, теребила в руках полушалок, а потом завязала его по краям узлом, как будто суму из него приготовила. Мол, от сумы да от тюрьмы, дорогой товарищ Ганушкин, зарекаться нельзя... Может, и впрямь подавала какой-то особый знак или сделала всё исключительно в сердцах, не от хорошей жизни, но после выступления к лектору так и не подошла, а многие подходили. Видимо, это была не Мария, решил Макар, да ведь и в места не столь отдалённые Рабземлес его не отправлял.

Довольно странным показалось Ганушкину также и то, что по улицам посёлка гоголем расхаживала туда-сюда, руки в боки, ещё одна испачканная в провинциальной грязи фуфайка – вылитый товарищ Авербах. Не иначе, тут проводилась какая-то важная специальная

операция, предположил Ганушкин, а по долгу службы её курировал товарищ старший майор. В ту пору органы шли буквально по горячим следам жука-короеда, полиграфа уссурийского, вредителя и засланца японского, пытавшегося сорвать госзадание по экспорту сибирской сосны, лишив страну валютных поступлений. Подробности об этом вопиющем случае Макар узнавал из газет и старался использовать его в своих лекциях как наглядную иллюстрацию, чтобы люди ни при каких обстоятельствах не теряли бдительность, даже когда отправлялись в лес за грибами, за ягодами или же просто так, бабочек на лоне природы половить. Из бабочки выйдет гусеница, а вдруг это тот самый злостный вредитель и есть?.. Выступления Макара все слушали с интересом, а сельповские ларьки даже получили солидную выручку от продажи сачков — всем вдруг захотелось обезвредить как можно больше порхающих мотыльков.

После той таёжной командировки лектору Рабземлеса часто виделась во сне бывшая идейная гражданка Тутукина. Порой он даже не хотел просыпаться — до того всё было благостно и хорошо в их отношениях, и внутри Макара всё так и бурлило, клокотало, что он готов был кружить перед Марией, как это делает завсегда воркующий голубок возле сизой голубки...

Вряд ли это была платоническая любовь, необходимость которой Макар когда-то пропагандировал на публичных лекциях. В том красивом сне он предлагал Марии руку и сердце и сильно переживал, что не сделал этого ещё тогда, в Починке.

Просыпаясь, Макар всё же ругал себя за оппортунизм, делая это исключительно по рекомендации сочинителя Платонова, но сны становились регулярными и настолько навязчивыми, что лектор решил обратиться за консультацией в Академию непрерывной молодости. Всё-таки организация имела широкий профиль и уже выходила на международный уровень по линии МОПРа — хитрой структуры, оказывавшей помощь борцам революции за рубежом. (В параллельных мирах МОПР хотели упразднить, но засекреченный покровитель не дал этого сделать, чтобы сохранить для иных времён, отправив из тридцатых годов двадцатого века в следующее столетие.)

Доктор Сонов, который в некотором роде тоже был пропагандист, поскольку продвигал в жизнь новые врачебные методики, посочувствовал коллеге и бывшему слушателю, а предложил единственно верный способ: мол, сходи-ка ты в баню.

— Дорогой товарищ Ганушкин! — учил его Сонов. — Послушай, что я тебе скажу: если в бане паришься — значит, не состаришься...

Фасад и интерьер коммунальной бани на улице Песочной был разукрашен любительскими изображениями в честь французов и исконного места их пребывания. Тут был и Людовик XVI, и Мария-

Антуанетта, коим безжалостная гильотина отрубила головы, и сам Наполеон Бонапарт – когда уносил ботфорты под Березиной. Хорошо вписалась в предбанник мужского отделения именитая Свобода, разодетая совсем не для баррикадных сражений, хотя тоже, в общем-то, для типично уличных дел, затеваемых иногда хмельными матросами в головных уборах с помпончиками.

Но главными героями стали, разумеется, парижские коммунары – революционный праздник в их честь, официально вписанный в мартовский календарь, триумфально вышагивал по всей стране. Тогда какие претензии к бане?

Макара поместили в кедровую бочку, где дурманяще пахло полыньёю и чабрецом: запах этих трав вызвал у ветерана Рабземлеса невольные воспоминания о том, как чудесно он провёл лето, внедряя в колхозную жизнь ноу-хау любви. Борщевик лишь не вписывался в общую канву, хотя он тоже пахучий, когда цветёт...

От горячей воды, куда почти с головой окунулся лектор, исходил пар, и, расслабленный сполна, Макар ожидаемо погрузился в лёгкий сон, как и прописывал доктор Сонов. Рядом с бочкой дефилировала Мария, ставшая для Макара очередной загадкой. Или же это сама Свобода, не спросив разрешения у музейщиков Лувра, сошла с полотна Делакруа, или же Мария Тутукина только что вышла из парной, как некогда Афродита из пены морской...

Для полноты ясности нужно сказать ещё и о том, что почётного лектора Рабземлеса в рекомендованном бочонке посетили слуховые галлюцинации, никак не предусмотренные методикой доктора Сонова. Макар явственно слышал, что кто-то в вестибюле сочным меццо-сопрано напевал «Марсельезу», предварительно купив в кассе на завтрашнюю пятницу помывочный билет.

Сами думайте для чего!

Тамара ПИРОГОВА

г. Ярославль

Родилась и жила в городе Рыбинске Ярославской области, в настоящее время более двадцати лет живет в Ярославле. Окончила факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, работала в редакциях радио и газет. Много лет была руководителем рыбинского городского литературного объединения. Она автор около двух десятков сборников поэзии и прозы. Произведения Тамары Пироговой публиковались в многочисленных рыбинских, ярославских, петербургских, московских изданиях, в том числе, в журналах «Русский путь на рубеже веков», «Невский альманах», «Южная звезда», «Литературная Галактика», «Роман-журнал ХХI век», «Молодая гвардия», «День и ночь» и других, в интернет-изданиях «Парус», «Великороссь», «45-я параллель», "Камертон" и других. Она член правления Ярославского регионального отделения Общероссийской общественной организации писателей «Литературное сообщество писателей России», член Союза журналистов РФ, лауреат конкурса московского Рубцовского центра «Звезда полей», участник и дипломант региональных и всероссийских поэтических фестивалей и конкурсов.

НОВЕЛЛЫ

Круговорот

Арина, управившись с утренними хлопотами по хозяйству, пила на кухне чай. Тоскливые мысли крутились вокруг её всегдашней заботы — отношений сына и снохи. Говорят, что молодые живут теперь сами по себе. А вот если живём вместе в одной квартире, то попробуйте-ка, молодые, обойтись без родителей...

Прошел год, как Арина стала пенсионеркой. И хотелось бы ей еще поработать на заводе, деньги-то не лишние, но родились внуки один за другим, и бабушка решила осесть дома, приглядывать за малышами — любимыми, долгожданнами. Снохе после родов долго нездоровилось, и Арина рьяно сновала по квартире с пеленками, распашонками, бутылочками и прочей детской утварью.

Она, конечно, сочувствовала Алевтине, но та постепенно стала все больше ее раздражать. Сноха, высокая и полная, двигалась неторопливо, даже детский плач ее не подгонял, норовила полежать почаще. Внуки между тем росли и все больше требовали внимания. Другая бабушка — мать Алевтины — разболелась, уже не встает, помощи от нее никакой. А сын на заработки уехал... Хотелось Арине с кем-нибудь поговорить, пожаловаться, как она устала быть незаменимой, просто выплеснуть, что наболело. Некогда даже к врачу сходить!

Она обрадовалась, услышав внезапный звонок в квартиру, и заторопилась к дверям. Давняя подруга в гости пожаловала. Валентина,

оказывается, потеряла ее номер телефона, но вот, наконец, собралась навестить свою Аришку. Слава те, Господи, жива-здорова! Хозяйка засуетилась, принесла домашние тапочки, усадила Валю за кухонный стол, заваленный посудой, детскими книжками и остатками завтрака. Быстро убрав лишнее, протерла цветастую клеенку, освободив место для чая с конфетами и печеньем.

– Надолго ли ко мне? – начала Арина разговор, наливая свежесваренный чай в чашки, разрисованные веточками лиловой сирени. Подружились они с Валею ещё в школьные годы и привыкли делиться своей бытовухой, говорить по душам стало насущной потребностью. Да и было у них много общего – по двое детей, мужа-строители в одном цехе, трёхкомнатные квартиры, дачи с огородами, даже склонность к чтению. Зато отличались внешне. Арина была полной, подвижной, словоохотливой, а Валентина стройной, даже изящной, неторопливой, из тех, кто зря лишнего не скажет.

– Час-другой посижу у тебя, давненько не видались, – отвечала Валя, улыбаясь закадычной подруге, – чувствую, у вас тут не всё ладно. Господи, у тебя и морщин прибавилось! Что за вулкан в вашей квартире раскипелся?

И Арину словно прорвало:

– Да, да, вулкан! Ты знаешь, что Коля уехал на заработки? Везде сокращения, а кто работает, получает мизер. Ну вот, уехал он, устроился в небольшом городке на новый завод. Технику какую-то там иностранцы делают. Стал аж начальником участка, не зря денежки за учёбу платил на заочном отделении института. Так что зарабатывает, семью обеспечивает, ему ещё завидуют друзья-то. Приезжает на выходные с семьёй повидаться. Деньги и подарки привозит, а сноха Алевтина всё дуется, жалуется, что денег мало. Ей бы с мужем обниматься, а она слёзы льёт. Какая Колюньке радость дома?

Вздохнув, Арина вытерла носовым платком с незабудками заблестевшие слезинки и снова заговорила:

– Вот уж две недели не приезжал. Алька всё брюзжит, что у него там есть любовница, и без жены ему хорошо. А я ей говорю – мужа надо почаще целовать, да на кухне гора посуды немытой, в ванной куча белья накопилась. Меня на всех не хватает, из магазина сумки тащу – руки отваливаются. А дети шныряют по всем углам да дерутся, уж я сама присяду с ними книжки читать. А молодуха на больничном больше сидит, чем работает.

И не лечится толком она, говорит, лекарства дорогие. Да ведь здоровьем-то можно заниматься и без дорогих таблеток. Смотрела бы передачи по телику. Врачи такое советуют, что сто лет можно прожить без болезней. Как я в молодости все дела бегом делала? Непутёвая Алька нам

досталась, у неё и мамаша вечно больная, а на вид – воду на таких возят.

Лицо Арины покраснело, исказившись в недоброй усмешке:

– Алька хитрая, загляну к ней в комнату – лежит. Я и обед сварю, и полы вымою, а она выйдет в коридор, «спасибо» скажет да пойдёт за ребятишками в детсад прогуляться. Приведёт их и опять занует, как она устала. Слушай, я уж ненавижу её. Сказать, что ли, чтобы к родителям отправлялась? У них квартира большая. Знаю, что не захочет – папаша пьёт, а за матерью ухаживать надо. Беда! Нет, я её всё-таки выпровожу отсюда, а внуки пусть хоть каждый день ко мне приходят. Накормлю, нагуляю их. Может, посоветовать Колюне развестись? Всё равно у них жизни не будет. А если ей вдруг врачи дадут инвалидность – и что за жизнь с больной женой?

Подруга сидела за столом, качая головой и ахая от сердитых слов Арины. Ей было жаль эту почти родную седую женщину, но как-то не по себе становилось от таких мрачных размышлений. Валя попыталась утешить ее:

– Да ведь многие так живут, надо помогать внуков растить. Ты поговори с Алей по-матерински. Она всё-таки простая, добрая. Да в церковь сходи с ней вместе, помолитесь у икон о здравии. Господь поможет! Кто в церкви бывает, все так говорят. Да я не навязываю тебе веру, просто постоит на службе. Я сама по выходным хожу в церковь, и на душе потом такой покой и просветление! Ты ведь, Аринушка, всегда была и мудрой, и задорной, не унывала и других учила жить...

Вдруг дверь отворилась и в кухню вошла Алевтина, на ходу застегивая ситцевый халат.

– Мне кости перемываєте, – глотая слёзы, заверещала она, – выпроваживаєшь меня, свекровушка, сплетничаєшь со своими старухами. И не стыдно тебе! Я к тебе, как к родной матери, а ты... И Колька тоже! Звоню ему, звоню – не отвечает. Да я сама уйду к родителям, хоть завтра. И не подслушиваю, сама на всю квартиру орёшь!

Аля закрыла лицо руками и, всхлипывая, выбежала в коридор.

Арина уставилась на Валентину, хотела что-то сказать, но внезапно зазвонил мобильник. Она дрожащей рукой схватила телефон. Звонили из детского сада – воспитательница нервно, скороговоркой сообщала, что у Танюшки поднялась температура, нужно быстрее взять ребёнка домой. Арина запричитала:

– Вот напасть какая! Бедная моя внученька, да где же её угораздило заразу подцепить? Теперь в квартире кавардак начнётся. Ладно, Валюша, расходимся, звони почаще, запиши мой номер, пойду за своей кровинушкой. Такая уж моя бабкина доля.

Расстроенные женщины вместе вышли из дома. Снохе свекровь не сказала ни слова.

...Валентина долго не звонила – конечно, Арине не до встреч сейчас, хотя в душе она очень беспокоилась о том, что сейчас творится в ее квартире. И вдруг подруга позвонила сама – Валя, приходи-ка в гости, есть новости, есть чему удивиться. Валентина как на крыльях полетела в знакомую многоэтажку. Сердце между тем затревожило неприятным холодком – чему удивляться? Что ещё приключилось? Впрочем, Арина была по жизни тёртый калач, всегда знала, куда падать, и заранее подстилала себе соломки.

И вот подруги снова за кухонным столом. Хозяйка в новом ярком платье – похвасталась, смеясь, что сама недавно сшила; волосы покрашены в её любимый рыжеватый цвет, как раньше, бывало, по молодости. На столе красовался узорчатый шоколадный торт. Арина налила чай в те же чашки с веточками сирени.

– Ну, слушай, – заговорила она неторопливо, – как всё повернулось в нашей жизни. Другим не особо рассказываю, а уж тебе-то... Приехал с месяц назад Колюня домой, и я с ним поговорила по душам. Так, мол, и так – Алевтина квёлая нос воротит от меня да тебя хает, всё ей денег мало, а экономить не умеет, транжирит денежки как попало. Да если б не моя пенсия, внуки бы раздетыми ходили. А Коле надо ведь и за квартиру платить, и на питание, и на дорожные расходы. Ну вот, сынуля и поведал, что есть у него в том краю краля, одинокая женщина с ребёнком.

Она приехала из большого города к родителям погостить. Познакомились в магазине, Коля помог ей телевизор выбрать. Стали встречаться, приглянулись друг другу. Рассказал мне, какая она ухоженная, и работа у неё приличная, денежная, а сын сразу стал звать Колюшку папой. Я прямо и сказала, что вот твоя судьба, а с Алькой – развод. Внуков я, конечно, не брошу, позабочусь о них.

Валентина молча слушала, теребя конфетный фантик. Арина воодушевленно продолжала:

– Подумал он с неделю, и закрутилось. Подал на развод, объявил, что уезжает в большой город, алименты платить будет. Да-да, он уже переехал к своей Нине, позвонил мне, что даже и работу подыскал. Дай Бог, всё устроится! Что творилось с Алевтиной – и слёзы лила, и нас всех ругала последними словами, табуретку сломала, детей стращала. Ну, я-то не скандалила, валерьянку ей капала, скарб помогла собрать и к родителям перевезти, напутствие дала муженька по душе найти.

Посуди сама, Альке все равно за матерью ухаживать надо, та с постели не поднимается, а отец будет с внуками заниматься и пьянствовать перестанет. Да и мне надо в себя придти, по врачам походить, здоровье не купишь. А насчёт внуков нет проблем, каждый день сама обоих забираю из садика, гуляю с ними, кормлю, игрушки покупаю и домой в ту квартиру веду. Правда, Танюшка с Витюшкой не хотят туда – упираются, но пусть

уж привыкают, в школу им скоро. А я, как видишь, и собой теперь занимаюсь, есть времечко и шить, и книжки читать. Дачный сезон на носу. Смотри, какая рассада вымахала. Приезжай ко мне летом на дачу...

Валя молча удивлялась скоропалительности событий, но, видать, у подруги гиря до полу дошла. Затем, прихлёбывая чай, она заговорила тихо и неуверенно:

– Да уж не знаю, радоваться за тебя или нет. На чужом горе счастья не построишь. Аля шепутная, конечно, но столько лет с Колей прожили вместе. Что ж она сама не поехала к мужу поближе? Разобрались бы в своих отношениях, наверное. Господи, какие времена! Что ж это людям невозможно на семью заработать, приходится скитаться, в разлуках жить? Деток жаль... Говоришь, Коля навещать их будет? Ты в церковь-то не ходила, у икон не постояла? Зря не ходила. Ну что ж, ты такая самостоятельная!

Арина махнула рукой – нечего беспокоиться, жизнь наладилась, и пододвинула госте тарелочку с тортом. Валентина продолжала:

– А где муженек-то твой? Так на даче и живёт весь год? Ясно, там ему спокойнее, и при деле он. Дача у вас как теремок – золотые руки у него. Конечно, приеду в ваши края, за грибами сходим. Да и ты ко мне приезжай, посмотришь на мои цветники, яблони у меня хорошие. Ох, переживаю я за вас, поставлю в церкви свечу за ваше здравие, хоть ты и не веришь в силы небесные. Ну ладно, пора мне. И ты идёшь? Меня проводишь, и на тренажёры в спортклуб? Ну ты молодец! Конечно, здоровье не купишь. Ну, на тренажёрах ты уж поаккуратней...

Они поговорили еще о тонкостях огородных забот и вышли из квартиры.

... Дачный сезон был уже в разгаре, когда Валентине позвонила Арина. «Приезжай – расскажу наши новости», – вот и всё, что она проговорила каким-то чужим, глухим голосом. Валя поругала себя, что давно не перезванивалась с подругой, и представила самые ужасные картины семейных передраг. На скорую руку полила свои грядки и побежала на остановку автобуса. По дороге несколько раз попыталась дозвониться до подруги, но та не отвечала, что ещё больше усилило тревогу. У Валентины уже покалывало сердце, когда она, наконец, очутилась у квартиры Арины и нажала кнопку кодового замка.

Арина открыла дверь квартиры, и Валентина охнула – перед ней стояла седая старушка с красными от слёз глазами. Они медленно прошли на кухню, где Валю поразил небывалый прежде беспорядок. Овощи, привезённые, видимо, с дачи, валялись на подоконнике и прямо на полу, на столе немытая посуда, осколки чашек с веточками сирени, засохший батон – всё говорило об отсутствии хозяйского глаза.

Арина кивнула – садись, мол. Сама села напротив и повела свой

горестный рассказ:

– Никогда не думала, что всё так может сложиться в моей жизни, всегда знала, где и как соломки надо подостлать. Не знаю, с чего и начать. Так мне тяжело, что даже тебе не хотелось рассказывать. Но хорошо, что приехала, может, и поможешь чем-нибудь... Постараюсь покороче, сил уже нет вспоминать, какую кашу пришлось расхлёбывать.

Только-только я высадила рассаду на даче, позвонил мне тесть – умерла Алевтина. Врачи сердечный приступ признали, приезжай помогать хоронить, мне одному не справиться, и мать лежащая, и внуки ревмя ревут. Вот ведь не пожилось на белом свете этой злючке... А кто, кроме меня, поможет?

Ну что, оставила дачу на мужа, поехала.... Какие-то сбережения у них были, я добавила, похоронили Альку достойно. Ребятишек я к себе забрала – кому они там нужны? И буквально через несколько дней опять подал тесть весточку – приезжай, моя старуха преставилась, загоревала без дочки, помощи уж ради Бога похоронить её. Ну вот, оставила внуков с дедом на даче и опять – кладбище, поминки...

Как я сама-то всю беготню выдержала? Всё сделали, как положено. Тесть плакал пьяными слезами. А Колюшка не приезжал на похороны, позвонил, что с работы не отпустили, какой-то у них там аврал, что-то не заладилось, да и пообещали хорошо заплатить. Поговорила с ним насчёт детишек, он сказал, что Витю к себе возьмёт, а Таня пока со мной пусть поживёт.

Да это еще не всё. Дальше такое закрутилось – как в страшном сне.... Вдруг на днях позвонила Нина, его новая жена, и ужас: Коле руку – правую – раздавило на работе каким-то инструментом, сейчас он в больнице, косточки-суставчики хирург собирает. Я в обморок. Еле оклемалась. Да уж, это Алька с того света отомстила нам, и думать нечего. Это она, она – злыдня, поганка, покоя теперь нам не даст...

Валентина зарыдала, слушая рассказ о невероятном месиве трагических событий и вновь повторяя:

– Пойдём в церковь, панихиду закажем, за упокой свечи поставим, иначе и сама, не дай Бог, от горя помрёшь. А как же Танюшка с Витюшкой? Грех большой теперь на тебе, сама понимаешь. Надо, ой как надо тебе у батюшки в церкви исповедаться, покаяться, злости в тебе много. Как дальше-то жить будешь? Помогу я, конечно, тебе бумаги нужные оформить, на даче тоже, и с внуками посидеть...

Арина помотала головой, утирая слёзы, вздыхая и бормоча:

– Да ты уж сама без меня в церковь сходи, сделай всё, как батюшка посоветует, а я поеду к сыну в больницу, там я сейчас нужнее. Не одолжишь ли мне денег? Совсем обнищала. А внуки – они пока останутся в круглосуточной группе детсада, всё плачут, бедняжки. Не знаю еще, что

дальше делать с ними. Одно утешение – у старшей моей доченьки всё нормально и денег дала мне, хоть и не любит она Колюньку, в ссоре с ним давно, мне выговаривала, что я его избаловала. Но беда-то одна на всех, родные ведь!

На следующий день Валентина проводила несчастную подругу на электричку, одолжив ей порядочно денег, и пошла в церковь на утреннюю службу...

Сорок тыщ

Лежать стало неудобно. Она с трудом вытянула ногу, здоровой рукой ухватилась за другую, высохшую и неподвижную, перевалилась на спину. Вздохнула раз, другой, чувствуя, как расправляются легкие. Снова замерла. И мысли опять запрыгали – надоевшие, тоскливые, неутомонные, всё одни и те же.

– Ох, смертушка моя, где ж ты ходишь... И откуда свалилось на меня это лихо, болеть распостылая? Ничего раньше не боялась, никаких болячек не бывало. Других баб завидки брали, вон какая проворная да веселая. Сглазили, видать. А Витюшка тычет – это за грехи тебя так, за грехи. Ну, грешна...

Вроде дверь хлопнула? Обед, видно, уже. Насилу дождешься, пока накормят. Шаги тяжелые – наверное, Витюшка. Все ж таки не бросает матку, прибегает. Так-то бы снохе надо приходиться, да с работы ей далеко. Сын – он и есть сын. Ох, завалилась я, свету на посмешище. А есть, однако, аппетит-то. Словно год не ела – и куда всё проваливается? Вон, идет Витя...

– Ну, мама, давай будем обедать. Любишь щи-то? Знаю, любишь. Голову держи повыше. Повыше, говорю. Никак не подвинуться? А что ж ты массаж-то не делаешь? Ленишься? У нас, понимаешь, нянек нет. Мамка, да у тебя простыня-то... Ну, ладно, ладно. Приподнимайся давай. Выше, выше! Чистую? Погоди, я же на обеде, времени мало. Ты ешь давай. Ложку-то бери, бери. Что, вкусно?

Да вот что, мамаша. Помнишь, мы с тобой про деньги говорили? Про твои, твои. Всё ты помнишь, не притворяйся! Цельную неделю долблю. Так надумала, аль нет? Ну, смотри, смотри. Помрешь вот завтра... Да живи, живи, Бог с тобой! Помрешь вот завтра – а тебя и похоронить как следует не на что. Не имеем сбережений-то! А вот переведешь эти свои несчастные сорок тыщ на меня – и похороним в лучшем духе. Всю родню соберем, пусть поминают. Расходов-то больше, чем на свадьбу.

Да ты не думай, тыщи три я брательнику отстегну. Или даже пять. А что, пять тыщ – деньги по нынешним временам. Хоронить-то не ему, а мне, как ни крути. Да он и не сообразит, как и что, а я уж спроворю.

Наелась? Сырник вот еще бери, чай пей. Но ты, мама, решайся! Завтра же вызову нотариуса – и всех дел-то. Во! Кто у тебя самый умный-то всегда был? Проныра-шныра, так и звала в детстве. Но ты, мамаша, смотри все-таки. Я знаю, ты Мишке хочешь всё отдать. А он, уж это не ходи к гадалке, пропьет всё! Что, сама не знаешь? Все знаешь. В общем, смотри. Нотариуса с утра приведу, как хошь. Ну, побежал я. Ничего больше не надо тебе? Ладно, простыню потом. Побежал я, до скорого!

– Побежал... Как они на деньги-то зарятся, Господи... А велики ли деньги? По рублику копила всю жись. Вот, хоронить-то торопятся, а мне не умирается никак. Кто ж знал, что так всё повернется. Конечно, тяжело им за неходячей убирать. Ну что ему похороны эти дались, вот пристал. Не иначе, дачу достраивать хочет, вот денежки и нужны. Проныра-шныра...

Нет, не переведу на него сберкнижку! Уж лучше Мишуне всё завещаю, Михаилу моему Константинычу. Ему нужней, он алименты платит, а там, глядишь, и жениться соберется. Да, так и сделаю. И попрошу Мишуню, пусть к себе меня возьмет. Он маткой не побрезгает, возьмет. Еды хватит. И много ли мне, старухе, надо? Глядишь, и пить станет меньше. Песни петь вместе станем. Ох, голосина у него! С детства такой. Как затынем вместе «Малиновки слышав голосок, припомню я забытые свиданья...» Одна радость осталась – песен попеть. А где тут попоёшь? То Сережка уроки учит, то голова у снохи болит. А Витюшке ежели что не по нраву, так и выговаривать начнет. Вот и лежи молчком, как труп какой...

Всё лежи да лежи. Ой, да времени-то скоко уже? Светло еще совсем. Поспала я, видно. То ли приснилось, то ли придумалось. Плясала словно бы. Помоложе была, уж как плясала, загляденье. На свадьбе чьей-нибудь, или родня просто соберется. Как встанешь, да как пойдешь по кругу! А в девках-то, бывало, еще в деревне – как пойду в кадрили, али в вальсе, все парни-то так и замрут. Коса была длинная у меня, черная. И глаза черные. У девок ревность пойдет, а мне что? Мне до себя. Был один парень, Ваня Гвоздев... Чу, опять дверь хлопнула. Идет кто-то.

Мишанька! Милой ты мой, как чуяла я! А попал-то как? Ключ у тебя свой, вон что. Да всё ничего, чисто, сытно. Вот тока скушно мне, душа не уgomонится никак, так и тянет ее. Хоть бы смерть пришла за мной, да всё никак не идет. Мишаня! К себе меня не возьмишь, а? Ты ведь самый мой дорогой сынок, в меня весь, вон глаза-ти черные сверкают. Мишаня, я песен перед смертью попеть хочу! Вот с тобой и попою. Возьми меня, за ради Христа! И деньги все тебе отдам!

– Мама, что ж ты раньше молчала, уж давно бы тебя забрал. У меня вольготно, хоть пой, хоть пляши. Выпьем по стопарику, на душе станет легче легкого, куда все проблемы и подеваются. Да не пьяный я, мама. Ну, пропустил стопочку, есть маленько. Ведь всё думается, как ты тут да что. Витюху-то я знаю. Ему как чего не понравится, так он и драться лезет.

Сколько раз я от него по морде получал! Сама знаешь, злобился он на меня всегда, с самого детства. А давай, мама, я тебя прямо сегодня и увезу к себе? Вот и ладно. Ну, договорились, значит! Побегу тогда домой, прибраться надо. А для тебя такси закажу. Ну, побежал...

– Слава те, Господи, вот всё и решилось. И что ж это у меня сегодня Ванька Гвоздев из головы не идет? Так и стоит в глазах. Жениться ведь хотел. И парень видный. Токо вот как сведала, что у него робенок на стороне, так сразу – никаких разговоров. От ворот поворот. А Костя другой совсем был, сурьезной. Костя-Константин, любовь моя горькая, любовь на всю жись. Охо-хо, как оно получается в жисти – вроде просто, а выходит непросто. Рассказать кому, дак целый роман выдет.

Уехала в город, пошла на завод, на квартире жила. С непривычки тяжело было. Да что я была – деревня! А тут Костя-Константин, в этом же доме. Как с работы приду, ни на шаг от меня! Ну, и завертелось. А потом война нас развела, да. Было дело. Ой, тяжело мне, тяжело... Смертушка моя, где ж ты? Никак меня Господь не прибирает к себе. Видать, не время, не срок. На всё его воля, а не наша. Вот и в войну так случилось. Костя без вести пропал, я в эвакуации.

И привязался ко мне этот Колька... Гляди-ко, вспомнила его опять! Ой, лучше бы и не вспоминать. Было дело, уступила. Жила трудно, есть было нечего, ну и уступила. Да какое уступила – замуж вышла, сына ему родила.

Ох, чего-то в груди опять хлюпает... придет ли сегодня Мишаня-то за мной? Нет, греха на душу не возьму – Колька меня не обижал, ласковый был. Жили и жили. Но как написали мне, что Костю из плена выпустили, так душа к нему и рванулась! Хошь ты меня тут режь на куски, не могла ничего с собой сделать. Бери, говорю, с сыном, жить без тебя не могу, снился ты мне каждую ночь!

Простил, принял, сына на ноги ставили вместе. А с Колькой после того какая-то болезнь приключилась, да вскоре и помер. Вот судьба-то. Теперь Витюшка меня всё батькой и попрекает. А любовь – грех разве? Да грех, видать, коли от мужа живого ушла. Ладно, посплю еще. Что ты будешь делать, опять дверь хлопает! Кому бы? Ой, опять Витюшка...

– Ну, мамка, решил я все-таки наше дело поскорей спроворить. Нотариус прямо сейчас придет. Завтра некогда мне, а сегодня уж больно всем удобно. Да и чего тянуть-то? Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня. Сама ведь так меня учила, помнишь? С работы отпросился, сходил в нотариальную контору, всё узнал, что и как. С минуты на минуту придет нотариус. Ты ведь поняла всё? Надо только сказать «согласна» и подпись поставить. Нет другого выхода. Мама, договорились? Я ведь тебя не обижаю, сама видишь. Коляску тебе закажу, будешь кататься по всей квартире, телевизор смотреть, а хочешь, так в окно себе смотри. Давай-ка я простыню-то тебе поменяю... А вот и

звонок! Это нотариус! Смотри, мама, без лишних разговоров!

Ну, и чего ты теперь ревешь, а? Чего ревешь-то? Опозорила ведь меня. Как есть опозорила. Чего ты в рассуждения-то пустилась? Какое нотариусу дело до твоих бредней? Он ведь за тобой не убирает, нотариус-то! Ему подпись надо, а не болтовню твою слушать! О какой ты даче молола? Да хоть бы и дача – тебе-то ведь все равно ничего уж не надо! А мне вот надо! Хоронить тебя надо, чтобы перед твоими старухами не опозориться. Все ведь приползут, потом разговоров не оберёшься, если что не так...

Да не голоси ты, не голоси! Как это из тебя вылезло-то – «сын обокрал»? Всю жизнь ты на мне зло срывала – и что от нелюбимого родился, и что похож на него. Да всё я знал, всё! И вот, как видишь, держу тебя у себя дома, честь по чести. Хожу за тобой! Хорошо, нотариус – умный человек, набрался терпения, выслушал твои бредни. Да и ты сообразила под конец, что к чему, поставила свою закорючку. Что, о деньгах своих ревешь? Лучше бы об отце моем плакала! Глядишь, и полегчало бы...

Мишка, ты чего появился в кои веки? Забрать мамашу к себе хочешь? Вот даёт! Ты это серьезно? Да бери, бери ты ее, а то теперь нытья не оберешься. Что, и такси уже у подъезда? Во дает брательник! Да езжайте, скатертью дорога! Я ее сам до машины донесу!

Екатерина ВОЛЬХОВСКАЯ

г. Ростов-на Дону

Родилась 18 июня 1983 в городе Ростов-на-Дону. По первому образованию переводчик, по второму – медик. Работает в городской больнице скорой помощи. Пишет стихи и прозу. Участник Форума молодых писателей, финалист премии «Магистр прозы». Дважды победитель конкурса готической поэзии. Лонг-листы «Русского Гофмана», «Майфеста», конкурса миниатюр им. Ю. Куранова. Шорт-лист международного конкурса «Состояние полёта». Лауреат всероссийского поэтического конкурса «Сезон дождей». Публиковалась в журналах «Дон», «Южная звезда», «Сетевая словесность», «ПоэтTREE FREEдом».

НЕДЕЛЯ ДО АВАНСА

Звонят из благотворительного фонда.

– Доброе утро, вы не спите? Там ребёночек три месяца, отказничок, с гастростомой, когда вы сможете выйти?

– Мммм, – отвечает Олеся, дочищая зубы. – Завтра в ночь.

– А сегодня? Предыдущая няня вообще всю неделю с ним лежала, как мама по уходу.

– У меня же ещё основная работа, – Олеся с мокрой головой бежит в комнату, по дороге собирая косметичку. Телефон опасно прижат плечом к уху. – Сегодня дежурю сутки, завтра с утра нужно отвезти документы на повышение квалификации. Потом могу к вам, но только до восьми утра, у меня в девять сдача крови, то есть тромбоцитов. Я ещё и донор ко всему прочему.

– Здорово, – неискренне восхищается фонд.

– Приеду на работу, сфоткаю график и вам скину в телегу, – обещает Олеся, одной рукой натягивая носок, и решительно тычет отбой. Нужно успеть хоть как-то позавтракать, а то неизвестно, когда теперь обед.

В восемь пятнадцать Олеся выскакивает из дома с набитым, как у туриста, рюкзаком и лихой шапкой на сырой шевелюре. Приложение показывает автобус в десяти минутах от остановки. Другое приложение показывает неделю до аванса.

«Карта ***3027, зарплатная. Баланс 11 рублей 21 копейка.

Карта ***4044, кредитная. Баланс 26 668. Задолженность 30 332. Обязательный платёж 456 рублей до 6 ноября».

Олеся рюкзаком вперёд вламывается в автобус, шлёпает кредиткой по терминалу и рвётся сквозь строй к уютному уголку у окошка. По пути отталкивает какую-то бабку.

– Да что это такое, вперёд старших лезут! Ни стыда, ни совести!

Олеся не слышит.

«За четыре смены по три тысячи, это двенадцать, – думает она, – плюс за тромбоциты шесть, это восемнадцать. Можно в этом месяце положить чИрик и в следующем... До нового года закрою, если зарплата придёт нормальная...»

Телефон издаёт вибрирующий крик.

«Карта ***4044, оплата 32 рубля. Баланс 26 656».

На подступе к работе звонит мама.

– Ты не опаздываешь? Взяла покушать?

– Взяла, успеваю, не беспокойся.

Олеся кивает охраннику и больно врезается животом в вертушку.

– У тебя там хоть еда нормальная, или макароны одни?

– Яйца варёные ещё.

– Ой, ну разве это еда?

– Белок же. Мам, я подработку взяла, с ребёнком сидеть в больнице, нет, не у нас, в областной. Ну ничего, что далеко, можно до Ленина, а оттуда на шестёрке. Мам, три тыщи за смену, никуда я не свалюсь, это на неделю всего... Давай, а то лифт приехал.

Отделение гнойной хирургии на восьмом этаже. Предыдущая смена уже переодевается в сестринской.

– В ноябре у зава день рождения, надо сдать хотя бы по тыще.

– Я с аванса, нету щас.

– Не забудь, подарок же покупать.

Время идти на перевязку.

– Ну, как тут у вас? – Дневной хирург Анна Михайловна первой wpłyвает в палату, за ней молчащая Олеся волочит тележку. В палате пахнет едой, экскрементами и гниющей плотью.

– Ой, так болит, доктор, так болит...

Олеся движется за врачом, как рыба-прилипала. Обрабатывает уродливые швы на животах, корявые культы. Накладывает чистые повязки. Руки потеют под перчатками, кончики корнцанга цепляются за марлю.

Вторая палата, третья, пятая. В кармане вибрирует телефон, но посмотреть нельзя – перчатки. Восьмая, одиннадцатая, пятнадцатая. Желтое ведро полнится кровавыми ватками, бинтами, клочьями пластыря. Двадцатая. Коридор. В коридоре на каталке – одноногий бомж в казенной простыне. В палате не хватило места.

– Ну, как вы?..

– Ммм...Ммм...

– Хорошо.

Олеся скидывает грязные перчатки в опасные отходы. Забегает в сестринскую, достаёт из рюкзака полторашку с водой и несёт бомжу.

– Нате, это кипяченая. Задолбали у соседей кланчить. Бутылку не выбрасывайте, а то больше не дам.

– Мм, ммм!

– Сами нальёте, руки есть! Мне некогда.

Обед. Макароны греются в микроволновке. Олеся открывает сообщения. До аванса ещё неделя, но вдруг?..

«Карта ***4044. Оплата страховки 558 рублей. Баланс 26 098»

Вечер. Олеся идёт по палатам с лотком. Вонзает шприц в дряблые зады, ставит капельницы, поправляет уретральные катетеры.

– Что ж вы со всей дури-то ширяете, а, мы ж живые люди, – причитает бабка с калоприемником.

– Вам там колоть уже некуда, вся ягодница в шишках, – огрызается Олеся. Первая палата, восьмая, одиннадцатая. Коридор. У бомжа спавшиеся вены, Олеся промахивается, меняет иглу и безжалостно тычет в сухую трясущуюся кисть.

– Ммм!!! Ммм!!!

– Ничего, потерпите!..

Снять капельницы в первой, восьмой, одиннадцатой. Снять капельницу бомжу. Десять вечера.

Олеся закрывается на посту и сворачивается на кушетке калачиком. Поясница ноет, как зуб. По онемевшей шее бегут мурашки, затылок саднит. Стопы вибрируют, как телефон.

– Ааааа...Ааааа... – Доносится сквозь подступающую дрёму. Из восьмой или из одиннадцатой?..

– Ааа...Ааааа!

Олеся аккуратно разгибается и сползает с кушетки.

– Что случилось?

– Ой, больно, не могу, больно...

– Сейчас посмотрю в листе, какое у вас обезболивающее.

– Не помогает оно! Ой, больно как, ой, больно...

Олеся идёт через пол-отделения в процедурку, возвращается с набранным шприцем. Делает укол, сбрасывает отходы, хромотает на пост. Ложится и закрывает глаза.

«Ещё целых семь часов, можно отлично выспаться...»

В голове возникает циферблат, растекается, как на картине Дали, и превращается в поджаристый блинчик.

– Ааа... Аааа!!!

Олеся врывается в палату, как монстр Франкенштейна.

– Ой, не могу, болиит...

Олеся воровато оглядывается и достаёт из кармана блистер.

– Это что?

– Моё личное. Ляпнете доктору – я в тюрьму сяду.

– Да вы что... Да никогда...

– Водой не запивайте, рассасывайте.

Вторую таблетку Олеся принимает сама.

Блаженная тишина в отделении.

Ночью поднимают всего трижды – в два, в начале четвёртого и около шести. Ложиться обратно уже нет смысла.

– В восьмой бабка с ампутацией ночью стонала, – сдаёт смену Олеся, связывая масляные волосы в хвост.

– Ну пусть на обходе врачу скажет.

– Да я сказала дежурному.

Лифт, вертушка, больничный двор. Наверное, какая-то погода. Олеся не успевает понять, какая. Кофейня на остановке уже открыта, секундная борьба с собой – и она входит.

– Дайте угадаю – капучино? – Кокетничает симпатичный бариста, кореец лет тридцати. Гладкий и томный в своей тёплой пахучей норке.

– Большой флэт-уайт, четыре сахара. Нужно как-то не сдохнуть.

– Тяжёлая смена?

– С суток на сутки.

– Работать некому?

– На работу как на праздник.

«Карта ***4044. Оплата 220 рублей. Баланс 25 878».

Олеся забирается в полупустой автобус и со счастливым вздохом садится. Горячий стакан греет пальцы.

– Девушка, с кофе нельзя в автобус! – Орёт невидимый водитель из будки.

– Да я его не пью, он закрытый! – Напористо лжёт Олеся и вставляет трубочку в отверстие. Сам небось в своей будке курит.

Кофе действительно хорош. Густой, кондитерский, молочный вкус обволакивает нёбо. Пригревшись, Олеся подрёмывает на рюкзаке, не опуская стакана.

Звонит мама.

– Ты позавтракала? Сейчас в ЦПК? Домой не успеешь зайти?

– Нормально всё, – вяло отбивается полуразбуженная Олеся. – Всё, давай, мне выходить.

В центре повышения квалификации очередь из растерянных медсестёр. Олеся стоит, прижавшись щекой к стене, потом резко просыпается и судорожно проверяет печати. Проставляет пропущенные даты. Хорошо, что вовремя вспомнила. Суровая женщина в янтарных бусах молча просматривает документы. Кивает.

– А дальше куда?

Женщина смотрит снизу вверх, но кажется наоборот.

– Никуда. На почту придёт уведомление.

– Спасибо.

Олеся выходит на улицу и смотрит на телефон. На часах 13:08. Два непрочитанных уведомления.

«В ночь на 22 октября на вашем номере спишется 760 рублей. Сейчас средств на счёте не хватает. Рекомендуем пополнить баланс на 329 рублей или больше».

«Заказывайте еду из ресторанов и получайте скидку 600 рублей на первый заказ от 1200 рублей по промокоду!»

«Так, сейчас начало второго, домой ехать бессмысленно, – хмуро прикидывает Олеся. – Туда час только добираться, если без пробок. В принципе, всё с собой, только вот хорошо бы пожрать...»

В рюкзаке гремит пустой контейнер из-под макарон. Остановка усажена ларьками, осенний воздух вкусно пахнет шаурмой.

«Карта ***4044. Покупка ИП Хачкинаев 215 рублей. Баланс 25 631».

Олеся сидит на лавочке, кусает сочную шаурму и роняет капли соуса на куртку.

«Блин, надо было чебурек за столтник взять, – казнится она, а преступное и прекрасное жареное мясо вызывает счастливые слёзы. – Ну ничего, в принципе, если за четыре смены получу, то можно и двенадцать закинуть, а за ночь и за тромбоциты оставить на жизнь...»

По пути в областную Олеся пишет на номер фонда:

«Добрый день, вот график, а что насчёт оплаты?»

«Добрый, вы на месте?»

«Нет, в пути, тут пробка, а насчёт оплаты как?»

«Три тысячи, но сегодня только за ночь»

«Я поняла, а вы мне на карту перечислите? Сразу или после смены?»

«Как вам удобно»

Сообщение выглядит укоризненным, но подогретая шаурмой Олеся не сдаётся.

«Я бы хотела заранее, вдруг утром придётся брать такси»

«Хорошо»

«Карта ***3027. Перевод от Мария Павловна Ш. 1900 рублей. Баланс 1911 рублей 21 копейка»

Окрылённая Олеся взлетает на пятый этаж в детскую хирургию.

Из палаты выходит волонтерша с младенцем на руках. Младенец тихонько почмокивает соской.

– Он спокойный-спокойный, вообще не плачет, – нежно говорит волонтерша. У неё свежий нюдовый макияж и аккуратно убранные кудрявые волосы. На белой футболке надпись «Твори добро!».

Олеся прямо в палате переодевается в рабочую форму.

– Только он любит спать на ручках, – поясняет красивая волонтерша. Олеся примерно знает, как её зовут, но это лишняя информация.

– Плохо, – сварливо замечает она. – В доме малютки его никто на руках носить не будет.

Волонтёрша смотрит с ласковым упрёком. Конечно, не ей же с ним ночью куковать.

– Кормим каждые три часа. Смесь набираете в шприц, подсоединяете вот эту трубку к стоме, видите, это такая дырочка с заглушкой...

– Я знаю.

Пять вечера. Младенец хнычет в кроватке, как сигнализация. Олеся лежит, вытянувшись на скользком матрасе, и терпит. Надо бы с ним поговорить, как-то заболтать, что ли, но губы не расклеиваются. Полторашка осталась у бомжа, а кулер в холле. Ничего, вымотается, заснёт, можно будет сходить.

В семь часов Олеся сгребает незамолкающего младенца и идёт с ним на пищеблок за смесью. Кормит через стому, задрав распашонку. Равнодушно смотрит на грубый шов, пересекающий крохотную грудку. Шов замазан зелёнкой. Грудка краснеет и вздымается, а шприц продолжает закачивать смесь прямо в желудок. Глотательный рефлекс отсутствует.

Девять часов. Отбой. Прикорнувший было после кормления, младенец кривит рожицу и издаёт нерешительный хнык. Соседи по палате укладываются спать. Олеся смотрит в окно на недостроенный корпус. Почему-то кажется, что за окном снег, хотя только середина осени.

Младенец разевает ротишко и выдаёт жалостную руладу. В тихой палате это звучит как набат. Недовольно шевелятся соседи. Олеся вынимает младенца из кроватки, нахлобучивает ему шапчонку и выносит в коридор.

Младенец затихает. Олеся ходит туда-сюда мимо закрытых и тёмных палат, стараясь о чём-нибудь думать. Но в голове только «засни, засни, засни, засни», временами превращающееся в «заткнись». Младенец старательно сосёт пустышку, глазёнки то и дело закрываются, и наконец тельце мякнет на руках у Олеси. Она с минуту всматривается в личико под съехавшей набекрень шапкой, потом начинает осторожно красться к палате.

В кармане звонит телефон.

– Хнык, – негромко откликается младенец.

– Алё, мам.

– Ты в областной? Кушала что-нибудь, или весь день голодная?

– Хнык! Хнык-хнык-хнык-ыыыыыыы!

– Да блин, мама! Я занята!

– Отзвонишься утром...

Десять. Олеся, как королевский гвардеец, вышагивает по коридору. Плакат «Родителям стомированных детей», часы, пост, огнетушитель, пост, часы, плакат, часы, пост, огнетушитель...

– Смеееее, – шелестит медсестра, возникшая за спиной, как тень отца Гамлета.

Олеся берёт бутылочку одними пальцами, потому что в предплечье упираются ножки. Заносит младенца в палату.

– Хныыыыы, – заливается тот, уложенный на спинку. Просыпается соседка и лохматая ковыляет в туалет. Безутешный плач звонко разносится по отделению. Олеся, торопясь, жмёт на поршень, закрывает заглушку на стоме, отправляет распашонку. Младенец выплёвывает соску, Олеся ловит её и суёт обратно, как пробку в слив. Может, хоть пару минут помолчит?..

Во рту всё слиплось, мочевого пузырь распирает внутренности. Младенец удивлённо чмокает соской. Олеся прикрывает его одеяльцем и на цыпочках мчит к туалету. Оттуда как раз выходит лохматая девочка.

– Ыыыыыы! – Доносится скорбный зов из палаты. Олеся поддёргивает брюки.

«Господи, скорей бы утро, Господи, Господи, скорей бы утро, скорей бы утро».

Полночь.

Олеся вприсядку курсирует мимо плаката, поста, огнетушителя, поста, плаката... Тяжёлый младенец оттягивает руки. Левое плечо пульсирует нудной болью. Голова перестала поворачиваться, глаза перестали моргать. Во рту клейкая сушь.

Засни, засни, засни, заткнись, заткнись...

Час. Кормление. Опять просыпается вся палата, но на это уже насрать. Олеся суёт младенца в кроватку и ковыляет к лестнице. Спускается в холл, набирает в стакан воды и пьёт, пьёт, пьёт... Пешком возвращается на этаж. Ноги не разгибаются до конца, мышцы бёдер мелко дрожат. Олеся уже не Олеся, а Железный дровосек, потерявший масленку. И сердца у неё тоже нет. Одни шарниры.

В отделении завывает младенец.

В два часа надежда ещё теплится. Не будет же он вопить всю ночь, на самом-то деле? Почему она вырубается, а он нет? Сколько способно не спать такое мизерное существо? Откуда у него столько сил на вой?.. В три приходит осознание. Это всё та волонтерша виновата. Он у неё днём выдыхся, а теперь колобродит. А она спит себе в чистенькой постельке под боком у тёплого мужа. Сытенькая, умытая и довольная. Доброе дело же сделала.

Гнев ненадолго прочищает мозги. Олеся яростно прыгает по пустой столовой, размахивая орущим младенцем. Коридор надоел до визга, а визжать ей нельзя. Надо потерпеть до восьми. Всего-то пять часов осталось.

Четыре.

Три.

Два.

Один.

Полчаса!

Десять минут!

В восемь в палату заходит медсестра. Олеся сидит на кровати и пьётся в стену. Младенец в её объятиях спит, как младенец.

– Катетер, – негромко и почтительно, словно в присутствии умирающего, говорит медсестра. Олеся рефлексивно дёргается на знакомое слово. Слезает с кровати и расчехляет младенца. В нос шибает кислый запах фекалий.

– Давайте сначала уколём, – медсестра прилаживает шприц к катетеру, торчащему под детской ключицей. Олеся пошатывается рядом и не может сообразить, почему колет не она.

– Всё, можете менять.

Олеся спохватывается и лезет за чистым памперсом. В кармане оживает телефон.

«Вам на смену никого не нашли, идите, пусть медсестры посмотрят».

Провал.

Олеся протирает глаза и видит в телефоне открытое приложение. «Машина подъезжает, время бесплатного ожидания три минуты». Какого чёрта она вызвала такси?.. 390 рублей? Серьёзно?..

Провал.

– Девушка! Девушка! Просыпайтесь, приехали!..

«Карта ***3027. Оплата 390 рублей. Баланс 1521»

Смутно знакомое здание. Ах да, станция переливания крови. Там внутри есть кулер.

Олеся протягивает паспорт в окошко регистратуры.

– С первого октября принимаем только со СНИЛСом.

– Ладно, – весело соглашается Олеся, – сейчас схожу.

Она изо всех сил ведёт себя нормально, как в школе, когда пьяная пришла домой с дискотеки. Регистраторша смотрит на неё с подозрением. Олеся разворачивается и уходит. Дом неподалёку, можно пешком дойти. Раааз-два, раааз-два. Хорошо, что лоферы такие тяжёлые, заземляют. Только наступать больно. Ничего. На улице так солнечно, листья летят. Или это перед глазами жёлтые точки?..

Дома ни в коем случае нельзя ложиться. Даже садиться нельзя. Войти, не разуваясь, взять этот проклятый СНИЛС и идти обратно. Зачем?.. Сдавать тромбоциты. За них платят шесть тысяч. Просто за поваляться часик с иглой в вене. Это же рай – лечь и вытянуть ноги...

По пути на станцию попадает супермаркет. Олеся видит красивую бело-голубую банку в холодильнике и хватает её, как Голлум свою прелесть.

«Карта ***3027. Покупка 120 рублей. Баланс 1401»

Энергетик чинит Олесю настолько, что сидя в очереди на сдачу, она пишет что-то осмысленное – сперва маме, потом подруге.

«Это полный пипец»

«Ты живая?» – Волнуется та.

«Нет. Но это пройдёт»

«Ты герой!»

«Я дятел. Я телефон утопила в унитазе и купила новый в кредит. Кстати, я тебе штуку должна же?»

«Забей»

«Карта ***3027. Перевод 1000 рублей. Баланс 401»

К Олесе подходит лаборантка с бумажной полоской.

– Сафонова?.. У вас гемоглобин 115, мы не можем вас допустить к сдаче.

Минус шесть тысяч.

Садиться нельзя, ложиться тем более. Олеся стоя жуёт сырую сосиску, запивая ядрёным кофе. Дома тихо и солнечно, от вида мирной разобранной постели наворачиваются слёзы. Ничего. Надо только добраться до отделения, а там можно прилечь. Там нет младенцев, только бабка из восьмой палаты.

«Карта ***3027. Оплата проезд 32 рубля. Баланс 369»

«Карта ***3027. Покупка 120 рублей. Баланс 249».

Родное отделение, родная сестринская. Второй энергетик, выпитый по дороге, бодрит куда слабее первого. Тем не менее с вечерними уколами Олеся справляется. Руки двигаются отдельно от тела и независимо от мозга. Почему-то уже ничего не болит, только голова слишком лёгкая и на шее сидит странновато. Как-то чересчур прямо. Но это ничего. Ничего, ничего.

Откуда-то с Марса звонит мама.

– Алё, я нормально, на работе. Щас посплю. Завтра в областную.

– Ты себя угробишь! – Кричит мама из марсианской пустыни. – Позвони откажись!

– А деньги?

– Нечего было с телефоном в туалет ходить!.. Как ты умудрилась его в унитаз уронить?

– Отвяжись.

Мамин голос становится плачущим.

– Надо мне на работу устраиваться, ты ж видишь, мы не вывозим...

– Ты сдурела? Тебя прооперировали месяц назад! Какая работа?.. Всё, давай, мне некогда, там бабка в восьмой палате...

Провал.

Ночью не поднимают. Или она не слышит. Больные мучаются, просят обезболивающее. Санитарки не умеют колоть. Олеся спит.

Утром её будит звонок.

– Алло, Олеся? Ванечку выписывают, не приезжайте. Его заберут в дом малютки, нянечка приедет.

Олеся приходит в себя.

– Хорошо. Обращайтесь, – хрипит она и идёт наконец чистить зубы.

Домой.

Спать.

«Карта ***3027. Оплата проезд 32 рубля. Баланс 217».

«Это крах, – думает Олеся по дороге от остановки к дому. – Зря только надрывалась, а в итоге хрен с солью».

Она идёт медленно-медленно, не идёт, а передвигается, и никак не может миновать недостроенный дом в полуквартале от собственного. Её тошнит, перед глазами точки – синие, жёлтые и красные. Мозги словно проваливаются в живот, и Олеся не падает, а плавно ложится на замусоренный газон. Рядом с её рукой торчит обгорелый пенёк, а над головой развёртывается восхитительно голубое небо. Вторая рука лежит на асфальте, и идущая мимо красивая девушка переступает через эту руку туфельками на каблуках.

Проходят ещё какие-то люди, но Олеся не обращает на них внимания. Она смотрит вбок, на высокие стебли зелёной ещё травы и мысленно напевает:

«Не остаться в этой траве, не остаться в этой траве...»

– Эй, дэвушка! Дэвушка! Тэбе плохо?

Из ворот недостроенного дома выглядывает смуглый парень в рабочей одежде.

– Да, – выговаривает ватными губами Олеся. – Плохо.

– А ты тут не лежи. Тут нельзя лежать, стройка тут, – деловито говорит парень и тычет пальцем в сторону. – Туда иди, поняль?

Олесю охватывает бешенство. Оно такое жаркое и колючее, что ей мгновенно становится легче. Она приподнимается, потом садится и наконец кое-как встаёт на ноги.

«Давление подскочило от злости», – радуется она и, раззадоривая сама себя, поворачивается к гастарбайтеру.

– Слышишь, ты, козлина тупорылая! – Орёт она, с удовольствием ощущая, как кровь приливает к голове. Тошнота уходит, остаётся только гнев. – Человек у тебя на глазах подыхает, а ты и яйца не почешешь! Чтоб ты усрался на своей стройке!..

В кармане дважды крикает телефон.

Олег КОРНИЕНКО

г. Сызрань

Родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище (с золотой медалью). Воевал в Республике Афганистан. Награждён двадцатью медалями, в т.ч., «За боевые заслуги».

Автор шести книг прозы для детей и взрослых: «Воздушный почтальон», «Декоративный Зяка» (обе — Москва), «Шаги за дверь», «Жизнь за смерть» (обе — Самара), «Добро радовать должно» (Рязань), «Афганец» (Litsvet, Канада). Печатался в центральных изданиях: «Аврора», «Детская «Роман-газета», «Истоки», «Наш современник», «Московский вестник», «Приветик!» (Латвия), «Российский писатель», «Сверчок» (Париж), «Советский воин», «Смена», «Север» (Карелия), «Луч» (Ижевск), «Мономах», «Симбирскъ» (оба — Ульяновск), «Русское эхо» (Самара), «Сура» (Пенза), «Новый Свет» (Канада), «Простор» (Казахстан); «День и ночь», «Новый Енисейский литератор» (оба — Красноярск) и др. Лауреат Международной литературной премии им. Э. Хемингуэя (Канада, 2016), литературных премий «Город» (1999) и «Признание» (2006). Дипломант IV Международного литературного конкурса детских и юношеских произведений им. А. Н. Толстого (2012) и VI Всероссийского конкурса писателей баталистов и маринистов «Твои, Россия, сыновья!» (2012). Медаль Военно-художественной студии писателей Культурного центра ВС РФ «За труды в военной литературе» (2014). Медаль им. Героя Советского Союза Владимира Карпова (2015). Член Союза писателей России (1998). Член Академии «Русский слог». Председатель Сызранской МТО «Содружество детских писателей». Член редколлегии литературных журналов «Волга — XXI век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Проживает в г. Сызрань Самарской области.

ЧЕРНОПЛОДНАЯ РЯБИНА

(рассказ)

После завтрака Тимка *засобирался* к Стёпке.

— Далёко? — поинтересовалась мать.

— На улицу, — уклончиво ответил Тимка.

— Возьми деньги и сходи купи хлеба.

В хлебный магазин Тимка вошел важно, как взрослый, и хотел даже спросить кто последний. Последними возле прилавка стояли тётка Ульяна и бабка Федора, и Тимка молча пристроился за ними так, чтоб они его не узнали.

— Дедушке моему сегодня товарищ фронтовой приснился, — рассказывала соседке бабка Федора. — Они после ранения вместе в госпитале лежали. Моего только осколком задело, а тот сильно был ранен, прооперировали его, но надежды на выздоровление было мало. Пить почти не давали, только губы смачивали. Видимо, кончался... И вот однажды захотел он черноплодной рябины: «Я бы сейчас рябинки поел, и мне,

кажется, легче бы стало». А какая может быть рябина зимой? И когда уже понял, что умирает, попросил моего дедушку: если тот живой останется, чтоб посадил у себя дома рябину. Пусть, мол, будет на память обо мне и нашей дружбе.

Дедушка перед девятым мая посадил куст, как и обещал, и он, слава богу, прижился и плодоносил, но ягод мы почти не ели, хотя, говорят, они от давления помогают. А несколько лет назад рябину то ли страшная жара погубила, то ли зимой приморозило. Как весна приходит – ни листьев, ни ягод. Дед решил отлить её водой – а вдруг оклемается? Каждый день который год поливает её, а толку...

Тимка купил хлеба и поспешил домой. «Отдам хлеб и быстрее к Стёпке, – подумал он. Стёпка учился почти на одни тройки, но другом был настоящим. – А если мать не пустит меня? Вечно у этих взрослых какие-то дела».

Тимка уставился на свою калитку как на врага, затем бросил взгляд вдоль улицы, которая манила простором и свободой.

– Я быстро! – сказал он себе и, повернувшись, зашагал к дому Стёпки, чтобы запомнить, повторяя про себя: «черноплодная рябина, черноплодная рябина».

Стёпка был дома. Он помогал матери вешать выстиранное белье. Точнее, бельё вешала мама, а Стёпка только держал таз.

– У тебя всё нормально? – Стёпка вопросительно посмотрел на товарища.

– Сегодня – да, – а завтра... – Тимка задумчиво посмотрел в окно.

– Не бойсь: завтра наступит обязательно!

– Нужна твоя помощь. – И он передал разговор бабки Федоры, подслушанный в магазине. – И тогда – представляешь? Дедушка утром приходит в огород поливать свою мёртвую рябину, а она стоит ...живая.

– Откуда же она возьмётся живая?

– Мы с тобой посадим. Сегодня ночью.

– Легко сказать: посадим, – ухмыльнулся Стёпка. – Её сначала где-то взять надо.

– Черноплодная рябина есть среди саженцев, которые вчера привез из питомника отец.

– А если он заметит пропажу? – Стёпка почесал затылок.

– Не заметит, – Тимка уверенно хлопнул ладонью по столу.

Когда за окном наконец потемнело, Тимка потихоньку вышел из дома. Стёпка ждал его на улице с лопатой и ведром. Из сарая они вытащили мешок с саженцами, выбрали самый большой рябиновый куст, перелезли через забор бабки Федоры и принялись за работу. Черноплодную рябину они посадили вместо старого куста прямо против зашторенного окна, в вытянутом на земле прямоугольнике света.

А наавтра, ближе к обеду, в избу к Гришановым вдруг заявила бабка Федора и, часто крестясь, поведала вдруг, что черноплодная рябина в их огороде, кажется, ожила.

– Мой старик собрался после завтрака грядки под редиску и морковь вскопать, – начала, поправив головной платок, бабка Федора. – Смотрю, через пять минут пришёл обратно и глаза какие-то испуганные.

– Что стряслось? – спрашиваю. – Конец света по календарю майя отменяется?

– Нет, отвечает, конец света не майя, а глупые люди придумали... – И сообщает мне, что его черноплодная рябина отошла. Так что зря, мол, я когда-то над ним насмеялась ...

Я не знала, что и ответить. Идём обратно в огород. И вправду, рябина, что под окном глаза мозолила, почки наконец пустила. Куст, правда, немножко не такой, хотя кто его знает, какой он был вчера? И я так кумекаю: это или твоего Тимофея проделка, или *промысел господний*. – И бабка Федора снова старательно перекрестилась. – Мой дедушка после этого даже горбиться перестал. Шляпу где-то свою старую откопал, напялил, точно праздник завтра.

Когда бабка Федора наконец доложила всё и дверь за ней захлопнулась, мать дёрнула Тимкину дверь:

– Рябина – ваших рук дело?

Тимка посмотрел на присевшего за кроватью Стёпку и непонимающе развёл руками:

– Какая рябина? Я весь вечер дома был, – он еле справился с улыбкой. – Как что, сразу Тимка!

– Поговори ещё у меня... – отрезала мать и добавила уже из кухни: – Выключай свой компьютер, мичуринец, и иди пить чай, пока ещё горячий. И Стёпку зови. Я же вижу, что он в спальне прячется...

Тимка подмигнул товарищу и по-дружески, подтолкнул его к столу.

За весь день мать не раз бросала на Тимку вопросительные взгляды, но он не обращал на них внимания. На душе у него было легко и светло, точно они с Володькой сделали какое-то большое и доброе дело.

А ночью Тимке приснился раненый солдат, о котором рассказывала бабка Федора. Живой и невредимый, он стоял в огороде соседки, ел прямо с куста черноплодную рябину и счастливо улыбался...

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ

г. Тольятти

Родилась в 1962 году в г. Тольятти. Окончила Куйбышевский медицинский институт, интернатуру по психиатрии на базе областной психиатрической больницы, аспирантуру на кафедре психотерапии Российской медицинской Академии последипломного образования. Член Союза российских писателей. Автор книги рассказов «Мой остров» (2009), книги стихотворений «Алые яблони» (в серии библиотеки журнала «Город») и книги путевых заметок «Средняя Азия. Взгляд против солнца» (2017). Лауреат премии журнала «Юность» им. В. Катаева (2012). Лауреат Международного литературного Чеховского конкурса в номинации «Моя жизнь» за рассказ «Рождество»

ПЕРВЫЙ РАССВЕТ

*На дерево можно смотреть,
но на лес не смотрят, в нем живут.
(Коллингвуд).*

В половине третьего мама разбудила меня, чтобы я увидела, как встаёт солнце.

– Поднимайся, уже три, – сказала она.

Поезд, вздрагивая, стучал на стыках. В полупустом вагоне раскачивались темнота и холод. Похолодали ночи с тех пор, как переехали Урал. А в последние сутки опустел и вагон, до этого плотно и жарко набитый.

Я придвинула к себе мамины часики, лежащие на столике – в качающемся свете фонаря на станции, мимо которой поезд промчался, не сбавляя ходу, они показали половину третьего. Хотелось спать. За окнами, в глухой тёмно-синей ночи, лежала огромная Восточная Сибирь. Низко над горизонтом горели яркие, как у нас зимой, звёзды. Я разглядела, что поезд идет не тайгой, а, как будто бы, по степи. Мама, совсем уже одетая и причёсанная, смотрела в это темное окно. Накануне она обещала разбудить меня в три.

– Пока ты приведёшь себя в порядок, будет три, – обронила она мне, не отрываясь от окна. Не обращённое ко мне, её лицо, еле различимое в неверном свете, казалось нежным и замкнутым.

Я никогда ещё не видела восхода солнца (городские рассветы – не в счёт, а на рыбалке с ночёвкой я, как-то, умудрилась проспать до девяти). Я бы и теперь обошлась без рассвета. Шли пятые сутки пути, и меня поташнивало от постоянной качки, и слишком темно было, и слишком прохладно, даже морозно, несмотря на июнь. От невидимых людей, спавших где-то, в этом же плацкартном вагоне, пахло копчёным салом, черемшой и чем-то ещё, чужим. Незнакомым тянуло из оконных щелей. В умывальнике дуло ещё сильнее – запахом какой-то жёсткой травы. В какую-то минуту мне показалось, что сквозняк пахнет багульником, который нам присылали высушенным в фанерных посылочных ящиках из Сибири.

Когда я, умытая, вернулась к нашему окошку, над горизонтом появилась багровая полоска. Она тянулась и тянулась — над самым горизонтом, и только изредка её перерезали чёрные силуэты елей. Их раскинутые лапы походили на птичьи крылья.

— Вокруг болота, — пояснила мама, — настоящая тайга будет дальше.

— Сейчас взойдет солнце, — добавила она, — мы ведь всё время едим на восток. Мы обгоняем время.

А я думала, что полоса над горизонтом, с медленным спокойствием меняющая цвет с багрового на алый цвет крови — не то, ради чего стоило будить меня в такую рань.

Да что там — полоска света после Урала! Я тогда целый день простояла у вагонных окон с опущенными вниз толстыми стеклами. Смотрела на слоистые скалы, нависающие над самыми рельсами, — волнующе и страшно до восторга, со свистом налетали они на поезд, и уносились назад, на запад. Россыпи камней на склонах походили на каменные реки, спускающиеся к подножью хребтов. Настоящие реки тоже стекали со склонов, и текли потом рядом с железной дорогой — неширокие и чистые.

Иногда на скалах блестели звёздочки и прожилки слюды. И куски серого полосатого мрамора торчали из горы и валялись подле, и ещё что-то, полупрозрачное и шероховатое, розоватое и красно-коричневое, проносилось мимо. Порой гора, в закатном солнце, играла на срезе всеми цветами радуги. Ветер бил в лицо, пах хвоей и паровозным дымом. Я немного знала об Урале: папа привозил из уральских карьеров полевой шпат, необработанный железный блеск и крупный горный хрусталь, прозрачный и будто специально огранённый.

И неслись мимо огромные лиственницы, и свежая зелень, мешавшаяся с зеленью хвои (тёмной еловой и светлой лиственничной). И был туннель. И меняли вначале электровоз на тепловоз, а потом — тепловоз на паровоз, и хлопьями кружилась сажа, оседавшая на руки и лицо, и полосатый столбик разделил Европу и Азию. Я боялась пропустить хоть что-то из этого невероятного края, по которому шёл наш поезд. Я думала о маминой сестре тёте Вале, к которой мы ехали, которую я видела год назад и любила, и о Хозяйке Медной Горы. И о медведях, которые, как мне было известно, в великом множестве водятся в Сибири, и выглядывала их, чтобы был случай написать об этом папе. Медведей не было.

Зато за Уралом поезд остановился прямо в лесу. Возле самых рельсов обильно цвела и наливалась розовым земляника. Росли грибы — большие, крепкие и свежие. Ели почти прижимались к окнам вагона мохнатыми лапами. Только что прошел дождь. Поезд стоял долго — часа полтора. Запах мокрой тайги наполнил вагоны. Проводница не стала опускать лесенку, но открыла дверь, и я сидела на корточках на краешке

железного тамбура, раскрытого в великолепие диких медовых цветов, елей, лиственниц, грибов и ягод.

Таёжный лес пах посылками, приходившими от тети Вали: сибирскими посылками с кедровыми орехами, серой, солёными груздями и мёдом, которые пчёлы собирали в тайге, и диким зверем. Мои сибирские двоюродные братья охотничали с детских лет, и почти в каждой посылке присылали что-то для меня – заячий хвостик, пёрышко птицы, кусочек какой-нибудь шкурки. Однажды обнаружилось чучело голубой белки без головы. Чучело сделали специально для меня, но, пока готовили посылку, кошка отъела беличью голову.

Мама тоже вышла в тамбур. Я не услышала, как она подошла. Капли срывались с хвои с певучим, долгим звоном. А потом раздался мамин голос:

– Западная Сибирь.

– А мы едем в Восточную? – спросила я.

– Мы едем в Восточную, – сказала мама. – Иркутская область – это самый южный край тайги.

– Там много тайги? – спросила я.

– Там почти всё – тайга, – тихо произнесла мама. – Кроме городов. Там Ангара. И много рек, которые впадают в Енисей и Лену. Там Бурятский автономный округ. Саяны. А на востоке – озеро Байкал. И везде тайга.

– Какая она? – спрашивала я.

– Как море, – отвечала мама, – можно уйти и не вернуться.

– Она такая же, как здесь? – спросила я.

– Здесь она ещё не настоящая, – отозвалась мама. – А там – огромные кедры, лиственницы в два обхвата.

– А Ангара больше Волги? – спросила я.

– Увидишь, – ответила мама.

Солнце выкатилось из-за горизонта огромным красным шаром, во все окно. Но когда шар был только половинкой, он был ещё больше. Никогда потом я не видела такого крупного и такого красного солнца. Тёмно-красный цвет ложился на мамино лицо. Он не дрожал, как дрожит на лицах и предметах свет станционных фонарей. Он только светлел и слегка поднимался вверх, и от этого мамино лицо становилось привычным. Мама волновалась. Это было солнце её родины. Она вдруг разговорилась.

– Когда летишь на самолёте на восток, – сказала она, – ещё быстрее обгоняешь время. Вылетаешь в шесть утра, а прилетаешь вперёд, в шесть вечера. А когда летишь обратно на закате, то все шесть часов в самолёте тянется закат, – вылетаешь в восемь вечера, и в восемь вечера прилетаешь.

– Закат в самолёте – это красиво? – спросила я.

– Да, – сказала мама. – Особенно когда под самолётом Саянские Горы.

– Там реки, – продолжала мама. – Там Белая река. Там Ока. Уда. Иркут. Китой. И в реках водятся настоящие рыбы. А в лесах – звери.

– А что такое настоящие рыбы? – спросила я с некоторой обидой за нашу Волгу.

– Омуль, – сказала мама, – таймень.

И добавила:

– А первая половина лета – всегда сухая и жаркая.

– Что же сейчас так холодно, – осторожно проворчала я.

Мама пристально посмотрела на меня. Она уже объясняла мне про континентальный климат, и ограничилась коротким:

– Потому что в вагоне не топят.

А рассвет, между тем, распускался, и, поднимаясь над землёй, становился похож на оранжевый цветок подсолнуха с размазанными лепестками. От него резало в глазах. Но то, что происходило с солнцем дальше, не стирало первого впечатления.

– Солнце всегда приходит туда, где ты живёшь, отсюда, – сказала мама. – Представь себе это.

Я попыталась представить себе огромный кровавый шар, катящийся по земле от Иркутска до Волги, но не смогла. В шесть лет я ещё смогла бы себе это представить, и в четырнадцать уже – смогла бы, а в девять – не могла. Хозяйку Медной Горы могла представить, а это – нет. Мешала тайга, мешали Уральские горы, солнце вязло в них. Кроме того, оно было слишком красным, слишком чужим. Моё солнце вставало легче.

– Запомни, – вдруг сказала мне мама, – что первый свой рассвет ты увидела на моей родине.

И она посмотрела на меня ласково. Она верила, что когда я немного подрасту, я вернусь вместе с ней в Сибирь, или, хотя бы, полюблю её так же сильно. Мама не считала, что кому-то, кроме моего отца, может по-настоящему нравиться Волга.

Мама не смогла принять душой Поволжья, куда мой отец привёз её с Дальнего Востока. Словно её родина таила в себе нечто волшебное. Как берегла мама те немногие вещи, которые привезла с собой!

Лаковая сумочка, пудреница из белого мрамора в виде кувшинки, с крышечкой из полустёртого куска кварца, две заколки на шляпы – одна из чёрного агата, другая – из жёлтого янтаря. Из прежней, неведомой жизни привезла она несколько шёлковых дальневосточных платьев, и всю мою жизнь, тридцать шесть лет, колдовала над ними, перешивая. Она очень берегла эти платья. И ещё у мамы были две маленькие салфеточки из грубого, беленого льна. На одной из салфеточек – вышитые маминой рукой анютины глазки, на другой – незнакомое, милое девичье лицо.

Папа покупал маме всё самое дорогое и лучшее. Из Москвы, из Ленинграда, Минска, Таллинна, Риги привозил он ткани и украшения. Однако почти во всём находился изъян. Украшения и ткани щедро дарились родственникам, иногда – мне. Мама не жалела для меня того, что привозил ей папа. Но лишь однажды сшила она для меня юбку из одного из своих заветных платьев.

Всё же мама немного примирилась с Поволжьем, находя в наших лесах восточносибирское или дальневосточное: горицвет, берёзы, боярышник, рябины, черёмухи, медвежьи ушки. Только сибирский горицвет выше, и цветы у него втрое больше, и зовут его в Сибири по-другому. И раскидистые наши берёзы не похожи на сибирские. Мама старалась не замечать прекрасные экземпляры вольных и крепких, как дубы, жигулёвских берёз, и останавливалась у тоненьких, хрупких.

Иные растения с трудом узнавались мамой. Вот медвежья ягода, толокнянка. В Восточной Сибири, в кедровом стланнике, она росла огромными зарослями. В наших светлых сосновых лесах, среди диких вишен, торна и миндаля, её редкие вечнозелёные кустики выглядели по-другому. Я понимаю теперь: она была как капля воды в пустыне...

Но некоторые травы и кустарники встречались, как старые знакомые – мать-и-мачеха, медуница, донник, золотистый зверобой, клевер с тремя лепестками, душица, костяника. Черёмуха. По сибирской привычке в моем раннем детстве ещё пеклись пироги с черёмухой, а из зверобоя мама умела делать красную стойкую краску, и варила из крапивы очень вкусные щи.

Мне казалось, что мама любила бы меня больше, если бы я была частью Сибири, а не Поволжья. У меня вообще всё перепуталось в жизни. Не знаю, какой порядок существовал в моём раннем детстве. Но с тех пор, как я помню себя, отец мой любил меня безоценочно, его любовь была самоотдачей и служением. Она давала мне защищённость и чувство, что хорошо быть живой. Мамину любовь требовалось заслужить. Я была как растение, которое мама всё не теряла надежды отыскать в нашем лесу.

Иногда мама приходила ко мне – как приходит дождь, как выглядывает солнце. Её душа наклонялась ко мне цветущей веткой. Это всегда случалось неожиданно. Однажды она рассказала мне, как мечтала, что за ней прилетит человек с другой планеты, заберёт к себе. Она представляла себе, как они будут путешествовать по звёздам, но не знала, что будет с ней в конце пути. Знала только, что есть планета, его планета, которая ждёт её, и что она, мама моя, родилась для того, чтобы когда-нибудь там поселиться.

Нужно сказать, что вряд ли кто-то подходил на роль инопланетянина лучше моего отца. Но это уже отдельный разговор. Печально только, что на папиной родине ничего, должно быть, не напомнило маме её далекую звезду.

На станцию “Зима” поезд прибывал в начале пятого. Солнце уже поднялось и успело скрыться в облаках, и теперь светило на землю рассеянным, бледным светом. Тетя Валя, сильно походившая на маму (а тогда, в детстве, мне казалось, что мягкая мамина сестра походила на мою маму больше самой мамы), ждала нас у станции в тёплом ватнике, возле неказистого грузовичка. Поезд стоял три минуты. Мы вышли из вагона в студёный воздух. Под ногами лежал ломкий, иглистый иней.

Я удивилась инею. Тетя Валя засмеялась и сказала, что мы не в России, что здесь не родятся ни яблоки, ни садовая земляника, ни, например, помидоры, потому что летними ночами температура часто опускается ниже нуля. “Зато у нас есть свои, сибирские ягоды, которых нет у вас”, – сказали мне.

В пять мы уже приехали в посёлок леспромхоза. Посёлок стоял в тайге. До самых бревенчатых домов доходил глухой таёжный лес. Возле дома тети Вали доцветала черёмуха.

Как только мы вошли в дом, под окнами, сгорбившись, на задних лапах прошёл здоровенный медведь. Я не особенно удивилась ему, хотя, все-таки, казалось мне, что не до такой степени должно их быть в Сибири. Я сказала об этом взрослым, и они тут же прильнули к окнам, выскочили на улицу, подняли шум. За медведем погнались с лопатами и вилами. Как потом выяснилось, медведь приходил к соседской корове. Приходил он не в первый раз, а кончилось дело тем, что уволок он эту корову в лес, и съел её возле самого села.

В тот же день я с удовольствием написала папе о том, что в первое же утро видела медведя прямо из окна. Письмо отправили, а к вечеру я заболела, и почти месяц не выходила горницы. Должно быть, в поезде я подхватила дизентерию.

Невесёлое дело – провести месяц в комнатке в два окна. Я до мельчайших подробностей запомнила оленей на тканом коврике над кроватью, и тканную разноцветную дорожку на полу, и причудливый узор из солнечных пятен, перемещавшийся по горенке с утра до вечера. В солнечный узор вплетались шевелящиеся тени росшей у окон дикой яблоньки.

Мне почти ничего не разрешали кушать, но братья, тайком, приносили мне таёжных ягод: вначале – жимолость, потом – голубику. Жимолость, которую в посёлке называли почему-то «голубой ягодой», была овальная, чёрная с сизым налётом, кисло-сладкая. И голубика была кисло-сладкая. Особенно вкусной мне казалась голубика. Я насыпала на ладонь голубовато-синих, зеленоватых изнутри ягод, и долго смотрела на них, перед тем, как положить в рот. Кажется, это было основным моим развлечением. Как в драгоценных камушках, зеленовато-голубое светилося

сквозь чудесный сизый налёт, похожий на воск. Ягоды пахли хвойным лесом.

А когда я стала выходить – вначале на крыльцо, потом на улицу – уже всю пылал июль. Улицы таёжного посёлка, густо затканые дикой ромашкой без лепестков, сильно и горячо пахли.

Пока я болела, мама на швейной машинке шила одежду для моих кукол. Тётя Валя приносила из железнодорожного депо кучи шёлковых обрезков. В депо они использовались, как обтирочный материал. Я не привезла с собой игрушек, и мне подарили куклу с льняными волосами. Помню, что звали её Леной: в магазинной коробке лежала бумажечка с её именем.

Кукла была лучшей в поселковом магазине. Мама целыми днями шила одежду для неё, а потом стала шить для тех кукол, которые остались у меня дома. Она делала это с детским удовольствием, и говорила мне, что играла украдкой в куклы до шестнадцати лет. Она шила и пела песни, которые пела в юности, до того, как уехала с папой на его родину. И я не могла ей сказать, что я сама уже наигралась в куклы годам к пяти - шести, и что эта возня с одежками ровным счётом для меня ничего не значит. Я много не могла сказать моей маме. Одежек набралось так много, что мама перед отъездом купила чемодан, сложила в него кукольную одежду вместе с моей новой куклой.

Меня стали брать в тайгу, только недалеко, и, почему-то, обычно вечером. Тайга запомнилась мне большими елями, толстой хвойной подстилкой и обилием кукушкиного клевера – кислицы. Еловые ветви свисали над самой землей, и днём в лесу было сумрачно, но вечерами, на закатном солнце, лес становился сказочным. Я ложилась на нагретую хвойную подстилку, под раскидистые еловые ветви, и чувствовала себя удивительно защищённой. Солнце заглядывало под еловые ветви, как в окошко домика.

Я могла часами так лежать, жуя веточки кислицы и дыша хвоей. Кроме кислицы, под елями ничего и не росло, но она казалась мне очень красивой в этом еловом полумраке, нравились её листики-трилистники и лёгонькие розовые лепестки. Это было маленькое хрупкое растение, очень нежное. Иногда она росла сплошным многометровым ковром. Один край у такого ковра был розовым, а другой – белым, или фиолетовым, или розовым в чудесных фиолетовых жилочках.

Однажды я нарвала целый букет кислицы, но не донесла его до дома: лепестки и листья поникли на солнце. Мы всегда возвращались засветло, потому что с наступлением темноты холодало, хотя и был июль, и днем температура переваливала порой за сорок. (Братья мои, уходившие на рыбалку с ночёвкой, одевались почти по-зимнему, и я долго привыкала к этому, потому что у нас в июле жаркие ночи).

На окраине посёлка водились дикие голуби – горлицы. Они вили свои гнезда на деревьях и держались парами. Мы всегда возвращались из тайги мимо горлинок. Часто вместе с нами шли из лесу женщины, и они почти всегда пели, а когда мы проходили мимо горлинок, горлинки ворковали: "турр-турр...турр-турр".

Собиралась родня, и, помню, всегда кто-то утешал маму, говорил: «Нет, ты посмотри, она улыбается, как твоя бабушка», «а вот погляди, когда она прищуривается – наша порода». «А если и в отца, – говорили маме, – он хороший человек, достойный». Но я видела, что мама и сама не слишком расстраивается, – она верила, что когда я вырасту, я стану больше на неё походить.

В тайгу к большим кедром меня не взяли. А когда мы поехали в Ангарск, где жил мой дядя, пошли дожди, и стало холодно. Я видела Ангара, но в памяти остались только шум и много брызг. Перед отъездом в Ангарск мне передали папино письмо, – он спрашивал, не видела ли я также, из тети Валиного окна, слона и тигра. И я поняла – он не поверил, что я видела живого медведя.

В Ангарске тоже собралась родня, и маме опять говорили: «смотри, как она улыбается», и про моего отца – о том, что он хороший человек, и для всех родных – честь быть знакомыми с ним. А мама всё так же загадочно улыбалась – улыбкой человека, который знает, что когда я вырасту, я стану её, совсем её, и мы, может быть, уедем в Сибирь.

Но когда мне исполнилось тринадцать лет, в нелюбимом Поволжье, во время приступа астмы, у мамы остановилось сердце. Его запустили чуть позднее, чем нужно – через семь минут. Мозгу достаточно пяти, чтобы начались изменения. А может быть, за эти семь минут что-то случилось с маминой душой.

Мама изменилась. Это было почти незаметно. Посторонние не замечали. Но она уже не верила, что я когда-нибудь стану походить на нее, и, что хуже всего, наша несхожесть её пугала. Она казалась ей предательством. Шли годы, и она уходила от меня всё дальше и дальше. Она и от папы уходила всё дальше. Но папу она прощала, потому что он изначально был другой, а меня она простить не могла. Уходила, но вернулась к нему, когда он умер. Когда его не стало, ей, должно быть, показалось, что его земля – это и есть та планета, для которой она родилась. Мне кажется, она бы и ко мне вернулась, но недолго прожила она после папиной смерти.

Мама моя! Существует ли та звезда, о которой ты мечтала?

Мама мечтала и обо мне. Когда меня ещё не было, она, не любительница безделушек, купила фарфоровую статуэтку, – очень похожая на меня девочка делает зарядку. У нее мои глаза, мои волосы, мои черты лица.

Статуэтка осталась мне, вместе с моими письмами, которые я писала маме. Почти все они остались без ответа. Но всё же было несколько писем, которые мама написала мне. Папа сохранил их для меня. Когда его не стало, мама уничтожила свои письма. Вот так же раньше, ещё в моей юности, она вырезала из нашего семейного альбома все свои фотографии, не тронув ни меня, ни папу.

Когда я была такой маленькой, что походила на девочку со статуэтки, я остро чувствовала мамино одиночество. И мне хотелось скорее стать большой, чтобы стать для неё подругой. Но в девять лет мне этого уже хотелось не так сильно. И всё же я очень её любила, и Сибирь вошла в моё сердце безмерной тоской, и иногда я сама не знаю, где же моя настоящая родина, и есть ли она у меня вообще.

Ещё остались дальневосточные мамины платья. Она сберегла их. Их шуршащий шёлк до сих пор пахнет неведомым мне миром. Ни одного из них она не взяла с собой. Она ушла в плаще, и босоножках на босу ногу.

Я не шучу: мама очень мучительно уходила. Она умирала несколько месяцев. В последнюю ночь близкие, жалея меня, сказали, что мама уснула после укола, и поэтому неважно, кто посидит возле неё. Это было неправдой, но мне захотелось в это поверить, – наверное, потому, что мои собственные силы кончались.

Ночь шла к утру, и я, в каком-то очень глубоком забытии, всё же слышала и понимала все звуки, и все они говорили о том, что мама жива, что всё по-прежнему. Не открывая глаз, я чувствовала, что встаёт солнце, слышала шаги мужа – вот он подошёл к маминой комнате, остановился у её двери, постоял, пошёл ставить чайник. Его шаги тоже говорили мне, что ничего не изменилось. Я тут же провалилась куда-то ещё глубже, и вдруг увидела маму.

– Таня, я ухожу, – сказала она мне.

Мама стояла в залитом солнцем коридоре, у входной двери. На ней были только босоножки на босу ногу, и синий плащ. Но не это было главным, а ощущение правдоподобности происходящего. Мама была здорова, совершенно здорова, и ее, не просыхающие от липкого пота волосы, её прекрасные волосы были сухи и вились. Всё с ней было в порядке, просто она уходила. Она стояла у выхода и ждала меня. Она ждала меня и смотрела на меня легко и ласково.

Меня словно пронзило молнией. Я влетела в мамину комнату – по коридору, залитому солнцем, как я только что видела! – и не услышала обычного хрипа. Широко раскрытыми глазами мама смотрела в потолок, и, когда я кинулась к ней на грудь, под моим лицом и руками ещё вздрогнуло мамино сердце.

Время сместилось. Муж потом говорил, что услышал мой крик прежде, чем дошёл до кухни. От спальни до кухни – четыре шага, и три

шага назад она ещё была жива. А она очень долго стояла у двери и ждала меня, и на ней были босоножки на босу ногу, и я не могла разглядеть, что же она одела под синий плащ, и не могла понять, зачем он ей – так жарок был июль, что уже с рассвета на градуснике было за тридцать.

Слишком короток человеческий век! Фарфоровая статуэтка оказалась крепче. Впрочем, однажды она упала, отломившись снизу. Странно это случилось: мама с папой ссорились в зале, и вдруг в другой комнате, в кухне, из приоткрытого буфета, выпала эта статуэтка. Папа побежал на звон, и вернулся, неся статуэтку с отломанными ногами. Его губы дрожали. Это было плохой приметой. Но статуэтку склеили, и со мной ещё очень много лет не случилось ничего плохого.

Я всё иду по той дороге, которой мама ушла от меня когда-то, очень давно. Для этого пути ноги не нужны. Я ищу её заметенные временем следы, и они выводят меня к поезду. Он летит в темноте с огромным красным шаром сбоку, и мама говорит мне: «Запомни, что первый рассвет ты увидела на моей родине».

Красный свет ложится на лицо, на строгое мамино лицо, высвечивая мягкий овал, а волосы её теряются во мраке.

– Я помню это! – кричу я маме, – мама, я помню это!
Слышишь ли ты меня?...

04.2003- 06.2004.

Валерий ТИМОФЕЕВ

г. Сызрань

Родился в 1968 году в городе Сызрани. Окончил Школу печати при редакции городской газеты «Волжские вести» и факультет журналистики Казанского государственного университета. Работал корреспондентом газет «Красное Приволжье» и «Машиностроитель». Публиковался в «Литературной Самаре», городских и районных газетах, антологии «Сызрань литературная», альманахах «Сызранская излучина», «Новый российский писатель и других коллективных сборниках. Член Сызранской городской писательской организации.

АМНЕЗИЯ

Выбравшись из палатки, я первым делом направился к роднику. Подле него кто-то очень кстати забыл пластмассовый стаканчик. Зачерпнув холодной воды, опрокинул её в измученную жаждой глотку. Вернувшись на полянку, долго не мог прийти в себя. От изумления. Все пространство вокруг погасшего костра было завалено пустыми бутылками. От реки к палатке шел Фридрих.

– Одного не пойму, – откуда столько бутылок?

– Да ты что – забыл? – друг посмотрел на меня как на сумасшедшего.

– Ты же вчера в деревенский магазин не менее шести раз нырял!..

Я горестно вздохнул. Информация о вчерашнем вечере начисто отсутствовала в моей памяти. Пошарив в кармане брюк, извлек на свет несколько смятых банкнот.

– Опять в магазин?

– Нет, – успокоил я Фридриха. – Возьму молочка. Холодное коровье молоко – лучшее средство от похмелья.

– Мало тебе вчерашнего! – проворчал Фридрих.

О чем это он? Проводив приятеля взглядом, отправился в путь. Иду спокойненько по сельской улице, ни о чем особенном не думая. Возле одной калитки встречаю старушку. Она вежливо поздоровалась и протянула мне литровую банку, доверху наполненную молоком.

– Мы разве знакомы? – спросил я, припадая к банке.

– А как же, милоч, ты вчера помог моей буренке разродиться – мамаша, и теленочек привет тебе передают!..

Я чуть не поперхнулся.

– Бабуль! Я ж вчера был ... того. Да и в коровах ничего не понимаю.

– Так не один был. С ветврачом Колькой вы на пару коровкой моей занимались. Он сам не мог: больше твоего принял. А уж ты, милоч, не подкачал. Спасибо тебе от нас троих огромное. Дай Бог тебе здоровья.

Допив молоко, я откланялся. Куда шел – сам не мог понять. Ноги уверенно вели меня по хорошо знакомому им маршруту.

Возле одного из дворов стоял гусеничный трактор. В его моторе деловито копался молодой парень. Он приветливо махнул мне рукой.

– Слушай, Карл, а вчера ты здорово нам помог. Наблюдательности тебе не занимать. Ты и вправду не работник детективного агентства?

– Был когда-то участковым, – соврал я.

Парень заулыбался.

– Вот и я говорю: спеца сразу видно. А то мне Кузьмич все уши прожужжал: проверь пускач, у тебя, видать, свеча барахлит! Дилетант хренов – сам ничего не знает, а лезет указывать!.. А ты чисто по делу вопрос задал: «Ребята, а почему у вас из выхлопной трубы дым не валит? Может, прочистить её надо, а не двигатель разбирать?» И, знаешь, Карл, ты оказался прав!.. Да, чуть не забыл, – тебя наш председатель искал. Дело у него к тебе ...

Киваю и иду себе дальше. Вновь ноги несут меня неведомо куда. Сворачиваю в ближайший переулок и сразу в глаза мне бросился дом-красавец, блиставший новизной на фоне соседей-доходяг. Подхожу ближе и вижу табличку: «Администрация села». У крыльца пристроился запыленный «уазик», а на крыльце курил низкорослый, довольно невзрачный на вид мужчина. И только потертая кожаная папка под мышкой выдавала его высокий ранг.

– О, Карл! – воскликнул курильщик, едва заметив меня. – Лёгко на помине. Только что о тебе вспоминал. Слушай, ты вчера лекцию прочёл что надо. Начал читать, прямо скажем, в не совсем подходящем месте. На крыльце магазина. Тема очень многих заинтересовала. Она оказалась необычайно актуальной, злободневной и (надо это честно признать) – животрепещущей. Спасибо, Карл, что свои тезисы, сдобренные доступными примерами из жизни, ты повторил со сцены в клубе. Наши мужики очень признательны. Кстати, вчера так и не познакомились. Лев Игоревич, председатель местного колхоза... мы обменялись рукопожатием.

– А напомните мне – что за тема была у моей лекции?

– Десять самых эффективных методов избавления от надоевших соседей. И ещё, Карл. У тебя какие планы на будущее? Я тут слышал: вроде домиком собираешься обзавестись? Надоела, говоришь, тебе городская жизнь? И правильно. Давай, переезжай. Нам по зарез нужен толковый глава администрации. Мы поддержим. А то нас давно достал нынешний глава. С утра вечно с похмелья, а к вечеру лыка не вяжет. А с тобой, чувствую, сработаемся.

– Спасибо за доверие, – (мы повторно обменялись рукопожатием). – Но, знаете ли, Лев Игоревич, ваше предложение меня, честно говоря, застало врасплох. Надо всё хорошенько обдумать.

– Тебя, Карл, никто не торопит. Просто помни: здесь всегда хороших людей рады видеть. Ты, как говорится, наш. Ну, давай, увидимся. Председатель сел за руль «уазика» и, выехав на проселочную дорогу, рванул с места в карьер.

А я, перейдя на другую сторону улицы, толкнул дверь местного продуктового магазинчика. Продавщица смотрела на меня с обожанием.

– Карл! Вы за водкой? – спросила она, мило улыбаясь. – Её нет. Вы вчера купили всё, что было. Может, мороженого?.. – продавщица тут же вытащила из морозилки порцию эскимо. Я протянул десятку.

– Денег не надо. Это вам презент от нашей торговой организации. Заходите еще!

– Непременно, – пообещал я, выходя на улицу.

Тупо разглядывая пустую улицу, подумал: и зачем я сюда притащился? Неужто только из-за мороженого? Или душа соскучилась по комплиментам?.. Ну, хорошо, совершил экскурсию по сельской местности, а что дальше, не пора ли вернуться на круги своя?..

Почему-то отправился к нашей стоянке другой улицей. Возле одного из домов, на лавочке, сидела весьма привлекательная сельчанка.

– Здравствуй, Карл! – сказала она, едва я поравнялся с лавкой. А затем вскочила, преградив мне дорогу и, заглядывая в глаза, злобно прошипела:

– Ты что, гад, делаешь, чего круги нарезаешь? Долго мне ещё сторожить эти долбаные заточенные лопаты?

– Вы о чём? – спросил я сельчанку.

– Я о том, – ответила она, – что нечего было предоплату требовать в размере ста процентов, а потом от дела увиливать. Подписался – выполняй. Чего красуешься тут перед всеми, мордой своей светишь?

– Я вас не понимаю. Какое дело, на что, где и когда я подписался?

Сельчанка заглянула мне прямо в душу.

– У! – протянула она. – Я вижу, тебя, Карл, полностью накрыла амнезия. Ладно, попробую развеять туман, царящий в твоей башке. Ты кое-кому пообещал своих корешей-рыбачков порешить и закопать. Денежки тебе уже выданы, полностью. Оружие – тоже. И теперь скажи – доколе мне ждать у моря погоды?.. Невыполнение заказа означает, что ты сам страшно соскучился по кладбищу. Дошло?

Я нервно облизнул одеревенелые губы. Затравленно оглянулся по сторонам. К счастью – улица была абсолютно пуста. Никто и не думал проявлять к нам повышенного интереса. Я прищурился, затем, отодвинув живую преграду, бросил ей «скоро буду» и рысью поскакал к нашему биваку...

Лето – 2001 год.

Галина МАШТАКОВА (1955–2021)

Окончила Саратовский медицинский институт. Работала врачом. Автор сборника стихов для взрослых «Пространство тишины» и трёх книг для детей. Печаталась в московском журнале «Детская роман-газета», альманахе «Сызранская излучина», газете «Заря». Детская книга «Там, где ангелы живут...» отмечена специальным дипломом «За солнечное творчество» Международного литературного Германского конкурса «Лучшая книга года-2019». Дипломант Международного конкурса «Созвездие духовности».

ТЕНЬ И ГОСПОДИН

В одном королевстве-государстве жил господин Лямкин. А почему, собственно, жил? Он и сейчас живёт-поживает. Сам из себя приличный такой господин, справный. Всё у него как полагается: дом, работа, семья, дети. Даже шофёр личный имеется – во как! Одно нехорошо – характер он имел скверный. Даже, можно сказать, наисквернейший. Всё-то Лямкину не так и не эдак. На что уж жена у него умница-разумница – и красавица, и трудолюбивая – и та угодить не может. Вот какой был вредный этот господин Лямкин! Что уж говорить о детях. Сынок, видите ли, у него троечник. И дочка, дескать, могла быть покрасивее. Да куда уж там ещё красивее: глазки ясные, носик курносенький, на пухленьких щёчках ямочки, головка в медных кудряшках – вылитый папа в детстве. А что сам был троечником в школе, Лямкин вспоминать не любил. Подчинённые на работе ох как его боялись! Забоишься, пожалуй... Чуть что не так – топнет ножкой и кричит: «Уволю!» Некоторые сами увольнялись, не выдерживали. А семья есть семья, из неё не уволишься. Любили его такого. Привыкли... Жила в доме канарейка. Вот её-то Лямкин любил так любил! Души в ней не чаял! Клетку ей оборудовал по последнему слову техники, корма покупал самые лучшие: редкие семена выписывал из-за границы. Хотя, может, это уже и лишнее. Изначально купили канарейку для детей – они просили. Но скоро она им надоела, а Лямкин, наоборот – привязался к ней. Соответственно, и канарейка к нему тоже. Вот ведь какое дело!

Однако стоит сказать, что не только близкое окружение страдало от несносного характера отца семейства, о котором идёт речь, но и сам он не находил себе покоя. Всё искал, кому ещё высказать своё недовольство и предъявить претензии. Дошло до того, что и собственная тень его уже не устраивала. Видите ли, почему у неё такой живот большой? Позвольте, а чей это живот, если задуматься? Его же собственный! То, видите ли, маячит она перед глазами у него, а то опять же, уляжется вдруг под ногами и лежит. Пинай не пинай её – всё без толку: лежит, свернувшись клубочком, и всё тут. Чего только не наслушалась тень от своего хозяина!

Совсем с рельсов сошёл этот Лямкин! Бедная тень не знает уже, куда ей деться. Иногда только за спину спрячется – это когда солнце или луна впереди светят. А так она себе не хозяйка. Тень есть тень – всего лишь отражение. Обидно, но что поделаешь?.. Так и жили бок о бок: тень и хозяин. Вернее – хозяин и его тень. Хотя какая разница, кто из них хозяин, если суждено им быть неразлучными.

Однажды случилось с Лямкиным нечто из разряда вон выходящее.

Просыпается он утром, собирается на службу. Побрился, умылся, позавтракал, между делом выдал порцию негатива домочадцам (кроме канарейки, конечно!). Это уж как водится. Привык потому что. На службе тоже не обошлось без его претензий к некоторым подчинённым. «Уволью!» – пару раз неслось из его кабинета. Лишь во второй половине дня Лямкин вспомнил о своей тени. До этого всё некогда было. Но вот ведь какое дело, вспомнить-то он вспомнил о ней и даже отругать хотел по привычке. Глядь, а тени-то и нет! Посмотрел получше: точно – нет тени! «Тфу ты, мерзость какая! – подумал Лямкин. – Чего только не привидится, когда столько трудишься! Отдохнуть надо, съездить куда-нибудь. Не то и правда с ума сойдёшь, чего доброго». – Всё ещё не верил он своим глазам. Дома глава семейства рассказывать не стал о том, что с ним произошло, решив, что утро вечера мудренее. Да и что тут рассказывать? Подумаешь, пустяк какой-то: смешно сказать – тень. На что она вообще годится! Так, ерунда.

Ерунда не ерунда, а ночью Лямкину почему-то не спалось. Его всё подмывало встать и выйти в сад, проверить при луне: есть ли у него тень? Проворочавшись с боку на бок полночи, кое-как он заснул.

Утром глава семейства спешил на службу и ушёл раньше обычного. В этот день он был подозрительно молчалив. Можно догадаться, какие мысли копошились в его голове. До обеда день был пасмурный, поэтому вопрос: есть ли у него тень? – оставался открытым. Зато была и надежда. Лямкин презирал себя за эти мысли. Старался ни о чём таком не думать и вести себя как прежде. Даже хотел отругать кого-нибудь, чтобы прийти в себя. Но потом передумал: «А, ладно, в другой раз

Наконец выглянуло солнце. Лямкин поспешил на улицу – якобы по делу. Оглядевшись вокруг себя, тени он не обнаружил. Ещё раз убедившись в отсутствии оной, господин Лямкин растерянно посмотрел на солнце. Оно сияло и как будто говорило ему: «Ну, мил человек, я не виновато! Свечу всем одинаково. Так что не обессудь». Мил человек перевёл взгляд на деревья. Те, как им и полагается, отбрасывали тень. Тут Лямкин и впрямь затосковал. В животе у него противно заныло. Он чуть не заплакал.

«Ещё чего не хватало, из-за этой дряни пузатой расстраиваться!» – успокаивал он сам себя. – Вон люди – без ног живут, и ничего. А я с руками, с ногами, голова на месте...» – Лямкин на всякий случай ощупал

голову, дабы убедиться, что она и в самом деле на месте (тьфу, тьфу, тьфу). До этого суеверным он не был, а тут поплевал. И сам же застеснялся своего поступка. Вот ведь до чего докатиться можно! Но как ни успокаивай себя, а дело – дрянь. Негоже человеку без тени быть. Какое-то привидение получается, а не человек. Вон кошка пошла, и у той есть тень. А тут срам один да и только. И ведь никому не скажешь – засмеют! А своим сказать – жалеть будут. Жалости он не переносил. Сам никого не жалел, и чтобы его не жалели. Может, обойдётся как-нибудь...

Такие грустные мысли посетили нашего Лямкина во дворе родного департамента. Он вызвал шофёра и велел везти его домой. Ужинать не стал, а сразу лёг в постель. Надо было обдумать, как в таком положении жить дальше. А что если рано или поздно заметят, что он без тени? Как тогда быть?.. Был человек –раз! – и нет человека.

Жена заметила, что супругу нездоровится. Предложила вызвать врача, но Лямкин гневно замахал руками и раскричался. Жену этот крик немного успокоил: хоть на себя похож стал, а то всё тихий какой-то... Дети на цыпочках ходят, боятся отца потревожить.

Прошла неделя. Лямкин всё ждал, что неудобная ситуация как-то сама разрешится. Он старался изо всех сил вести себя по-прежнему: вызывал «на ковёр» кого надо, распекал. Но всё это было не то. Подчинённые недоумевали: что случилось с шефом? Не заболел ли?..

Прошла ещё неделя.

Всё оставалось по-прежнему.

Про иных говорят, мол, своей тени боится. В случае с нашим героем всё наоборот: он страстно желал возвращения своей тени. Даже плакал тайком, просил прощения потихоньку. Канарейка, и та не радовала его уже как прежде.

В департаменте, однако, заметили, что их коллега как-то побледнел, спал с лица, да и живот его заметно поуменьшился. Одни говорили, что только тень осталась от него. Другие, кто повнимательнее, заметили, что тени у их начальника как раз и нет. Но вслух об этом сказать боялись. Мало ли что... От греха подальше.

Лямкин тем временем всё страдал. Каких только мыслей не передумал! Всю свою жизнь вспомнил. А как вспомнил, так и ужаснулся! Скольких хороших людей обидел! Семью затиранил. А всё через этот несносный характер. Уух! Он ещё кулаком погрозил зачем-то. Подумать только, даже тень ушла от него, не выдержала! Тут Лямкинец всё расплакался. (Никто этого не видел, конечно. Ещё чего не хватало!) Плачет он, значит, раскаивается. Решил всю свою жизнь изменить: стать добрым, людей полюбить – как и свою канарейку. А сам того не заметил, что уже стал другим: не кричит, не ругается, ногами не топает, всех жалеет. Вот ведь как!

Как-то раз, в выходной день, выходит наш Лямкин себе в сад, яблок собрать. Нагнулся за упавшим яблочком, и как будто кто-то рядом нагнулся. Глянул искоса – а это... тень! Разогнулся – и тень разогнулась. «Неужели?!» – подумал Лямкин, затаив дыхание, боясь спугнуть пришлицу. Он осторожно повернулся вокруг своей оси, попрыгал. Тень проделала то же самое. От радости и волнения Лямкин лёг на землю, прикрыл глаза... Но тут же вскочил, боясь, что видение исчезнет. Тень вскочила вместе с ним.

Вот это событие! Да-а-а...

Теперь Лямкин самый счастливый человек. На тень свою не налюбуется: какая она у него стройная, без живота (впрочем, как и сам хозяин). А служить он перешёл в другой департамент. Неудобно за прежнее. Теперь-то он и сам другой: характер – золото!

Кстати, зовут Лямкина – Евграф Евграфыч. Но это уже неважно. История-то всё равно закончилась.

Марин Ангел ЛАЗАРОВ

Родился 24 апреля 1961 года в болгарском городе Казанлак. Закончил факультет журналистики и философии, а также получил дополнительное образование по детской психологии. Неоднократно встречался и разговаривал с бабушкой Вангой. Его Стихи переведены на 12 языков. За долгие годы перевел на семь языков стихи 59 поэтесс и поэтов. Делал интервью с известными государственными политиками и работниками искусства – в общей сложности 15 Президентов, 11 Премьер-министров и 350 других заметных деятелей мирового уровня. Автор нескольких книг детских сказок, притч, стихотворений на разные темы. Креатор культурно-социальных проектов, в которых активное участие приняли свыше 3.500.000 человек. Живёт в Европе и занимается культурно-социальной деятельностью.

ЛЮБОВЬ – СМЫСЛ ЖИЗНИ!

Мы рождаемся, живём и умираем. Но не от старости или болезней, а от нелюбви. Всю жизнь мы ищем любовь и стремимся к ней. Почему же так важно чувствовать её, наполняться ею? Что она такое? Любовь к родине, родителям, родным, семье, друзьям, к любимым, к природе и всему что нас окружает. Мы должны жить в любви. Потому, что...

Любовь – энергия...

Она двигает нами, она зажигает огонь внутри нас и дает силу для творчества, преодоления трудностей, свершений, достижения цели, победы. Это любовь к природе, цветку, родине, ребёнку, к любимому человеку – неважно с тобой он или нет. Любовь двигает и наполняет энергией для полноты жизни.

Любовь – Бог...

Всё, что мы видим вокруг и на что смотрим с любовью, это Бог внутри нас, который любит всё вокруг, который создаёт и восхищается всем на этой планете, наименьшим творением, потому что любит этот мир, планету, людей.

Любовь – смысл жизни...

Мы рождаемся от любви и можем быть счастливы только тогда, когда с любовью чем-то занимаемся, проводим время, делим свой дом с родным человеком, готовим еду, смотрим фильм или рисуем, пишем, заботимся. Мы счастливы, когда в любви. От любви рождаются стихи и песни, картины и сказки, повести и рассказы, уникальные скульптуры и

удивительные шедевры искусства. Это она наполняет сердце и выливается потом в творчество.

Любовь – воздух...

Без неё никак. Нет смысла жить и радоваться жизни. Это как пресная еда: вроде и надо есть, но не хочется, не вкусно, нет наслаждения.

Почему на Земле так много ненависти, злобы, алчности, зависти и страданий? Ведь мы рождаемся маленькими ангелами, чистыми и светлыми. Каждый со своими талантами, характером и качествами, но никогда не жестокими и грубыми. Может, все дело в закрытых сердцах вокруг, которые не дают нам вырасти в любви, делают из нас такого же взрослого с закрытым сердцем, который закрывается от мира, от Бога, от людей и от любви.

Мы приходим в этот мир, чтобы научиться любить. Без предубеждений, искренне и открыто. Не стараясь завладеть кем-то или чем-то, а просто любить с открытым сердцем. Любить как дети, которые любят всё вокруг и бегут с распростёртыми объятиями к каждому, от кого чувствуют позитив и любовь. Она им нужна и они не скрывают этого, обнимаются сколько нужно, чтобы насытиться любовью и отдать свою.

Мы все такие были в детстве, но чем старше становимся, тем больше эгоистичных ожиданий, что и как должно быть, кто и почему нас ДОЛЖЕН любить, и закрываем потихоньку своё сердце, изредка открывая. Но страх не получить желаемое становится преградой и мы снова убеждаемся, что лучше держать сердце взаперти, не пуская туда ничего и никого, а на себя надеваем маску, что у нас все хорошо и так должно быть. Больно признавать, что там, внутри сердца, всё ещё живет ребенок, который хочет любви.

Так кто же мы? Взрослые или всё-таки дети, которые хотят любви? Ведь взрослый человек несёт ответственность за себя и тех, кто рядом. Он не винит никого в своих бедах и знает где его счастье, ему хорошо в этом мире и сердце у него открыто, чтобы впустить этот мир людей всё вокруг. Потому что взрослый – это человек, который научился любить и защищать своего внутреннего ребёнка, давать ему так много любви, что её не нужно ждать.

Сколько на планете взрослых? На планете, где войны, жадность, алчность, зависть и злоба, очень мало, наверное. Наша планета – Планета недолюбленных детей, которых недолюбили в детстве, которых предали, обманули и т.д., и они так и не научились брать на себя ответственность за свою жизнь, закрыли сердце, обращённое к миру, и в нём началось заражение, в него как вирусы проникли страх и ожесточённость. От нелюбви умирают старики, зрелые люди, молодежь и даже дети. Кто умирает физически, а кто просто умирает внутри, дальше неся маску хорошей жизни как у всех.

Почему же так сложно открыто сказать то, что чувствуешь к человеку, ребёнку, животному, всему миру и ещё труднее поверить, когда говорят тебе такие слова? Нам страшно ходить с открытым сердцем: мы оберегаем его, тем самым закрывая и позволяя поселиться в нём вредным вирусам. Тогда с искреннего ребёнка мы медленно превращаемся в большого ребёнка, надев маску взрослого, всё-таки ожидая любви и боясь открыться навстречу, а потом умираем без любви, упаковав своё сердце навеки в оковы страха. Поэтому так бегут к нам с объятиями дети, так легко знакомятся и общаются, а мы часто отвергаем их, чтобы не перелюбить, чтобы не испортить своей любовью, забывая, что от любви невозможно стать хуже, а только лучше. Чем больше мы будем отдавать любви, тем больше будем получать, наполнять своё сердце и становиться счастливыми.

А может, мы уже не можем этого делать? У нас нет энергии, Бога – мы задыхаемся, и не видим смысла жизни, закрыв себя? Мы – бедные недолюбленные дети этой планеты, не можем сами себе признаться, что иногда эта детская наивность и непосредственность, искренность нас пугает, потому что мы уже так не умеем. Нам кажется, что это неправильно и учим этому детей, тем самым оправдывая себя, почему мы такими стали. Ведь каждый злой человек когда-то был недолюблен, не осознал, и не принял урок жизни; каждый обиженный ожидал чего-то и закрылся, когда не получил этого. Завистливый думал, что только он достоин наилучшего, а не кто-то ещё, но ничего для этого не делал или недостаточно делал. Но это не о любви и не о принятии своей жизни.

Этот мир, Бог и всё, что нас окружает, живёт в любви к миру. Встает солнце по утрам, растут красивые цветы, радуясь новому дню, и тянутся к солнцу от любви к нему. Такие же красивые горы, моря и реки, кусты и деревья растут в любви, получая её от мира, греясь в лучах солнца, ощущая ласкание ветра, и ловят каждую капельку дождя. Птицы поют каждый день, не ожидая ничего потому, что живут и любят этот мир.

Все живое на земле ждёт объятий и двух волшебных слов, которые имеют невероятную силу – люблю тебя! Ведь руки даны нам, возможно, как крылья, для объятий, для создания того круга тепла и принятия, защищённости, любви, в котором мы возрождаемся к новым достижениям. Но только если этот замкнутый круг из рук, которые обнимают, наполнен любовью. И её мы можем выращивать в себе сами. По крупицам собирая любовь, которую нам дарит этот мир. Ведь она повсюду: в улыбках людей, дожде за окном, солнце или радуге, смехе детей. Нужно только уметь видеть её, и на планете станет больше любви.

Александр ЗИБОРОВ

г. Сызрань

Родился 29 января 1953 года в Крыму. С 1970 по 1974 годы служил и учился в Сызранском высшем военном авиационном училище лётчиков. Окончил Пензенский сельскохозяйственный институт. Прошёл трудовой путь от инженера до начальника технической службы при санатории «Волжский Утёс» Самарской области. Печатался в журналах "Русское эхо", "Сызранская излучина" и других коллективных сборниках. В газетах «За Родину», «Волжская коммуна», «Волжские вести», «Время», «Красное Приволжье». Автор книги стихов "Святой Руси колокола". Член Сызранской городской писательской организации.

ЖЕНЩИНЕ

О, женщина, творенье Света,
И излучающая свет !
Ты сотни раз уже воспета,
Но каждый раз другой поэт,
Влекомый чувственным признанием
Готовит новый пьедестал
Тебе, небесное создание,
Тебе, прелестный идеал !
Звезда, загадка, провиденье..
Но как тебя не назови,
Твоё земное продолжение
За тайной вечности любви !

ПРО ЛЮБОВЬ

Любовь – божественный посыл,
Судьбы чудесный знак.
Она, награда высших сил,
Не всем – не просто так...
Любовь лишь избранным дана,
А та, что вновь и вновь -
Она без крыльев...
Ведь она,
Влюблённость – не Любовь.
Любви, наверное, одной
Даются два крыла...
Любовь, похоже, и со мной
Ты всё-таки была...

ТОТ ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

У девчонки, с волнующей внешностью,
Столько смешанных чувств, нерастраченных
Вожделённой любовью под нежностью –
Для кого-то вот-вот предназначенных...

Красотою земною отмечена
Недотрога с каштановой россыпью.
МНЕ ль от мира сего эта женщина –
Эта девушка с женственной поступью?

На судьбу не пристало – с обидою,
Если счастье к любви так доверчиво.
Сам себе потихоньку завидую
С того самого зимнего вечера...

МОЯ ВИЗАВИ

Ты такая – всего одна,
Несравненная визави !
И, наверное, мне дана
Ради самой большой любви.

Очарованный визави,
Вижу только её одну !
И, купаясь в такой любви,
Я в бездонных глазах тону.

Не влюбленность – сама любовь
От божественной визави !
– Я тонуть и тонуть готов
В океане своей любви.

Источается на двоих
До сих пор аромат любви,
Отражая в глазах моих
Ненаглядную визави.

АХ, ЛЮБОВЬ!

Если счастье
Такое ранимое,
То оно –
Не такое и вечное.
Даже
Сильной любовью
Хранимое,
Всё равно ненадолго,
Сердечное.
Ах, Любовь,
Ты ж от счастья
Зависима!
От него –
От такого ранимого.
Быть одной –
Это просто
Немыслимо!
Без него –
Его чувства
Взаимного...

ЛУННАЯ СОНАТА

Вечер...
В сумерках над лесом
Зазвенела тишина.
Где-то днём накуролесив,
Выйдет блудная луна.

Жажду ночи рыжей кошкой
Вдоль созвездий утолить.
Ах, ты, лунная дорожка,
Ну, чего греха таить ?

Козерога пожалеет,
Заночует, но не он –
Ей Стрелец и Лев милее,
Близнецы и Скорпион !

Не обходит Овна, Рака...
с Водолеем — хоть куда !
Но живёт в гражданском браке
С ним Полярная звезда.

Отражает наизнанку
Похождения Луны
Черноглазая цыганка —
Ночь, хозяйка тишины.

ПСИХОЛОГИЯ ЛЮБВИ

Какое счастье
быть любимым!
Блаженство в том...
Как благо быть
в пылу страстей
неутолимых
с безумной жаждою
любить.
Вот так без памяти
влюбиться !
Не стоит даже говорить:
— Такой любви
душе добиться —
ну, разве что,
боготворить !
Такие чувства
перед богом,
наверно,
надо заслужить.
Спасибо богу
за подмогу —
иначе незачем
и жить !

Валентина ЮДИНА

Родилась в 1949 году в селе Обшаровка Приволжского района Куйбышевской области. Окончила физико-математический факультет Куйбышевского педагогического института и заочно – Московский народный университет искусств. Преподаёт в школе математику и музыку. Является отличником народного просвещения. Творчеством Юдина начала заниматься еще в студенческие годы. Первая проба пера – песня о любимом городе, которая была исполнена на фестивале «Студенческая весна».

Первая песня «Уроки мужества» на слова Владимира Орлова была напечатана в газете «Солдат Отечества». С тех пор стихи и песни Юдиной публикуются в районных и городских газетах, журналах и коллективных сборниках нашей страны. За годы творчества выпустила около десяти книг стихов и нотных сборников песен. Талантливый бард, прекрасный музыкант и поэт, Валентина Николаевна многие годы проводит в п. Сборносимоновском фестиваль авторской песни для детей «Малая Грушинка». Является членом Союза писателей России.

ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

Парком иду,
А на виду
Юность воркует на лавочках.
Вновь листопад.
Тихо шуршат
Листья, порхая как бабочки.

Ветром гоним,
Стелется дым,
А в подсознании кружится
Школьный вальсок,
И между строк
Осень рассыпала лужицы.

Светится вновь
Чья-то любовь
Золотом дней переменчивых.
Взгляд сквозь года.
Были тогда
Молоды мы и застенчивы.

Как не понять?!
Осень опять
Прошное всё подытожила.

Вот и меня
Средь бела дня
Счастьем чужим растревожила.

ПРИВЕТ ИЗ ЮНОСТИ

На подоконнике цветы неброские,
Такие милые, такие нежные,
Рассвет румянится и над берёзками
Лишь облака плывут рекой безбрежною.
Мне утро раннее счастливым кажется.
Мечтой откликнулось, воспоминанием.
И с незабудками сюжет завяжется
Любовью первою, очарованием.

Сестричка юная, такая хрупкая,
Под градом пуль шальных спасала раненых:
– Терпите, милые! Ещё минутка и...
Лишь синевой плеснёт из глаз отчаянных.
А после – госпиталь, губ воспалённых бред,
И голос ласковый, и руки чуткие...
На подоконнике из юности привет
И с благодарностью, и с незабудками.

ТЫ НУЖНА МНЕ, СОЛНЫШКО!

У киоска «Золушка», на стене соседской,
«Ты нужна мне, Солнышко!» – кто-то написал,
Нежность и любовь свою, будто бы в наследство,
С верой и надеждою всем адресовал.

Колесил автобус наш по знакомой улице.
Так хотелось снова мне надпись перечесть.
И пускай февральский день всё мрачнел и хмурился,
Март в душе моей запел: «А любовь-то есть!»

«Ты нужна мне, Солнышко!» – тихо повторяла
Строчку эту, что во мне так отозвалась!
От любви не раз порой голову теряла,
Только этих самых слов... я не дождалась.

НЕЖДАННЫЙ ЗВОНОК

... В том доме музыка жила.

Любовью музыка была.

Вячеслав Харитонов

Звонок неожиданный среди бела дня –
Последняя любовь нашла меня,
Пусть и горчат, увы, порой обиды.
Знакомых общих вспоминая круг,
Как прежде, близким показался вдруг
Герой несостоявшейся планиды.

Тогда любовью музыка была!
В гармонии с душой она плыла,
Заполнив счастьем каждое мгновенье.
Случилось так, что радости река
Обманчива была и коротка...
Спасало и хранило вдохновенье.

Но отболело, отлегло... Звонок
Отчётливо напомнил пару строк
И оживил внезапно память сердца.
Тогда любовью музыка была.
Она с душой в гармонии плыла
Живительным и обнажённым скерцо.

ТЫ ЕСТЬ!

Ты есть! И это главное сейчас.
Ты, как всегда, меня вниманьем окружаешь
И обаянием сердечным покоряешь
В который раз.

Ты есть! Разлука навевает грусть.
Но расстояния всегда преодолимы,
Когда ты знаешь: встречи ждёт любимый,
Не скорой пусть.

Ты есть! Я время снова тороплю,
Чтоб сократить меж нами эти расстоянья.
Не так длинны порою нежные свиданья.
Ты будь! Молю!

А я? Всегда ли я вот так смогу
Любить тебя, забыв про всё на свете белом,
Смотреть в глаза твои, любимый мой, несмело.
И я не лгу!

Ты есть! Так от меня ты далеко...
Но в этом мире бесконечно многоликом
Мы в состоянии притяжения великом,
И нам легко.

ВАЛЬС

Как самозабвенно с тобой танцевали мы этот вальс,
Так плавно кружились, скользили легко по паркету.
Казалось, нет в мире надёжнее рук и пленительней глаз,
И все расступились, увидев начало сюжета.

И, раз, два, три... Раз, два, три... Раз... Не хватает дыхания!
Достаточно нескольких фраз, ведь не главное это.
А главное в танце всегда двух партнёров слияние.
Доверьтесь друг другу, и можно кружить до рассвета.

Впервые так близко мы, нам не хотелось и говорить.
За нас говорило случайное в танце касанье.
Старинного вальса мелодия нам разрешала любить
Всего только миг, исполняя простое желанье.

И, раз, два, три... Раз, два, три... Раз...

РАЗНАЯ НА СВЕТЕ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

Есть любовь, похожая на сон:
Ты в неё и веришь, и не веришь.
И порой, от страха каменеешь,
Потому что только ты влюблён.

Есть любовь, что схожа с родником:
Так чиста хрустальная водица.
Прикоснуться к ней – как причаститься,
Можно даже маленьким глотком.

Есть любовь, похожая на сад:
Заморозком утренним охвачен,
Погрустнел и, кажется, заплачет.
Лепестки так скоро облетят.

Есть на свете разная любовь.
Принимай любую как подарок.
Станет мир твой красочен и ярок.
Подчиняйся и не прекословь!

Разная на свете есть любовь...

* * *

Лист рябины к окошку приник,
Постучался в мой тёплый дом.
Словно рвался ко мне в этот миг
Долгожданным твоим письмом.

Адрес твой, видно, дождиком смыт –
На листке нет следов чернил.
Но ладошки рябиновой вид
Будто снова нас породнил.

По прожилкам листа я прочту
И про нежность ко мне, и грусть,
И хранимую в сердце мечту,
Что когда-то к тебе вернусь.

Может быть, я тебе между строк
Что-то главное и скажу,
Только этот озябший листок
В сборник песен своих положу.

* * *

Четырнадцать занятных этих строк
Пишу я Вам, друг милый, подражая,
В который раз, с волнением читая
Сонетов Ваших искренний венок.

Потом ищу мелодию свою
Из звуков призрачных, из нот неуловимых,

Ещё неясных, но уже любимых.
И в ней все Ваши мысли узнаю.

Смотрите, погрузнел осенний сад.
Конвертами без адреса летят
Резные листья, право, бестолково...

Но с флейтой одинокой в унисон
"В тугих порывах ветра и времён"
Вдруг зазвучит задуманное слово.

ОПЯТЬ О ПРОШЛОМ

А я – опять о прошлом. Там светло...
Такое от твоих стихов тепло.
Весь день как будто на автопилоте.

Всё получается, и всё мне по плечу,
И я с утра, как птица щебечу,
Поглядывая на стихи в блокноте.

И ты – опять о прошлом. Там весна...
Поэтому, быть может, не до сна.
И плещется волна в мои ладони.

Нет, кроме нас, живой души вокруг,
Затоплен одуванчиками луг,
Последний солнца луч в заливе тонет.

А мне легко былое ворошить,
Воспоминания нанизаны на нить
Как бусины. Я их перебираю.

Там безраздельно царствует любовь.
В неё я погружаюсь вновь и вновь,
От глубины и счастья замирая.

ТОЛЬКО БЫ УСПЕТЬ

Любви просить, как подаянья,
Устала. Больше не могу.

Оставляю все свои желанья
На том, пологом берегу.

А мне – на правый, крутоярый,
Чтоб свежести захлеб глотнуть
И, отрыдав по жизни старой,
К обрыву самому шагнуть.

И там, до головокруженья
На самом краешке дрожа,
С былым расстаться без сомненья,
Своей свободой дорожа,

Чтобы весною ранней, талой
От мудрости своей прозреть,
Жить и любить начать сначала.
Вот только... Только бы успеть!

Я И ТЫ

Я - древний кувшин, наполненный всклень
Волшебною влагой живых родников.
Ты – сказочный джин, покинувший плен,
Томившийся долго в оковах веков.

Я – эхо в твоём волшебном лесу.
Аукнусь негаданно и нараспев.
Ты – быстрая мысль (легка на весу) –
Угаснешь мгновенно, созреть не успев.

Я – сладостный миг, бессонницы вязь.
Ты – праздник в житейском ряду перемен.
От встречи до встречи живу, торопясь,
Надежду оставив сомненьям взамен.

Но в снах и в раздумьях, среди суеты
Одна только я. А ты... Где же ты?

СЧАСТЛИВАЯ ПОРА

Ветра снуют проулками, стучат по крышам гулкие
Дожди, и солнце прячется в бегущих облаках.

Деньки летят, торопятся, с листвою в лужи смотрятся
И, кажется, надеются на чудо, а пока...

Всё только начинается. Наш отпуск не кончается.
Опять снимаем в августе мы домик на двоих.
И, как когда-то в юности, ты снова шепчешь глупости,
А мне светло и радостно от глупостей твоих.

Рябины гроздья яркие в окне висят подарками.
А я прошу: « Мгновение, постой! Остановись!»
Мои глаза зелёные в твоих глазах фиалковых –
Смешалось всё, запуталось! Поди-ка, разберись!

Идём вдвоём тропинкою в осенний лес с корзинкою,
На берегу костёр с дымком нас греет до утра.
Расстанемся, разъедемся, быть может, и не встретимся,
Но в памяти останется счастливая пора.

ОЩУЩЕНИЕ РАДОСТИ

Почему-то с утра
Настроения нет,
Поднялось, вероятно, давление.
На работу пора.
Только мрачный рассвет
Вызывает во мне раздражение.

Ну ещё бы часок
В тишине полежать,
Чудный сон оборвался некстати так.
Там знакомый вальсок
Приглашал танцевать
Под цветущими вишнями в садике.

И качал нас слегка
Этот старый вальсок.
Счастье – вот оно, пусть – наваждение.
Я – в надёжных руках
И не чувствую ног,
Продолжая с любимым кружение.

Помечтала опять
Хоть во сне увидеть,
Как глаза его радостью светятся,
И простить, и понять,
И с надеждою встать
Да с огромным желанием встретиться.

Я с ноги бы другой
Поднялась не спеша,
Потянулась с улыбкою благостной.
Пусть погода зимой
Не всегда хороша,
Легче жить с ощущением радости.

БОЛЬШАК

Я думаю: тогда вы знали,
Что нам от счастья до печали
Лишь шаг.
Ведь стоит только перейти большак,

Тот, разлучивший перекрёсток,
Где без любви не так-то просто...
Одна...
Испила чашу горькую до дна.

А вы решили не лукавить,
Свободу выбора оставить
Себе.
И всё же благодарна я судьбе
За дни, в которые светилась,
За то, что было и случилось.
И вновь
Так хочется найти тебя, любовь.

Игорь МИШЕНКОВ

г. Тверь

Родился в 1971 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Окончил школу № 17 и параллельно школу юных космонавтов. Затем – Московский геологоразведочный техникум, Российскую Академию народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ и Тверской государственный университет. Служил в Группе советских войск в Германии. После окончания службы возглавлял различные предприятия и учреждения в Москве и Тверской области. Печатался в журнале «Сызранская излучина», электронном литературно-художественном альманахе прозы и поэзии «Новый российский писатель». Автор поэтических сборников "Пусть любовь украшает ваш дом" (2019), "Лабиринт" (2021), "Узы дружбы" (2022). Тренер по каратэ-до. Владеет английским языком.

ГЛАГОЛЫ

Вновь за сказкой погоню устрою,
В воскрешенье поверив любви,
И несбыточных планов настрою,
Понапрасну душой покривив.

Склею порванных фото кусочки,
Поспешу отменить своё «нет»,
И польются по-новому строчки,
И придёт в моё сердце рассвет.

Я такой: всякий раз, отрезая,
Вновь берусь за иголку и нить,
Не всегда до конца понимая,
Что не всякое соединить.

Но любить и рубить – два глагола,
Что никак не сойдут с языка.
Вновь меж пальцев сжимаю иголку
И дрожит от волненья рука.

БУМЕРАНГ

Не бросайте «люблю» в нелюбимых,
Не спешите любовь обещать;
Слову с делом быть должно единым,
А не любишь – пристойно молчать.

Не кричи о любви, если сердце
Не уверено в этой любви;
Если зябко и хочешь согреться –
Не родное тепло не зови.

Ты не зарься на счастье чужое –
Отольется бедою не раз
Каждый миг, что лишаем покоя
Тех, кто верил безропотно в нас.

Не посмей, не любя, простодушно
Нелюбимым о чувствах шептать.
Сердце хрупкое просто разрушить,
В счастье веру легко растоптать.

БЛАГОДАРНОСТЬ

А что ни говори, мне так тепло
Со знанием, что моим ты стала другом!
Сей дружбы не свернуть, и всем назло
Мы не грешны ни ссорой, ни испугом.

Мы дружбу пронесли, где, будь иной,
Потеря б оказалась неизбежной;
Но нам же счастье выдалось с тобой
И мудрость с верой ладить, и с надеждой.

Порой немногословье, тишина,
А как-то – до полуночи беседы,
Где третий, но не лишний, лишь Луна,
Свидетель на вмешательство скарёдный.

Вертётся шар земной, и мы на нём,
Верша дела свои ль, неся ли службу,
Друг другу часть души своей несём
И верим в святость тёплой нашей дружбы.

Я СЕБЯ ДОВЕРЯЮ ЖЕНЩИНЕ

Я себя доверяю Женщине!
В чистоту её веря помыслов,

Обожаю до сердца трещины,
Отвергаю нелепые домыслы.

Я, рождённый в любви, не вынесу
Нелюбовь и утерю нежности,
Отношений с издёвок примесью,
И слепой, беспощадной ревности.

Покоряясь малейшим прихотям,
Отдаю им мужское, сильное,
И, волнуясь от ласк, как при смерти,
Умираю-люблю красиво я.

Сколько ран на душе нанесённых,
Сколько раз сердце вдрызг расколото.
Вновь взбираюсь по этой лесенке,
Что зовёт меня пуще золота.

Сущность Женщины петь и баловать
Мне с рожденья дано-даровано.
В моё сердце добро пожаловать!
Вами, милые, очарован я!

А БЫЛА ЛИ ТЫ?

Солнце спелым абрикосом
В лето Бабье смотрит с неба.
Вспоминая твои косы,
Понимаю: это – небыль,

И почти невероятно,
Что тебя я знал когда-то.
Но откуда – непонятно –
Сердце всё моё в заплатках?

И откуда, право слово,
Эти годы в горьких думах,
Раз стихи слагаю снова
На скамейке ночью лунной?

Значит, кто-то растревожил
Всё, что спало, что забылось?

Значит, что-то, видно, прóжил,
Что печалью отложилось?

Значит, то была не сказка!..
Под ступнями гальки россыпь,
Солнце мир малюет краской
Цвета спелых абрикосов.

МОЯ ЖЕНЩИНА

Я открыл в тебе кладезь женственности –
Самой, что ни на есть, настоящей!
Каждый взгляд твой пронизан эссенциями
Всех девíчьих манер и изяществом.

Я не знаю порой как выразиться,
Чтоб восторг свой облечь в наречия.
О такой я мечтаю сызмальства,
Грезя страстью нечеловечией.

Я дышать начинаю прерывисто,
Не справляясь с волненья накатами,
Залпом рокс выпиваю «Чíваса».
Дальше – ночь и стихи до полпятого.

То пылаешь, то смотришь застенчиво,
То ругаешь меня беспричинно...
Моя, Небом мне данная, Женщина,
Это счастье – твоим быть Мужчиной!

РИСУЯ ТЕБЯ

Этюдом робким предстаёт
Картина наших отношений,
То там, то здесь недостаёт
Ей красок, яркости, движенья.

Моей палитры век иссяк –
По крайней мере, мне сдаётся.
И рамы трескается лак,
И стиль мазка уж как придётся.

Любовь свою рисую я
В полутонáх души смятений.
То в ней всё больше от зверья,
А то – во многом от растений.

Всё не такое, всё не то!
Ругаю всё, что спел иль сделал.
Иль дело, собственно, в простом:
Быть может, чувство переспело?

Что делать? Выбросить? Иль «съесть»,
Отрезав то, что свыше срока?
Решить оставить все как есть?
Иль так? Иль эдак? Вот морока!

Я сам себя вогнал в пикé,
Но вновь спешу нащупать русло,
И снова кисть в моей руке,
И я мои рисую чувства.

МОЁ БОЖЕСТВО

А вот и осень кажет нос из-за угла,
И наш сентябрь плетёт венок из листьев жёлтых.
Ты, как и я, в мир с этим месяцем пришла,
Ты, как и я, дитя деньков осенних тёплых.

Потомки лета мы, что вдруг лучом зари
Напомнит в зайчике, что прыгнет к нам на стенку,
Что смотрит грустно, как у матушки Земли
Хладенют, ветрами застужены, коленки.

Я так люблю в тебе то с осенью родство,
Что в каждом взмахе твоих дёвичьих ресничек!
Моё Сентябрьское Земное Божество,
Хочу дарить стихов своих тебе странички!

ТОНКИЙ ВОЗРАСТ

Я уже неприлично немолод,
И условностей серый пиджак

Свёрнут втрое на дальней из полок,
Где доспехи бывшие лежат.

Я уже не иду на размены –
Либо «пан», либо «ваша взяла»;
И летят моих фраз сюрикены*
Там, где раньше беспечность была.

Я стыдливость оставил, как ящер
Хвост бросает, спасая бока;
И ночами всё чаще фломастер
Над бумагой заносит рука.

И тебя, Сероглазая Сказка,
Что ни день, воспеваю в стихах, –
Мне уже неприлично за маской
Прятать чувств моих громких размах.

** японское метательное оружие скрытого ношения*

ЛЮБИТЕ!

Когда мы что-то значим для кого-то,
И этот кто-то – значимый для нас;
Когда сердца в одни и те же ноты,
Когда глаза иных не видят глаз;
Когда в плену забот сознание греет
Мысль тёплая, что ты не одинок,
Что будет пусть в десятки раз труднее,
Но пред любовью злой отступит рок;

Когда в болезни, в грусти иль в волнении
В груди теплится нежности очаг;
Когда, порыва следуя веленью,
Во взгляде каждом ловим страсти знак...

Теплее мир, обласканный любовью,
Добрее ты, коль любишь и любим;
Благословенны мы, коль в тьме и в боли
Любимым верность бережно храним.

В ВАШ ДЕНЬ

Хорошие, милые, светлые!
Любимые и отвергнутые,
Красивые и не очень...
Да важно ли это, впрочем?

Вам слов своих тёплых кружево
Дарю – знаю, это так нужно вам.
И мне нужно это не менее,
К чьему-либо удивлению.

Да-да, нам, мужчинам, надобно
Любви вашей сладкое снадобье,
Глаз добрых свеченье чистое,
То тихое, то искристое.

Да-да, мы, мужчины, сетуем
На жизнь, если в тишь рассветную
Без вас просыпаться выпало
И снегом сердца засыпало.

А значит, примите, милые,
Слова, что играют силою
Любви к вам и вашей сущности,
К вашим прелестям и могуществу.

Примите! Они же, слова эти,
Правдивые – вы это знаете.
Без вас мы заблудшие дюже,
А с вами – как птицы кружим.

Юлиана ЛИШМАНОВА

г. Сызрань

Родилась в 1970 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Училась в средней школе №16 и параллельно в школе печати имени Горбунова при городской газете «Красный Октябрь». В 17 лет уехала в город Владивосток, где начала свой трудовой путь секретарём-машинисткой на судоремонтном заводе. Потом вернулась в родной город. Работала продавцом, оператором станков ХШО, помощником мастера, кондуктором автобуса, оператором котельной, санитаркой в Госпитале. Сейчас – журналист газеты «Красное Приволжье». Стихи печатались в местной периодике, альманахе «Сызранская излучина», журналах «Русское эхо» (Самара), «Берегиня» и «Природа и человек» (Москва). Член Сызранской городской писательской организации.

МОМЕНТ ВДОХНОВЕНИЯ

Сиж у тебя на коленях,
От ласк твоих вся трепещу.
Я в этой невинной измене
Момент вдохновенья ищу.

Ты гладишь меня и целуешь –
Струится блаженства река!
И, как голубочек, воркуешь,
Со мною взлетев в облака.

В порыве сплетаются руки,
И губы немеют от страсти,
Томления сладкого звуки
Уже не подвержены власти.

Уже голова, как в тумане,
Рассудок вблизи помраченья,
Любовью безумною пьяный...
И вот он – момент вдохновенья!

АХ, СЧАСТЬЕ НЕ ВЕЧНО

Какой-то волшебник всю ночь куролесил,
На ветках деревьев снежинки развесил.
Мы утром проснулись – всё в кружеве белом,
И пташки порхают вокруг то и дело.

Вот села синичка на ветку рябинки,
Качнула её – засверкали снежинки,
Неспешно, задумчиво вниз заскользили,
Как будто о чём-то ушедшем грустили.

А мы под рябинкой с тобою стояли,
Под дождь серебристый о счастье мечтали.
На щеки и губы ложились снежинки.
«Ах, счастье не вечно...» – звенели слезинки.

РОМАШКИ В ОКТЯБРЕ

Расцвели ромашки в октябре,
Видно перепутав осень с летом,
Скромным, незатейливым букетом
В белых шляпках встали на заре.

А с деревьев жёлтая листва
Осыпает хрупкие ромашки,
И дрожат от холода бедняжки,
Солнышком согретые едва.

Я коснусь их бережно рукой:
«Милые, спасибо вам за это,
Что отважно жертвуя собой,
В октябре мне подарили лето!»

В БЕРЁЗОВОЙ РОЩЕ

В осенней берёзовой роще
Светло и отрадно глазам,
А сердцу – просторней и проще,
А на душу – сладкий бальзам.

Томлюсь, но ответа не знаю:
Что манит в берёзовый рай?
Быть может, печаль забываю,
Быть может, мне грезится май.

Средь зарослей ландышей белых,
Средь белых полос бересты,

Средь трелей залиvisto-смелых
В любви признавался мне ты.

И пела душа, вторя птицам,
А в сердце – восторг до краёв!
Казалось, всю жизнь будет литься
Берёзовым соком любовь.

...В осенней берёзовой роще
Опала на землю листва,
И сердцу теперь уже проще
Забытые слышать слова.

СВАДЕБНЫЙ ВАЛЬС

Кружилась пара на паркете –
Невеста в белом и жених.
И в этот миг никто на свете
Счастливей не был их двоих!

Глаза сияли пылкой страстью!
Цвели улыбки на устах!
Я так завидовала счастью,
Что поселилось в их мечтах:

Уютный домик, тихий вечер.
Вино и фрукты на столе.
Самозабвенно плачут свечи
И прячут слёзы в серебре.

Рука в руке, бокал к бокалу,
И слышен мелодичный звон.
– Люблю тебя, – она шептала.
– Люблю тебя, – ей вторил он.

Всё промелькнуло в этом танце:
И страсть, и нежность, и мечты.
Навек сольются в фотоглянце
Улыбки, поцелуй, цветы.

Окончен бал. Но этот вечер
Вернётся к милым вновь и вновь.

Закружит вальс, заплачут свечи...
От счастья, что жива любовь!

* * *

Вспоминаем о Боге
Лишь когда тяжело,
Когда смерть на пороге,
Когда горе пришло.

Вспоминаем и молим:
«Помоги! Не оставь!
Укрепи своей волей
И на ноги поставь!»

Бог нас любит, и бремя
Снять поможет всегда,
И тяжёлое время
Утечёт, как вода.

Мы забудем тревоги,
Станем в радости жить.
Только как бы нам Бога
Научиться любить?

ТАМАРА КИРИЛЛИНА

г. Тольятти

Родилась 1 июня 1946 года в г. Медногорске Оренбургской обл. в семье фронтовика. В Тольятти – с 1950 года. Окончила Орский педагогический институт, работала библиотекарем, воспитателем детского сада. Автор двух книг стихов: «Обессилит когда-нибудь злость» (2007), «С небес и опять в небеса» (2012). Публиковалась в журналах «Русское эхо», «Город», альманахе «Стрежень», «Антологии тольяттинской поэзии», коллективных сборниках «Поэты в Ставрополе на Волге» и «Писатели и Ставрополь на Волге» (2019, 2021, составитель обоих сборников Семён Краснов), в книге «Музы Автограда» (2022, под общ. ред. А.М.Зеленцова) и др. изданиях. Член тольяттинского городского отделения Самарской областной писательской организации Союза писателей России.

ТИХИЙ СТАВРОПОЛЬ МОЙ

Православные корни –
Тихий Ставрополь мой.
Перезвон колокольный
Возвращает домой.

Детство всё ещё помнит
Бесконечный простор:
И цветущую Пойму,
И цепочку озёр.

Васильки и ромашки,
Подмаренника мёд –
Солнце в жёлтой рубашке
Над рекою встаёт.

Выплывают картины
Стёртой лодочкой лет:
Палисад, георгины –
Соловиный рассвет.

И молитва под вечер,
И бревенчатый дом,

Где аукалась вечность
С пароходным гудком...

ВОЛЖАНКА

Разбегусь с высокой горки,
В глубину реки нырну,
Если выросла на Волге,
На воде не утону.

Доплыву я до серёдки,
А потом решу, как быть:
Нет спасателей на лодке,
Можно Волгу переплыть.

И шутить мне так не страшно,
Пусть душа в груди замрёт!..
Кто мне с берега помашет?
Кто вернуться позовёт?

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ШИРЯЕВЦА

Дожди над крышей моросили,
Но песням не было конца.
Встречали праздник – «День России»,
На сцене сельского крыльца...

...Согрелись мы ухой горячей,
Нельзя на Волге без ухи!..
И местный житель тихо начал
Читать Ширяевца стихи...

Зовёт гостей гудок парома,
Я не забуду этот день,
Тепло бревенчатого дома,
Крыльцо и белую сирень.

Ещё стоит изба простая,
И воскресает снова Русь,
Когда Ширяево читает
Стихи поэта наизусть.

ИМЯ

В.С.

Рождественский сказочный иней,
Автограф на белом снегу –
Мужское красивое имя
Я долго забыть не смогу.

Быть может, ушёл со святыми,
Его мне уже не найти!
Осталось одно только имя
И тайная нежность в груди.

Остались невнятные грёзы,
Январских свиданий штрихи...
Не зря обжигали морозы,
Просились на волю стихи.

Библиотеке «Фолиант»

Выпал снег – и нет невзгод!
Всё теперь в порядке,
Потому что – Новый год,
Потому что – Святки.

И причудливый январь
Лепит зимний домик, –
До утра горит фонарь,
Где ночует гномик.

А сугробы высоки,
Выше только горка,
Мчатся с горки чудаки,
Млея от восторга.

В Рождество запретов нет,
Хоть и нет гарантов!..
Но горит в окошках свет
Сказкой Фолианта.

МОГУ ЛИ?

С кем радостью мне поделиться?
Стоит, красотой горда,
Прекрасная роза-царица!
Страдания нет и следа.
Вчера опустила головку,
Завяла совсем без воды...
Трезвонить об этом неловко,
Во время всеобщей беды,
Людей пустяком беспокоить,
Твердить восхищенья слова:
Смотрите-ка, чудо какое,
Прекрасная роза – жива.
Её я спасала любовью,
Не мёртвой – живою водой.
Могу ли гордиться собою?
Могу ли сразиться с бедой?
Вселенские высушить слёзы,
Неужто не хватит мне сил?
Весь Мир я спасала как розу,
А розу спасала, как Мир.

* * *

Ослепительно солнце сияло,
но весна была только в пути.
И тогда я уже потеряла
то, что с Вами сумела найти.
С Вами солнце горело до ночи,
грели вербу весенние сны.
И раскрылись наивные почки,
виноватые без вины.
Был январь на себя непохожий.
Пел мне песни тогда соловей!
Но недолго. Вы только прохожий
в перепутанной жизни моей.
Всё смешалось! И, правда и, грёзы.
Я задерживать Вас не могу...
Ветки вербы и ветки мимозы
Утопают сегодня в снегу.

Анатолий КУЛИКОВ

г. Тольятти

Родился в Заполярье 25 октября 1954 года. Закончил Самарский госуниверситет. Историк, социолог. Редактор радио и ряда городских газет. Выпустил два сборника прозы «Живём», «Ещё живём» и книгу стихов «Я успеваю жить». Кандидат в члены Союза писателей России.

* * *

Обожжётся небо о закат
И заплачет звёздными слезами,
Проведёт дорогу между нами
Лепестками яблоневый сад.

Буду петь я песни про любовь,
Ты, внимая мне, согласишься в вечность.
Будешь так божественно-беспечно
Отдаваться чародейству слов.

Покачнётся месяц в небесах,
Разрезая жизнь на половинки.
Только две небесные слезинки
Заискрятся у тебя в глазах.

ЖИЗНЬ СО ВКУСОМ

К чему нам пустые наветы –
Мы вкусно и сытно живём.
Печенье, жвачку, конфеты
Со вкусами фруктов жуём.

Со вкусами мяса сосиски
Себе на обед подаём,
Спиртное со вкусами виски
Мы гордо по праздникам пьём.

Смакуем пустышку, как дети,
И верим в придуманный миф.
Со вкусом бекона в пакете
Картошка и презерватив.

Со вкусами денег зарплату
Несём мы с работы домой,
Со вкусом культуры за плату
Концертный мы слушаем вой.

Со вкусами знаний из школы
Бежит по дворам ребятня,
Со вкусом закона не скоро
Вершит правосудие судья.

О вкусах не спорят в бессилии,
И спорить я здесь не берусь,
Но только лишь слёзы в России
Имеют естественный вкус.

* * *

Как скоротечна жизнь! В мерцающей тиши
Прийти, понять, постичь, не расплескать случайно.
Гармонию миров в гармонию души
Тихонько перелить... и раствориться в тайне.

Как скоротечна жизнь! Ведь тяга к красоте
Ещё не в тягость мне, ещё не рвётся нить.
Среди мельканья дней, летящих в суете,
Я успеваю жить, я успеваю жить...

Татьяна ЛАВРИНОВА

г. Тольятти

Родилась 28 января 1972 года на острове Сахалин. Окончила три курса Хабаровского института культуры по специальности библиотекарь-библиограф универсальных библиотек, а затем, приехав в 1994 году в Тольятти, продолжила образование, получив диплом Тольяттинского государственного университета. Работает в детской библиотеке. Автор сборника «Стихов живые амулеты». Печаталась в альманахе «Стрежень», журнале «Слово» (Южно-Сахалинск). Дипломант городского конкурса «Поэзия Тольятти» (2022), финалист Всероссийского поэтического конкурса «Библиотечная муза» (Тольятти, 2022).

* * *

Исписанный листок,
Окружье лампы,
И кот, зевающий у ног,
Всё моет лапы...
Прохладный зев небес,
Звёзд вереница,
Со мною на земле и без –
Всё повторится...

КОНЕЦ ЛЕТА

Было лето? Было или нет?
Пролетело, отзвенев заманчиво,
В золотящейся листве сокрыт ответ,
Для которой лето много значило.

Не сезон – большая жизнь
Сочных трав, налитой силой зелени,
А теперь доверчиво дрожит
Пламенный листок в угоду времени...

Охрой кроны расцветит и заревом,
Летняя агония легка,
Жизнь идёт. И повторится заново
Песней молодого ветерка...

* * *

Причитанье старой вьюги
За синеющим окном,
В зимнем круге, давнем круге,
Сгинул мир, и сад, и дом...

Переклички злого ветра
С ночью, сонною луной...
Ничего на целом свете –
Только морок ледяной...

* * *

Майский день – ароматная мята,
Блики света на свежей листве,
В прошлом пусть всё невнятно, измято,
Ветер мая – царём в голове...

Безусловная ласковость солнца,
Неизменный весенний астрал,
Выпить жизнь до сладчайшего донца,
С одобрения светлого Ра...

* * *

Раскину сети, вроде рыбака,
Чуть взбаламутив Муз, приму улов, –
Моя добыча и весома и легка:
Десятка два пульсирующих слов...

МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

Новое поколение, молодое, горячее,
Страстное, чуткое, голосистое, зрячее,
Новый виток поэзии, новые смыслы, гении,
Всех Муз вам на плечо и верного вдохновения!

Дерзкие, богом в макушку целованные поэты,
Вам – оставлять грядущему оды, песни, сонеты,
Вам – переиначивать, строить, не разрушая,
Чтобы в привычных словах звучала душа большая.

* * *

Я – в круге, навсегда очерченном,
Как тесен круг...
И утром в нём, и днём, и вечером,
А ночью, вдруг

Кольца пределы размыкаются,
Полёт – стремглав;
Душа парит, в плену не мается,
Свой круг поправ...

Сергей ПИДЕНКО

г. Тольятти

Пиденко Сергей Викторович родился 23 октября 1960 года на Дальнем Востоке (в городе Лесозаводск Приморского края). Прозаик, поэт, бард, переводчик. Учась, служа в армии и работая, проехал всю страну с востока на запад и с юга на Крайний Север. Работал строителем, компьютерщиком, ландшафтным мастером, охранником, дворником и синоптиком. Автор книг «Сотворение Бога» (2000), «Прогулки по крепостной стене» (2014), «В ожидании зимы» (2018) и альбома песен «Зимний сад». Печатался в литературных изданиях «Alter Ego» (Белоруссия), «Южное сияние» (Одесса, Украина), «Город», «Графит», «Литературный проспект», «Вольный город», «Антология независимой литературы» (все – Тольятти), «Литсреда» (Самара), «Новая реальность», «Идель» (Казань). Долгое время руководил клубом «Бардовская среда» (Тольятти), лауреат и дипломант нескольких фестивалей авторской песни. Приложил руку к изданию альманаха «Графит» и проведению Фестиваля поэзии Поволжья. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2021). Лауреат городского конкурса «Поэзия Тольятти» (2022).

* * *

Кусок луны в надколотом стакане,
размокший сахар, чёрствый бутерброд.
Старик, ничком лежащий на диване.
Секундной стрелки сонный оборот.
Вода из крана, таракан из шкафа,
слова из прошлых лет, где смерти нет.
И медленный, как воздух в батискафе,
стреножен проводами ЛЭП рассвет.
На окнах иней. На карнизе наледь.
Сквозняк из щели. за дверями тишь.
Пустая улица. пусты дворы и дали.
Пуста планета в серой дымке. лишь
когда-то не отосланные письма
золой полуистлевшей у стены.
Остывший чай. кусок лимона кислый.
в прозрачном небе бледный серп луны.

* * *

Холодно. сыплется снег.
Треплют рябину синицы.
Чёрный потрёпанный кот
хмуро за ними следит.
Успокоения нет.

С шорохом рвутся страницы.
Вмёрзший в январь поворот
пробкой машинной дымит.
Рыхлый помечен сугроб
рыжею псиной лохматой.
За домофоном подъезд
думает скрыться от бед.
В дружеской стычке огрѐб
бомж по заливку лопатой.
Над теплотрассой навес.
Наспех сколоченный крест.
Время угрюмо молчит.
От горизонта до края
скучен пейзаж и колюч.
Из неизбежных прорех
падают тихо ключи.
Мальчик глядит не мигая,
как из растрѐпанных туч
медленно сыплется снег.

* * *

Принимая судьбу – не снимешь с себя вины.
Хочешь выиграть сражение – добьёшься большой войны.
Цепким взглядом вахтѐра вслед тебе смотрит чѣрный кот.
Почему ты решил, что с тобой-то – не произойдѣт?
Что тебя не настигнут, не скрутят, не сыщут впредь.
Что тебя не заставят в дыму и чаду гореть.
Что на ноль умножая *таких* – не чета тебе! –
снизойдут к без пяти минут существу во гробе.
Ты наличность считаешь, похмельной надеждой тщась.
Лоб отѣрши от грязи, уже полагаешь – князь!
Прочитав алфавит, твѣрдо знаешь, что ты готов
миру Слово сказать, что превыше любых трудов.
Но за Слово такое, уж если и впрямь найдѣшь,
сможешь сыну сказать, для чего приготовил нож?
Или в воды Красного моря первым шагнуть
и идти, погружаясь по бѣдра, по пояс, по грудь...
Ожидая воскреснуть, уже восходить на крест
и – увидеть с Голгофы пивной фестиваль окрест.
И за миг до забвенья – от боли ослеп, оглох –
осознать, что Слово твоѣ означает – «плох».

Или «пыль» означает или, к примеру, «слазь!»...
Хватит духу признаться, что шутка-то удалась?
Что господь не Тимошка, и как ты себя ни взвесь,
он не выдаст тебя, понимая, зачем ты здесь.
И ты гасишь свет, запираешь дверь, выходишь во двор,
мимо мусорных баков уходишь за поворот.
И ленивым взглядом кота тебя провожает вахтёр,
служащий фирмы охранной «Павел и Пётр».

МАЛЕНЬКИЙ ПЕТЕРБУРГ ШЛЮЗОВОГО

... И неспешный проход вдоль канала,
Верфи лязг и молчанье шлюзów,
И фрагмент петербургской симфонии
В колоннаде и арках домов.

И облупленных стен партитура,
такты солнцем согретых окон,
и диезы фасонных балконов,
и бемоли пузатых колонн.

Классицизма остриженный профиль,
К «полубоксу» сведённый парик...
В старых улочках Шлюзового
Век мелькнул, замер миг.

* * *

Что поделать – в жизни случается иногда
то, после чего ты не можешь остаться прежним:
первый снег, последняя любовь, талая вода...
и ты идёшь – к Богу, на Аркольский мост,
или просто вены режешь.
Может, ты при этом что-нибудь говоришь
или пишешь плохие стихи –
ну, пусть неплохие даже –
это как раз не важно,
важней, как ты дышишь и что творишь
(читай, вытворяешь),
как говорят сейчас – что выставляешь к продаже.
Время такое – торгующих даже в храме не счесть,
но через прилавки скакать к алтарю...

мы ж не на стадионе.
Ты носишь Бога в себе, ну, такого как есть.
А кого-то Бог сам несёт,
в крайнем случае – гонит.
Ну, надо ж, какое открытие – жизнь тяжела!
Вспомни-ка про «свою ношу»...
...Хотел красиво уйти – не получилось, бывает.
Вот не дай Бог зимой рыть могилу,
летом – намного проще...
А водку пьют на поминках, будто это вода живая.

* * *

Всю ночь стучал в оконное стекло
старый тополь.
Сколько помню – никогда не доставали окна
его ветви.
Подумалось, сильный ветер, но глянул –
вполне обычный.
Утром приехала бригада – свалила тополь,
порезала на куски, увезла.
Голое пространство у дома.
Голо в душе.
Чуя беду, тополь стучался
ко мне.
Я – не открыл...

... Господи! Откроешь ли мне,
когда постучу?
Всю жизнь я не мог до тебя
дотянуться.
Но близок и мой рассвет.

* * *

Хотел сыграть на прощанье
самое любимое.
Но клавиша западала.
Пришлось играть в непривычной тональности.
Так и осталось:
главное,
сыгранное не так, как хотел.

На берегу пересыхающего озера
перебираю камни,
пересыпаю песок,
шевелю траву.
Забираюсь в камыши,
поднимаю ракушки,
разглядываю их,
как другие любят
драгоценностями.
Занимаюсь мелочами,
без которых мне не интересно жить.

Я не слежу за временем –
слежу за рябью на воде,
разглядывая полузатопленную корягу
так, будто в этом
секрет моей жизни.
Я поднимаю голову
к сумеречному небу,
выискивая в нём запоздалых птиц,
перья которых иногда лежат
у меня под ногами.
Удивительная способность –
жить на земле,
умея парить в воздухе.
Ветер шевелит пух
растрёпанного камыша,
и я понимаю зыбкую скоротечность
своего бытия на этой земле,
зыбкую неуверенность
в старательно придуманном будущем.

Стылая вода
шелестит у берега.
Это гимн моей жизни,
где самое прочное –
горсть ракушек на тёплой ладони
моей смешливой спутницы,
необычно тихой
на берегу пересыхающего озера.

* * *

Читать стихи –
делать работу ветра
в сухих камышах.

* * *

Возле церкви
лесом сосновым пройду.
Хвои запах, осеннее солнце, ветер.
Листья жёлтые неподвижны в тёмном пруду,
и бессильно хмель повесил жухлые плети.

Здесь цикады пели
летней погожей порой,
птицам, ежам и людям хватало пищи,
но сейчас тропинка к крыльцу зарастает травой,
и забито мокрой золою кострище.

Я живу на склоне
берега, города, лет...
Но, если взгляд поменять, склон станет долгим подъёмом.
И, возможно, там хорошо, где совсем меня нет,
Но дом, где я есть, будет не худшим домом.

Мчится в пропасть век,
надежды мои круша,
только грех мне жаловаться, ей-богу:
пряди русые разметав, спит моя душа,
и дыханье её согревает меня понемногу.

Я у собственной жизни
время бездарно краду,
и мой дух здоровый дышит порой на ладан,
и, конечно, сердце моё с умом не в ладу...
Ну, а многие могут похвастаться этим ладом?

Если о чём и жалею,
в том никого не виню –
Зря мне, что ли, даны душа, голова и руки?!

И если – что врать-то? – я умру не в бою,
то уж могу поклясться – не от зелёной скуки.

Делаю дело, не ожидая наград,
в небо смотрю, за журавлями следуя...

Гнётся ось вселенной,
а я посажу виноград
и от этой лозы молодого вина отведаю.

Вячеслав КИЛЕСА

Республика Крым, г. Симферополь

Председатель РОО «Союз писателей Крыма», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки. Главный редактор газеты «Литературный Крым», зам. редактора литературно-художественного журнала «Белая скала». Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Детективное агентство «Аргус» и др.

Лауреат литературной премии НСПУ им. В. Короленко (2005), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009).

* * *

Как мало для счастья надо:
Только звонок телефонный,
Только твой голос нежный,
Только слова привета.
Пусть студит сентябрь дождями
Чёрную эту землю, –
Мне сейчас всё беспечно.
Грусть моя тает, тает,
Словно снега весною.

* * *

Тебе останутся стихи
Рубцами прошлого недуга,
А я опять пойду по кругу
Надежд и чьей-то доброты.
И, может быть, в далёких летах
Ты вспомнишь, памятью скорбя.
Что это я любил тебя
Душой ленивца и поэта.

Ирина НИКИТИНА

г. Севастополь

Никитина Ирина Витальевна родилась в Севастополе. В 2000 г. окончила Таврический Национальный университет им. В.И. Вернадского (ныне Таврическая Академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского). По специальности историк, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУК «Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя». Член РОО «Союз писателей Крыма».

* * *

Как много часто в нас не наших я,
Которые слегка потусторонни.
На нас глядит какой-то посторонний
Из зеркала слепого бытия.

Мы в памяти своей и не своей
Листаем пожелтевшие страницы.
Там горны, барабаны и зарницы,
И красный стяг, и стаи журавлей

Из душ ушедших, их мирских свершений.
В сражение поразившие чуму,
Известно только богу одному,
Что пережило это поколение.

Известно только небу одному
От скольких бед уберегли они нас.
Да, наш народ тогда немало вынес,
Но победил в ужасную войну.

Как много в нас не наших чьих-то я.
Они приходят с ветхих фотографий,
Из строчек полустёртых эпитафий –
Как вечный тайный смысл бытия.

Елена ДАНИЛОВА

Республика Крым, г. Саки

Данилова Елена Петровна родилась в 1968 г. в г. Коммунарске Луганской области. Окончила Макеевское педучилище, позже Крымский государственный университет им. Вернадского. В настоящее время живёт в городе Саки, работает учителем начальных классов в МБОУ «Школа-лицей им. Героя Советского Союза Ф.Ф. Степанова». Руководит Арт-клубом «Февраль». Заместитель председателя правления РОО «Союз писателей Крыма».

* * *

Мы живём от детства в двух шагах
Или в трёх шагах от одиночества.
Господи, прошу, замедли шаг,
Очень жизни бег увидеть хочется.

И пока на свете я живу,
Дай возможности творить благое дело,
Чтобы перед всеми на миру
Я любовь твою раскрыть сумела.

Видеть звёзды, слышать смех детей
И иметь возможность удивляться.
Помоги, пока служу тебе,
И прошу: «Не дай с тобой расстаться!»

Светлана КАПЛИНА

Республика Крым, г. Ялта, пгт Кореиз

Родилась 23 февраля 1956 г. в курортном посёлке Симеиз, который входит в состав Большой Ялты. Окончила Симферопольский техникум общественного питания, в течение 25 лет работала шеф-поваром на Государственных дачах. Писала сценарии и проводила концерты для сотрудников. Активно занималась лёгкой атлетикой, входила в сборную команду Крыма и неоднократно награждалась медалями на чемпионатах. Автор сборника стихов и песен «Душа душе» (2016) и двух песенных альбомов. Член РОО «Союз писателей Крыма».

* * *

Пробились лучики над морем,
Его невольно разбудив.
Погладит солнышко ладонью,
Теплом и ласкою покрыв.

Страхнув прохладный сумрак ночи,
Прольётся нежная лазурь.
Проснулась, спать совсем не хочет,
Разбудит, берега лизнув.

О, если б так меня будили,
Любовь дарили иногда.
Проснувшись, чувства б закипали,
Как в бурю пенится вода.

Обнимет нежно берег пена,
Прекрасен моря поцелуй.
Нырну в него, ведь я – сирена,
Умчусь с волной за дальний буй.

В безбрежном утону просторе,
Отдавшись ласковым волнам.
Нет ничего прекрасней моря
И притяженья к берегам.

Наталья СИДОРОВА

Московская обл., г. Подольск

Сидорова Наталья Витальевна родилась в 1977 году в г. Лиепая, Латвия. Член РОО «Союз писателей Крыма». Публикации: сборник стихов «Восхождение-3», альманахи «Параллели» и «Московские окна», литературно-художественный альманах «Крылья». Дипломант международных литературных конкурсов «Земля – наш корабль» и «Большой финал» (2016-2017).

* * *

Там, где горы пасут облака,
там, где родина рек и дождей,
я б хотела на тех берегах
ощутить, что для жизни нужней.

И поэтому, вскинув рюкзак
на плечо, я возьму высоту
той горы, что послала мне знак,
подарив на рассвете мечту.

Может быть, этот зов – лишь обман,
только всё же поверю ему;
окунусь в самый мутный туман
и скалистый утёс обниму.

Зацелую в ладонях ручей.
Пусть пьянит можжевельный дух!
Не найти подходящих речей,
упоение выразить вслух!

А когда, будто ласковый кот,
в мягких лапах играя звездой,
час вечерний тихонько придёт
и окутает всё темнотой,

я узнаю, где сказка живёт:
в тёплом ветре и треске костра.
Где ещё светлячков хоровод
кружит танцы свои до утра!

Там, где горы пасут облака...

Марина ТРУСЕВИЧ

Республика Крым, г. Саки

Трусевич Марина Владимировна родилась в г. Новосибирске 21 ноября 1960 г. Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт. Жила и работала в г. Прокопьевске Кемеровской области. В 2005 году по семейным обстоятельствам переехала в Крым. Главный редактор журнала «Белая скала». Член РОО «Союз писателей Крыма».

* * *

Мне бы только раз тебе присниться
В лёгком платье голубого ситца,
В туфельках на тонком каблучке
И во сне понравиться тебе.

Ты посмотришь, как одна гуляю,
Как в саду ромашки поливаю,
Дочкины косички заплетаю,
У окна открытого скучаю.

Как под вечер стол я накрываю,
Чашки полукругом расставляю,
Чай зелёный в чашках остывает.
Жду. Чего? Я и сама не знаю.

Мне бы только раз тебе присниться,
Белой птицей в изголовье опуститься,
Сон навеять о своей судьбе
И опять понравиться тебе.

Людмила КУЛИК-КУРАКОВА

Республика Крым, г. Ялта

Родилась 18 июня 1959 года в Оршанском районе, Республика Беларусь. В настоящее время живёт в городе Ялта, Республика Крым. Окончила Симферопольское медицинское училище им. Д.И. Ульянова по специальности «медицинская сестра». С уходом на пенсию стала писать стихи, рассказы, очерки, статьи. Автор пяти книг: «Я буду рисовать стихами», «Крещение любовью», «Предрассветная тишь Демерджи», «Ожидание не одной ночи», «Рассказы на русском и персидском языках». Публикации: в газетах «Литературный Крым», «Соотечественник» – Болгария, «Новый меридиан» – США, в журналах : «Метаморфозы» – Беларусь, «Вдохновение» – Болгария, «Белая скала» – Крым, «Сура» – Пенза, в альманахе «Новый Енисейский литератор», «Московский Парнас», «Огни Беломорья и Крыма», сборник поэзии «Навстречу крымским просторам (г. Архангельск) и др. Член правления Союза писателей Крыма, руководитель ялтинского отделения СПК, член Российского союза профессиональных литераторов, член Крымского Союза журналистов этнических СМИ, член национально-культурной автономии «Белорусы Крыма». Представитель альманаха «Новый Енисейский литератор» в республике Крым. Лауреат IV Международного музыкально-поэтического фестиваля «ЯЛОС 2015» в номинации «Тайный гость» – проза. Лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Казантип поэтический» (Щёлкино), в номинации «Стихотворения, посвящённые Крыму» (2015г. 2016г.). Лауреат II Международного конкурса – фестиваля художников, писателей и журналистов «Образ Крыма» 1 – 9 мая 2018г, (III-2019г.), Москва – Республика Крым. Лауреат III Международного фестиваля искусств «Степная лира» (Краснодарский край). Лауреат II степени в номинации «Поэзия» XIV Творческого фестиваля «Гринландия».

МЕДИЦИНСКИЕ МАСКИ – «КОРОНОВАННЫЕ» МАСКИ

В комнату забежала младшая дочь Алёна и утвердительно сообщила:

– Мама, нужно купить две тысячи медицинских масок и выслать в Китай. Юлия попросила. У них осталось всего несколько штук для себя и детей. Город Нинбо с февраля на карантине, выходить можно только в магазин и аптеку, и то по справке, с указанием времени, куда идёшь и зачем.

– Сколько? Две тысячи? – количество меня шокировало. – А где же мы купим столько масок? Хорошо, я собираюсь идти в поликлинику и узнаю в аптеках, сколько стоит одна маска и есть ли они в продаже.

В поликлинике мне делали массаж и физиотерапевтические процедуры. У меня остеохондроз, и, хотя бы раз в год нужно лечиться, а я лечу заболевание один раз в пять лет. Надеюсь, у нас этот проклятый коронавирус не появится, и я успешно пролечу остеохондроз. В ближайшей аптеке мне продали всего десять масок по семь рублей. Я зашла в следующую аптеку и услышала, что продавец ответил бабушке:

– Пять штук масок стоит восемьдесят рублей.

«Нет, это дорого, – возмутилась я мысленно. – Пойду в аптеку, отдалённую от поликлиники».

Там мне ответили строго:

– Только десять штук на руки, по шесть рублей маска.

– Хорошо. Давайте.

С миру по нитке – голому рубашка. Радуюсь покупке, я ступила на тротуар и направилась в частную аптеку.

– У вас есть маски? И какая цена?

– Да, есть. По пять рублей, – ответила девушка-фармацевт, заглядывая в компьютер.

– А сколько вы можете продать?

– Сейчас посмотрю остаток и принесу, – и девушка прошла через помещение.

В соседнем окне аптеки пожилая женщина покупала лекарства. В медицинских масках люди пока не нуждались. Обстановка в городе спокойная, и никто не принимал всерьёз надобность медицинских масок, люди не хотели верить, что и у нас этот вирус появится.

– Вот есть сто пятьдесят штук, – держа в руках коробку, сказала девушка-фармацевт.

– Банковской картой можно оплатить?

– Да, конечно.

Я расплатилась за товар, взяла маски и сразу позвонила дочери.

– Алёна, я купила сто семьдесят штук масок. Нужно будет идти в аптеки тебе и твоей подружке. Иначе как мы соберём такое количество? Но хочется помочь в этой ситуации. Хотя бы просьбу выполнить. Им сейчас трудно. Сидят дома. Мы за них переживаем.

– Я позвоню знакомым и узнаю, кто может пойти купить маски, – ответила Алёна.

Её подружка Улькера, девушка высокого роста, темноволосая и доброжелательная, купила двести штук масок. Она объяснила, что в аптеках этот товар отсутствует, и когда привезут – неизвестно. До этого дня покупать медицинские маски людям не было необходимости, и аптеки заказывали поставщикам небольшое количество.

Мы расстроились. Что делать? Где взять маски? На следующий день Алёна созвонилась с другой подружкой, у её сестры есть косметический салон, и можно будет подойти спросить необходимое количество масок.

– Мама! Я купила полторы тысячи масок, плюс те, что купили вы и я в аптеках, как раз получается две тысячи и даже больше, – взволнованно, шагая по улице, сообщила мне Алёна по телефону.

– Нужно срочно высылать маски в Китай.

– Тебе адрес Юля написала?

– Да, адрес ещё вчера написала. Скоро приеду домой, и будем собирать посылку. А то на почте в субботу короткий рабочий день, а в воскресенье – выходной. Хочется сразу отправить.

– Какие красивые маски, разных цветов: розовые, белые, чёрные и даже с мишками, детские, – радостно произнесла я, выкладывая маски на широкую кровать.

– Выбросим коробки из-под масок. Сэкономим место. Плотно сложим их в целлофановые пакеты, – держа пакет и маски в руках, объяснила Алёна план действия.

Мы спешно укладывали и спрессовывали товар, насколько возможно, и в результате образовались четыре надутых прямоугольных пакета. Маски довольно лёгкие и маленькие, но две тысячи штук весят почти пять килограммов. Да и сумма вырастает, одна маска – пять, шесть, семь рублей, а общая сумма – двенадцать тысяч, плюс пересылка. Схватив подготовленные пакеты, Алёна помчалась по лестницам улицы на почту, которая находится внизу, а мы живём на горе. Можно сказать, две автобусные остановки. Идти по ступенькам лестниц минут семь-десять.

Вдруг через десять минут звонок в телефоне:

– Мама, я только стала заполнять квитанцию, позвонила Юля и сообщила, что муж передумал и отправлять маски не нужно. Что делать? Я стою с этими пакетами на остановке и злюсь на них.

– А куда их девать? Такое количество? Да и денег потрачено немало. Иди домой, будем думать, кому и куда их определить. Столько волнений и переживаний за два дня. А теперь не нужны. Ладно, зима не лето, переживём и это.

Через пять-десять минут заиграла быстрая музыка в телефоне. Я посмотрела – Алёна.

– Не успела я дойти домой, Юля и муж сообщили, что посылку всё-таки нужно выслать. Морочат голову. Что они, не могут определиться? А я прыгаю с большими пакетами по горам. Побегу на почту, а то скоро перерыв будет.

– Позвони, когда оформишь посылку, – выслушав о новом решении Юлии и зятя, ответила я.

Стрелки часов показывали час дня. На почте перерыв. Звонок:

– Слава Богу! Успела до обеда оформить. Посылка пойдёт почтой России. Сказали, что должна дойти из Крыма в Китай за две недели, – отрапортовала встревоженная Алёна.

– Вот и хорошо. Маски им очень нужны. Всей семьёй они ездят в супермаркеты раз в неделю. Небольшой запас у них есть, до получения посылки хватит масок.

Алёна отслеживала посылку по Интернету. Через две недели посылка дошла до границы с Китаем и осталась там, на неопределённое время.

Границу закрыли в связи с быстрым распространением коронавируса. За это время инфекция распространилась в странах Италии, США, Франции, Германии, Испании. Люди на планете Земля оказались на крючке у маленькой частицы, как в море рыба у рыбака. Количество заболевших выросло в сотни тысяч, умерших стало тысячи. Пандемия захватила острова в Атлантическом океане.

Я позвонила Маше, подруге, на остров Тенерифе:

– Маша, здравствуй! Рада тебя слышать. Давно мы не общались. (Мы познакомились в Китае.) Чем вы сейчас занимаетесь?

– Мы сидим на карантине, уже неделю жуём картошку с жареным луком, сажаем огород, а ещё купили кур. Ситуация пока не благоприятная в Испании. Ждём, когда закончатся все проблемы. Я продолжаю работать над своим проектом. Это на всю жизнь, я думаю. Сейчас вышлю фотографии моих работ.

– Восхищаюсь твоим творчеством. Мечтаю побывать на Тенерифе и увидеть ваш дом-легенду. Надеюсь, к осени всё наладится. Кто занят творчеством, тому карантин не страшен. Занятия творчеством отвлекают от плохих мыслей, и ты на время забываешь об этой «коронованной» микрочастице, которая сейчас властвует над людьми. Обидно, что человек так уязвим и беззащитен. Но мы преодолеем вирус, забыв о его существовании. Спасибо за видео. Если будет возможность, то пришли видео твоего дома и скульптур. А продукты у вас есть в магазинах? – поинтересовалась я.

– Продукты есть, – ответила Маша, – испанцы деньги экономят. Туристов нет! Откуда деньги появятся? Кто может – подрабатывает. Жизнь на острове продвигается за счёт туристов. Когда количество заболевших было небольшое, то испанцы подумали, что туристы не будут ехать, и пускали всех желающих. Но когда в гостинице заболело сразу пятьдесят человек, то забили карантинную тревогу.

– Я смотрю: на фото – ты в маске.

– Да. Маски есть. Патрик (муж) ходит иногда в магазин. А мы с сыном Фрэдом дома.

– А старшая дочь, Катя, где сейчас?

– Она в Китае, в том же городе, что и твоя дочь Юлия. В Нинбо. Учится в институте и работает.

– Я беседовала недавно с Юлией, – продолжила я разговор. – Сидят дома. Дети в школу не ходят. Учатся дистанционно. Отправили им две тысячи медицинских масок. Ждём. Когда они их получают? Неизвестно. Положение в мире тревожное. Я спрашивала у Юлии – из русских жителей города Нинбо никто не уехал на Родину, все остались. Хотя у них была возможность. Решили, что переезжать тоже небезопасно. Муж Юлии хотел с дочерью в марте лететь в Иран, но и там сейчас сложная ситуация.

Обнаружены заболевшие коронавирусом. Одна маска там стоит десять долларов. Муж Юли хотел помочь родственникам, ведь его семья состоит из десяти человек. Он их убеждал, чтобы покупали маски заранее, но они не послушали. Вот такая цена медицинской маски в Иране – десять долларов! Скоро приблизится к цене золота. Вот бы хоть часть масок передать родственникам. Но теперь и самолёты из Китая и России туда не летают.

– Патрик зовёт меня на ужин. Люда, приезжай в гости и привези свою книгу, — сказала Маша.

– Надеюсь, моя мечта осуществится. Летом должны все забыть об этой «коронованной особе в белковой оболочке». До встречи, Маша. Звони. Пиши.

Я попрощалась с Машей и поинтересовалась, обращаясь к Алёне:

– Посмотри, где находится посылка.

– В Интернете нет никаких сведений. Придётся идти на почту и писать заявление о розыске посылки. Если это поможет её продвижению. Уже месяц прошёл.

Алёна сходила на почту.

– Будем искать, – ответила женщина, работник почты и приняла заявление.

За это время волна невидимого «коронованного вируса» захлестнула ещё большее количество стран, а её брызги долетели и до нас. Все программы телевидения заменились обсуждениями: где, когда, почему и как распространяется инфекция. Народ вместе с Министерствами здравоохранения вникал в тонкости вирусологии.

А тем временем стремительно начавшееся распространение вируса в городе Ухане пошло на спад. Одни сведения успокаивали, а другие приводили людей в смятение. Потому что у нас в Крыму всё только начиналось. И по какому сценарию будет развиваться ход событий – большой вопрос? Но предположить можно, и власти приняли мгновенно все меры безопасности против распространения вируса. А рецепт излечения от этой болезни один во всём мире – сидеть дома на карантине. Закрывать границы сообщения с другими странами. Такого ещё не было, чтобы люди всего мира сидели дома. Работают только аптеки, магазины и органы власти. Существуют штрафы, если ты выходишь на улицу без маски или гуляешь с собакой более чем за сто метров от дома. Штрафы от одной тысячи рублей до пяти. Хотя они законно не обоснованы, но их уже выписывают. А если выяснится, что заразил других людей, то до пятидесяти тысяч, даже вплоть до лишения свободы.

В ход пошла арифметика и новый бизнес строят на масках и всём, что касается вируса. Шарлатаны и мошенники не спят. Предпринимателям грозят штрафы до миллиона рублей, если будут нарушать режим

карантина. В Индии вся страна ушла на карантин на двадцать один день. В России с 28 марта до 1 мая – карантин-самоизоляция. А дальше – по ситуации. Кстати, слово «карантин» испанское и в переводе означает – сорок. Карантин – это когда человек заразился от других больных и остаётся дома или в больнице изолированно от людей. А мы не являемся заболевшими, поэтому правильнее называть это – самоизоляцией. Но все говорят «карантин», наверное, потому что короче. Информация к нам поступает дозированная. Вакцину против вируса пока полностью не исследовали, но желающие сделать прививку уже нашлись. Сейчас мы знаем, что вирус находится в белковой оболочке и самостоятельно размножаться не может, а попадая в человеческий организм, жестоко пакостит. Против мелкого пакостника нужно большое количество средств защиты: маски, перчатки, одежда почти как у космонавтов; дезинфекция квартир, домов и даже улиц... Поливать дезинфицирующими средствами дороги? Такого ещё не было! Коронавирусный психоз, что ли?

«Нужно завтра позвонить брату», – подумала я. Мои мысли, очевидно, передались ему. И он позвонил первый:

– Люда, привет! Как у вас дела?

– Привет, Славик! Да всё хорошо. Мы с мамой сидим дома. Алёна ходит в магазин за продуктами один раз в три дня. Пенсию получили. Экономим. Мне есть чем заняться: пишу рассказы, стихи редактирую и готовлю еду. Работу всегда можно найти, если есть желание. У вас свой дом и двор просторный. Вы можете целый день на свежем воздухе находиться.

– Да. Этот так. Картошку посадили. Куры, утки во дворе гуляют. Оля цветы высаживает. Половину огорода заняла цветами. Много роз перед домом растёт, в июне должны зацвести. Сейчас Серёжа, младший сын, приехал в гости. Старший, Женя, с семьёй в Симферополе. У вас маски есть? У нас по триста рублей продают!

– Ужас! Что за цена?! Да, у нас есть маски. Мы себе оставили несколько штук, когда Юле в Китай отправляли. Ей две тысячи, а остатки нам. Но пока они не получили их, хотя через границу уже прошли.

– А что у них в Китае сейчас происходит?

– Сидят дома. Но Юля говорит, что с 22 апреля дети должны пойти в школу. Предприятия налаживают работу. Анастасия, внучка, сейчас в Москве. Она там работает с китайцами, в офисе находится два человека. Торговая фирма. Занимается переводом с китайского на русский и наоборот, и отправкой товара. Два часа добирается до работы на такси. Прислала фото – сидит в маске и перчатках.

– Понятно. Будем созваниваться. До свидания, – произнёс Славик.

– Можно созваниваться по вайберу, разговор бесплатный, – ответила я. – До свидания. Всего доброго.

Прошло ещё несколько дней.

Изумлённая Алёна резко открыла дверь комнаты и сообщила:

– Мама, посылка с масками уже в Нинбо. Но ты представляешь: муж Юли, Камал, не хочет их получать. Он отказался. В его репертуаре: сначала срочно нужно что-то, через две минуты не нужно, и наоборот. Он возмущался, что маски добирались до Китая слишком долго – пятьдесят шесть дней, и на данный момент не нужны.

– Тогда будем ждать их возвращения на родину. Сегодня по телевидению показывали, как китайцы отправляют полторы тонны масок в Россию. У них теперь производство масок идёт успешно. Недавно по телеканалу «Вести Крыма» сообщили, что маски шьют в Керчи. Одна штука будет стоить тридцать рублей. Придётся продавать. Нам не нужны две тысячи масок. Может, балкон отремонтируем на эти деньги. А то ветер в дыры свищет, да в дождь ведра с водой не успеваем носить. Что ни делается – всё к лучшему, – не отчаиваясь, произнесла я.

– Будем продавать, – подтвердила строгая Алёна, улыбаясь, и ушла в свою комнату.

Она почти всегда серьёзная и редко улыбается. Очень любит работать. Может находиться в магазине с утра и до ночи. Приобрела опыт по ювелирному делу и долгое время работала в магазине. Недавно поменяла место работы и теперь предлагает покупателям шубы. Товар эксклюзивный. А сейчас для неё тягостные испытания. Находясь дома, два раза в день выгуливает свою любимую собачку Нику, ходит в магазин и занимается уборкой квартиры. Как долго продлится самоизоляция, пока никто не знает. И выдадут ли ей заработную плату? Этот вопрос её беспокоил. Алёна позвонила хозяйке магазина (у которой их несколько, в том числе в Москве), и она сказала, что финансовое положение тяжёлое и деньги за вынужденный больничный домашний режим она им не выплатит. Я считаю – несправедливо.

– Мама! Камал уже передумал! – крикнула немного раздражённая Алёна, зайдя в мою комнату. – Он заберёт посылку. Мне Юля написала сообщение. Потом решат, что делать.

Что ж? Не судьба балкон отремонтировать за счёт масок. Пусть эти две тысячи «коронованных» масок защитят людей от невидимого вируса. А летом люди будут купаться в Чёрном море, и наслаждаться жизнью. Может, и мои внуки приедут.

Маски. Маски. Маски. Лежите, придавленные друг к другу. Куда проследуете дальше? А ведь кто-то вас ждёт, – подумала я, доставая «лечебную пиллюлю» от коронавируса – медицинскую маску.

07.04.2020г.

Надежда АКУШКО

Беларусь, г. Бобруйск

Председатель Бобруйского литературно-поэтического клуба «Солнечные нивы». Печаталась: в 2000 году в Московском журнале «Планета людей», в 2014 году – в альманахе Самарской региональной организации Российского союза профессиональных литераторов «Параллели», 2014-2022 г. в литературных альманахах фестиваля «Славянская лира», в газете «Бабруйскае жыццё» и «Трыбуна працы», в журнале «Метаморфозы». С 2015-го по 2018 год – в альманахах Киевского фестиваля «Интерреальность», в 2016 г. – в альманахе 8-го Международного конкурса-фестиваля «Под небом Рязанским», альманахах «Сызранская излучина» и «Новый российский писатель». Автор сборников стихов: - «Я расскажу вам про любовь», «Весь мир любя», «Полёт души» и сборника прозы «Анютино счастье». Переводы рассказов Российской писательницы Светланы Савицкой на белорускую мову.

ТАЙНА СТАРОЙ СОСНЫ

Я люблю приходить в это таинственное место, в гости к старой сосне, которой не менее трёх веков. Это я так насчитала после того, как прочла в интернете всё, что касается возраста сосен. Подолгу стою, глажу её шершавую кору, трогаю сердца, которые хорошо видны из-под коры. Мне кажется, она живёт так долго потому, что хранит в себе великую тайну любви, а доказательство тому – два сердца, прижатые друг к другу. Кладу руку на большое мужское сердце, оно с левой стороны, и стараюсь почувствовать то, что в нём скрыто. Потом перемещаю руку на правое сердце, меньшее, женское. Оно стучит реже, нежнее. Я ощущаю доверие, которое испытывает женское сердце по отношению к мужскому. Они так сильно прижаты друг к другу, что никакая сила за столько лет и веков не смогла их разъединить. Это небольшое сердце бьётся ровно, потому что находится под защитой сильного и надёжного мужского сердца.

Прижимаюсь щекой к коре сосны, тихо разговариваю с ней. Она знает меня и ждёт, я это ощущаю. Мы давно уже подружились. Я задаю ей вопросы – она долго молчит, думает, потом медленно рассказывает. Не голосом, а внутренним состоянием, которое слышу только я, потому что её рассказ адресован именно мне. Вот то, о чём поведала мне сосна:

Эта история произошла очень давно, несколько веков назад, когда моей сосны ещё не было на свете, при владении короля Сигизмунда 3-го. Недалеко от этого места был красивый замок, который принадлежал польской королеве Цецилии, младшей дочери Фердинанда 2-го, императора Священной Римской империи. Цецилия не была красавицей,

но отличалась ясным умом, большой музыкальностью и знанием многих иностранных языков. Она получила самое лучшее образование по тем временам. Замуж её выдали за польского короля Владислава 4-го, который был на много старше её. О любви там не было и речи – каждый вёл свой образ жизни. Королева увлекалась верховой ездой, имела огромную конюшню, где содержанию лошадей уделялось внимания больше, чем людям. От редких встреч с мужем она дважды беременела. Первый был мальчик, который прожил на свете семь лет и скончался от сложной, неизлечимой болезни. Вторая – девочка, которая прожила ещё меньше, всего несколько дней. Цецилия, будучи на девятом месяце беременности, скакала на своей любимой белой лошади. На повороте лошадь испугалась и сбросила наездницу. При падении королева сильно ударилась животом, и начались преждевременные роды. Ребёнок пострадал, и полученные травмы были несовместимы с жизнью.

Откуда взялась девочка Королина-Яня, никто не знал. Её увидели придворные, когда она была лет десяти. Худенькая, как тростинка, высокая, с голубыми глазами и белокурыми локонами. Она всегда сопровождала Цецилию: у неё была своя маленькая лошадка, на которой она скакала рядом с королевой. Было видно, что королева в ней души не чаяла. Яня отвечала ей такой же любовью и привязанностью. Девочка обладала большими способностями, была очень музыкальна, удивляла всех вокальными данными. Часто можно было видеть такую картину: утром Цецилия и Яня гуляли по саду, взявшись за руки, и пели на два голоса. Птицы замолкали, заслушавшись их пением. Нежное детское сопрано и грудное контральто королевы делали чудеса. Они исполняли арии из опер на французском языке, это звучало божественно. Иногда они пели на польском и итальянском, и это было не менее красиво.

Так шли год за годом. Яня подрастала, и всё больше расцветала. К королю Владиславу часто съезжались гости, устраивалась большая охота, после которой приглашённые всегда пировали несколько дней. На охоту приезжал племянник короля Эдвар. Однажды случилось так, что, услышав пение прелестной Яни, он вышел в сад и был поражён красотой девушки, и воспылал к ней страстью. Но рядом с красавицей всегда была королева, что мешало королевскому отпрыску ухаживать за Яней и привлекать её внимание.

За лошадью девушки смотрел молодой конюх, который отличался красотой лица и атлетической фигурой. Кроме того, он так душевно играл на жалейке, что лошади переставали жевать свою жвачку. И надо же было Яне услышать эти удивительные звуки, которые проникли глубоко в её музыкальную душу. А когда она увидела молодого человека, то её сердце затрепетало, как раненая птица. И парень не остался равнодушным к красоте девушки, они оба почувствовали, что тянутся друг к другу. Всё

чаще их взгляды встречались, и невольная радость озаряла лица. Ясь, так звали молодого конюха, прикладывал к губам жалейку, и она так пела, что все цветы поднимали головки и прислушивались к этим звукам. Яня же выходила на балкон и подпевала жалейке. Это была песня без слов, она сливалась с журчанием родника в саду, и весь мир тянулся навстречу этому удивительному пению. Эдвар, услышав пение, сразу догадался, о чём поёт жалейка и девушка. Это была переключка влюблённых сердец. Ревность обуяла его с такой силой, что он твёрдо решил уничтожить соперника. Подкараулив Яню, когда она направилась в конюшню, чтобы взять свою лошадь, пошёл следом с револьвером в кармане. Увидев, как конюх обнимает девушку, его кровь взыграла, он не мог этого стерпеть. Выждав момент, когда Яня села на лошадь, он в упор выстрелил в сердце юноши. Ясь замертво упал, и струйка горячей крови потекла из влюблённого сердца юноши на землю, окрашивая её в багровый цвет.

Яня не успела далеко ускакать. Увидев, что любимый упал, она развернула лошадь обратно, и, соскочив с неё, упала на грудь юноши с горьким плачем. Эдвар, в порыве сумасшедшей ревности, выстрелил в девушку, и её светлые одежды окрасились алой кровью, соединившись в земле с кровью возлюбленного, и всё глубже и глубже проникая в неё.

Королева Цецилия не смогла пережить смерть своей любимицы и вскоре слегла в тяжёлой лихорадке. Каких только докторов не привозили к ней, но никто не смог спасти королеву. В возрасте 37 лет она ушла в мир иной. Её любимой Яне не было и шестнадцати...

Через несколько лет, при подавлении восстания горожан, замок был превращён в руины, а те горожане были не кто иные, а бобруйчане. Эти давние события происходили в городе (тогда это было местечко) Бобруйске. А место, где был замок, заросло разными деревьями, и там, где переплелись две кровавые струйки влюблённых сердец, выросла сосна, на которой и поселились эти два сердца. Соседние деревья, увидев, что несёт в себе молоденькая сосна, рассказали ей о прекрасной любви Яни и Яся.

Вот такую таинственную историю я узнала от старой сосны, и с её согласия рассказала вам...

Екатерина СОБОЛЕВА

Беларусь, г. Бобруйск

Родилась в 1956 году в городе Полевском Свердловской области. Свою трудовую жизнь посвятила работе с дошкольниками. Пенсионер. Стихи пишет с детства и очень их любит. Автор четырёх сборников поэзии: «Бессрочный паспорт на любовь», «Кардиограмма любви», «Вверх по радуге», «Здравствуй, это я».

БУКВЫ НА БУМАГЕ

На бумаге рассыпала буквы –
Как слова повкуснее собрать?!
Но кислее лимона и клюквы
Получаются строки опять...

Может, сахара съесть и варенья,
Или солнце вкрутить в небосвод?
Чтобы слово в стихотворенье
Не кривило оскоминой рот.

Мысли лучшие взяв из архива,
Нарядив их в осенний наряд...
Напишу я на диво ретиво
О любви. Все о ней говорят.

Станет сладко в груди, а кому-то
Силы жизни прибавит в пути...
Подождите хотя бы минуту,
До любви помогу вам дойти.

В ней, среди зашифрованных знаков,
Вы прочтёте себя не спеша.
Из заброшенных ввысь зодиаков
Вдруг ответит родная душа?!

Я НЕ ПЛАЧУ

Я не плачу, высохли слёзы...
Осень, в тучах плывёт рассвет...
В желтых шарфиках вновь берёзы,
Куплен спешно в сентябрь билет.

Я запнулась, пути меняя
Об осколки прошедших дней...
Осень, ты мне сестра родная,
Силы жизни в бокал налей.

Выпью молча под ветра стоны,
Из рябины сплету браслет...
Этот мир мне не посторонний,
Очень больно, что дочки нет.

Эта боль не пройдёт с годами,
Только станут седей виски...
Мысли строятся городами,
Помещая меня в тиски.

Осень, осень, смотрю и верю
В то, что можешь ты сотворить!
Сквозь небесные льётся двери
Сила – помнить, прощать, любить.

ГУЛЯЛА НОЧЬ...

Гуляла ночь по звёздному пути,
Я вместе с ней гуляла до рассвета
И говорила: разукрась пути,
Но многоцветьем занималось лето.

А ночь косила звёзды в тишине,
И серп луны точила и молчала.
И осень вспоминала обо мне,
И желтизной дороги покрывала.

Случился свет, невидимый в ночи
Для темноты – убогой и спесивой...
Я к осени готовила ключи,
Чтобы открыть её и быть счастливой.

НЕ УСПЕВАЮ

Не успеваю: не хватает сил
Догнать тебя за пламенем светил,

За облаками, тучами, дождём,
Где ветреный фланирует паром.

Скучаю, дочка, и прошу, – приснись,
К плечу щекой, как прежде прикоснись.
Скажи мне: «Мама, я тебя люблю...»
И Бога я признать тебя молю.

За свет твоей души, за чистоту –
Несбывшуюся временем мечту,
За то, что жизнью для меня была,
За то, что мало по земле прошла.

Пишу стихи. Их для тебя пишу,
И о любви я рассказать спешу
О том, что времени совсем в обрез
И коротка дорога до небес.

И нужно доброту в сердцах нести,
Успеть сказать: люблю, за всё прости.
И слово, как святой воды глоток,
Дарить, как только выйдешь за порог.

РЯДОМ С АВГУСТОМ

Присела рядом с августом
На старенькой скамеечке.
Я по лучу рассветному души настрою тон.

Берёзы, что стоят рядком,
Бросают по копейке –
Листочки пожелтевшие в раскрытую ладонь.

И двадцать дней до осени,
И ливни зреют спелые,
И с неба многотомного готовятся слететь...

И облака, как простыни,
Спешат туда, умелые,
Где лето не кончается, поёт и будет петь.

Я с августом беседую,
Вопросами ответами
Беседа тихо катится у ветра на спине.

И я за ветром следую,
И радуюсь советами
О жизни, что ещё горит и празднует во мне.

УЖЕ НЕ ХОЖУ

Уже не хожу, как пава...
Давление жмёт под двести.
Как прежде – не ищет слава,
Как прежде не верю лести,

Не верю глазам колючим,
Гордыне, идущей рядом,
И фразам жестоко жгучим,
Бездарностям хит парада.

Уже не читаю Канта,
И классиков не читаю...
Как действуют депрессанты,
Я, к счастью, не понимаю.

Уже не хожу, как пава,
Но чувствую ускоренье...
Налево смотрю, направо
Иду я без сожаленья.

Любовь, как свеча, не тает,
Порой говорит открыто
И вместе со мной вздыхает,
Земного боясь лимита.

А Я О ВЕТРЕ...

А я о ветре снова напишу,
О том, как разговаривать умеет,
То нежностью незримою согреет,
И расшифрует всё, что не скажу.

Взлетающий над пыльной суетой,
Он нужен мне для очищенья мыслей —
Гранитом давят, тучами повисли
И управляют без конца душой.

Зову я ветер! Пусть порвёт листы,
Слова, в которых путаются в тине,
И, над рожденной ливнями трясине,
Возводит веры светлые мосты.

Он мне товарищ, гладит по плечу
И шепчет: «Всё изменится однажды,
Ты пей любовь, не замечая жажды...»
И я поверить вновь ему хочу.

ЭСКИМО НА ПАЛОЧКЕ

Было в светлой юности
Небо посветлей,
Но во власти мудрости
Помню я друзей.

Память вдруг непрошено
Ступит на порог...
Где и как исхожено —
Я забыть не смог.

Эскимо на палочке
И из бочки квас...
Где вы, Сашки, Галочки —
Где же носит вас?!

Разбрелись дорогами
Все мои друзья;
Стали недотрогами
В парке тополя.

Постарели лавочки,
И рябит кино.
Эскимо на палочке
Съедено давно.

Не вернуться, видимо,
В детство никогда!
Мыслю я обыденно,
Накопив года.

Но играют в салочки
Дети и сейчас...
Где вы, Сашки, Галочки –
Где же носит вас?!

ДРУГУ

Дай посмотрю, что у тебя внутри?!
Открой глаза, ты жмуришься от света...
Огонь судьбы в ладони ты бери –
Ожог пройдёт, как и проходит лето.

Скрываешься от бед внутри себя?!
Я всё о счастье и несчастье знаю -
Болит душа, за прошлое скорбя,
И катится по жизненному краю.

А облака скользят вокруг земли
И мысли белым цветом очищают.
Открыв глаза, с тобою мы смогли
Узнать, что за грехи они прощают.

И как не гнёт судьба, а ты держись...
И я держусь, под бурями мужая.
Вокруг кипит и побеждает жизнь!
Она, мой друг, короткая такая.

НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ...

На войне, как на войне...
Ветеранам часто снится
Небо в чёрной пелене
И друзей погибших лица.

Вот споткнулся и упал,
Пулей скошенный мальчишка...

Он другой судьбы не знал –
Вечности открыта книжка.

Это памяти струна –
Лето, утро, сорок первый.
Как в дома пришла война,
Стон болезненный и нервный.

Кровь и тени лагерей,
Лай овчарок до рассвета.
И звезда, что ты еврей,
И в подарок смерть за это.

Матери седая прядь
И кричащие руины.
И земли горевшей пядь,
Слёзы раненной осины.

Не забудет чёрный ад
Срок военного билета,
Выживший в огне солдат...
Сорок первый, утро, лето.

На войне, как на войне...
Нет ни берега, ни брода...
С памятью наедине
Мы шагаем год от года.

Лидия ШИШКО.

Республика Беларусь, г. Витебск

Автор книги стихов «Ветреная река», 2022 год. Дипломант и лауреат многих международных литературных конкурсов. Награждена почётным знаком Дружбы народов "БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ РОССИИ". Золотой лауреат Международного литературного конкурса "БОЛЬШОЙ ФИНАЛ"/2020-2021/, Победитель литературно-сценического конкурса «Поэт-Артист» IV- го литературного фестиваля "Центр Европы", г. Полоцк, лауреат международных литературных конкурсов: ПОКОЛЕНИЙ», г. Смоленск, "Интеллигентный сезон", г. Алушта, "О России с любовью", г. Прага, «Віленскі шлях-2021, г. Молодечно, дипломант I международного литературного конкурса "Литературная Азия", Казахстан, фестивалей "Поэт и война", г. Невель, "Славянская Ли́ра", г. Минск, «Витебский листопад», «1000 СТИХОВ О ВИТЕБСКЕ», Фэста уличного искусства «На семи ветрах», г. Витебск. Финалист международных литературных конкурсов: «Мгинские Мосты», "Литературные Старки", «ХИЖИЦЫ», памяти поэта Игоря Григорьева, памяти Блынского, спец. Диплом – памяти Виктора Цоя, «ЛитКузница» и других. Лауреат национальной литературной премии "Золотое перо Руси" (диплом Дмитрия Саблина). Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «От фонаря» (Тольятти, 2022). Номинирована на соискание общенациональной литературной премии «Неформат» за 2022 год. Лауреат VI –го международного фестиваля национальных культур Беларуси и России «Созвездие – 2023», г. Осиповичи, Беларусь (3-е место), лауреат фестиваля исторической поэзии «Словенское поле 2023», Изборск – Псков (2-ое место).

ПО ДОРОГЕ БЕССМЕРТНИКА

Запечалится небо – откроется
Полустанками ранних звёзд.
Я с тобой, деревенька, на Троицу
У шатра аистиных гнёзд.

Словно в детстве с бабулей Ариною...
Так спокойно. Куда спешить?
Из гнезда кто-то пёрышко выронил –
На любовь и дела! На жизнь!

Захрустит тишина за поленницей –
У забора соседей – дыра.
Ничего уже здесь не изменится:
Остаюсь погостить до утра.

Мило в лето проводит околицей
По тропинкам полесский Рог,
Та трава, что касаясь, не колется, –
Вдоль окрестных родных дорог.

Пахнет мёдом, бессмертником, временем,
Лаской той, что меня родила.
Ветер детство погладит за теменем.
И как будто со мной она шла...

ТРОПИНКА С ОСОВА НА РОГ

Ты помнишь Осово, сестра?
Как были мы юны, упрямы!
В беседах грелись вечера,
каким был тёплым голос мамы?
Ты помнишь, милая сестра,
в саду крошились звуки ночи,
слетались бабочки костра
на наши белые сорочки?
До петухов стелилась тьма.
Считали звёзды с сеновала.
Был жив Валерка, мама... Ма...
Судьба в нас молний не метала.
В мечтах летали выше птиц,
казалось поле безграничным,
Манил нас звон родных криниц,
маяк в тумане земляничном.

В багульных снах, в краю болот
Полесье наше и поныне.
Ракит и вереска оплот...
И васильки в полях – в святыне.
Хранят рябины дни дорог,
черника, клюква, цвет калины...

Тропинка с Осова на Рог,
где носят аисты былины.

Я помню, Нинка, синь и высь,
как не чурались откровений.
Ещё любить мы не клялись
до тесноты сердцебиений.

МЫ ВСЕ ПРИХОДИМ В МИР ДЛЯ ТЕПЛОТЫ

Мы все приходим в мир для теплоты
Гостями жизни: снов и пробуждений.
Тебя полжизни нет, но шлёт цветы
Былой любви верстальщик сновидений.

Курсивом испытаний на Земле
Останемся в столетьях на руинах.
А может, прорастём цветком в золе
И словом нерассказанным в былинах.

Затёкшие помарки как штрихи –
От осени пылающей ранимость.
Соизмеримость веры, где грехи...
И подлинность заката над рябиной.

Ещё собачий лай в конце села.
И тополиный пух с пыльцой в июле.
И ночь, что чувства наши не сожгла.
И петухи, что так и не уснули.

В последних трёх букетах февраля
На грани тишины, того, что чует...
Неописуем звук надрывной «ля»,
Как той, что без тебя меня врачует.

ОСТРОВ - ВОКЗАЛ

Проходи в мою осень печали,
подивись на рябиновый свет.
Криком чайка находит причалы,
сторожит можжевеловый цвет.

Днём туман превращается в сари
переспелых брусничных дорог.
Здесь, на острове Туркинсаари,
в жёлтый сон бы с тобой да в чертог.

Сто столетий трепещут осины,
прогибаясь в угоду ветрам.

Я сложила двух слов половины,
оглянулась, осталась... А там

дышат глыбы, что шёпотом станем
одичалых бузин, и в протест
улетели все горести камнем
в горний дух из заброшенных мест.

Подожду в этой осени с ветром
столько дней, сколько ты мне сказал,
и в безумии гордом, оседлом
буду думать, что остров – вокзал.

ПРОВОДА

Солнце греется в крыльях птиц, прилетевших в город,
гладит чёрно-белые фраки поющих вёснам пеан.

Ты с годами стал мне безраздельно больше дорог.
Где-то там вздыхают вены рек, бегущие в океан.

Умиляют водопадов разинутые рты,
где ничьей становится, смешавшись, озёр и рек вода.

Вечность и покой, который выпьет наши черты...
Ласточки удерживают проржавевшие во времени провода.

ЧТО Ж ТЫ?

Солнце слепое в звоне колоколен растает...
Я – ветреная река в океане твоих ристалищ,

пена у рта воды от волн, снующих в дозоре.
Это они за наши грехи купают радугу в море.

Защитная магия рун утеряна безвозвратно...
Летишь, поднимая останки лун из чёрного квадрата,

катишься вдоль берегов крутых в бездонную пропасть...
Да, это решать не нам, кому и где кусать свой локоть.

Цикличность лет познавать под плёткой ветра заново.
Умом не всегда дано понять: что поздно, а что рано нам...

Заполошные новости утр в безымянном костре канут.
Обойди тишину запруд, не поддайся игре, обману.

За радиус неба в черничную тоску ночи, эпоха,
что ж ты бросаешь невод на колышки чертополоха?

ВЕРЕСКОВЫЙ СЛЕД

День ворчит на приступке, слегка распоясанный,
до лаптей разомлевший в истоме зари.
Солнце-обруч моё на плетне выплясывает
и по призбе скользит вдоль дощатой двери.

Где-то детство отчаянно вертится...
Соберётся пчела за околицу влёт –
на крупинках проснувшихся вереска
то, обратное, доброе время течёт.

Копошится бывшее в заборах дум,
медоносом растёт, за рекой томится.
Табакон запасается дед Наум.
Дышит в нос ледяною водой криница.

Расстиляется бренная ширь и гладь.
Вне пространства сочится лето мерное.
Быстроногое детство силуюсь догнать,
отыскать след по вереску – ветвь времени.

День ворчит на приступке, слегка распоясанный,
до лаптей разомлевший в истоме зари.
Солнце-обруч моё на плетне выплясывает
и по призбе скользит вдоль дощатой двери.

НАРИСУЙ МНЕ МОРЕ

Обновляется день на небесном портале.
Рушатся стихии по дороге к морю.
Ветер чистит трубы вековые, в квартале
от дождей на север, тишине проспорив.

Ты стараешься не задевать дум о прошлом.
Трескаются перья черепицы старой.
Обнуляется свет. Миг сомнения прожит
возле берега слов, где мечты вырастают.
Если долго бродишь от свежих мыслей вёртких, –
мозг бесплотные не принимает крохи.
Но, чем больше солнце посколото в вёрстах, –
крепче сшиты нити горестной эпохи.
В лодке мира не бывает должников вечных.
Хмурится время даже в крутой тельняшке.

На измученных полях на облаке-плеши
нарисуй мне море по краям ромашки.

СНЕГ БУНТУЕТ

Этот город совсем без стен, –
он обстрелян дождём и ветром.
Жил преддверия скользких тем
прорываются вьюгой-вепрем.
Расстилается по холмам
в бесконечность мороз тягучий.
Увильнуть неподвластно нам –
адский холод готов замучить.
Суматохи сквозных дорог,
стынь в агониях швов и трещин...
В этом городе тот продрог,
сон кому не всегда обещан.
В порыжевших охапках крыш
мегаполиса тонут скрипы,
где бездомный мечется стриж –
сиплый ветер, впотьмах охрипнув.
Полусферы небес немые,
виснет стрелка часов косая.
Этот город жил до зимы, –
снег бинтует его, спасая.

Валентина АКУЛЁНОК

Родилась в 1976 году. Работает в ЗАО «Калинка» г. Солигорска, Минской обл., инженер-технолог. Лауреат международного литературного конкурса «Славянская лира», Регионального литературного конкурса «Звучанье русского стиха». Автор нескольких поэтических сборников.

УТРО

Коварный день проник в окно безжалостно,
И сникла ночь, скукожившись под креслом.
Взревел будильник – старый мелкий пакостник.
Сегодня вновь пришло с привычным стрессом.

Ещё глаза рассветом не обласканы,
Ещё смешна попытка длить мгновенье,
А день уже вовсю торгует масками,
И я опять возьму себе смирение.

Забуду всё, что ночь наворожила мне,
Начну сначала то, что не дожито,
И, заскрипев натруженными жилами,
Возьмусь чинить разбитое корыто.

Не важно вовсе: надо ли – не надо ли,
Когда душа и тело на пределе.
Но там, где жизнь врачует снегопадами,
Имеет смысл держать себя при деле.

А небо с каждым миготом монохромнее,
А солнце с каждым часом всё обильней.
И с каждым днём невыносимей помнить мне,
Зачем опять не промолчал будильник...

ВОКЗАЛ

Пространство, замкнутое в кольцо,
На резком вдохе сжимает грудь.
В руке билет на одно лицо
В один конец – и нельзя вернуть.

И нужно ехать: вздохнул состав.
Вагонов много – узнать бы свой!
И вдруг, как в детстве: «От сна восстав...» –
Бормочет бабушка за спиной.

...Глаза открыты, в окне – рассвет.
С ресниц слетают остатки сна.
Объявлен поезд, в руке – билет...
Жива. Раскаялась. Прощена.

Я СТОЮ...

На ветру, дождём пронизанном,
Я стою, нелепо ёжась.
Мимолётными капризами
Мы с погодой этой схожи.

Неба муть без капли просини
Опускается на плечи.
Стынют листья цвета осени,
Предрекая скорый вечер.

Поманит тепло домашнее
В нежность клетчатого пледа.
А в заварнике вчерашние
Млеют травы цвета лета.

Но упрямое и колкое
Не пускает. Молча мокну.
И с весельем, злобно скомканным,
Всё гляжу в чужие окна.

ПЕСНЯ ДАВНЕГО ДРУГА

Из наушников, вторя дыханию,
По неровному кругу
Закольцованно льётся в сознание
Песня давнего друга.

Отступило внутри на мгновение
Чувство внешней угрозы.

Мне бы плакать, давясь умилением,
Да закончились слёзы.

А в окне переплётom очерчена
Бесконечность пейзажа.
И ответ ожидать стало незачем
На вопрос: «Ну когда же?..»

Рассмеяться над глупою песнею?
Но обидно до стога:
Сказка прожита. Вышел на пенсию
Победитель драконов.

УХОДЯ ЗА СВОЕЙ МЕЧТОЙ

Уходя за своей мечтой,
Я к закату должна вернуться.
Путь из дома и путь домой —
Это в сущности каботаж.
Не горят за спиной мосты,
Только травы уныло гнутся,
Добавляя некрасоты
В обесцветившийся пейзаж.

Обессиленные ветра
По инерции, обречённо
Радость выстудят до нутра
У души, чуть живой пока.
А душа продолжает петь —
Птица в клетке не золочёной.
И под песню спешат дотлеть
Два испорченных маяка.

Но рассвет, неизбежно нов,
Заскользит по небесной глади.
Значит, всё ещё не дано
Мне беспомощно умереть.
Уходя за своей мечтой,
Я однажды боюсь не сладить
С первобытной своей душой
Одомашненной лишь на треть.

В ПРАВЕ НА ЖИЗНЬ ОТКАЗАНО

Слышишь, как горько плачет
Твой не рождённый мальчик?

Боль разлилась по тельцу,
Ужас – по каждой клеточке:
Нет в материнском сердце
Жалости к бедной деточке.

Чем провинился кроха,
Вызревший не ко времени?
Господи, как же плохо
Быть нежеланным бременем!

Быть. Но совсем недолго,
Век измерять неделями.
Видимо, чувство долга
Мамой где-то утеряно...

Выдаст судьба билетик
С непоправимой фразой:
«Лишний на этом свете,
В праве на жизнь отказано!»

В ТВОИХ РУКАХ

В твоих руках я пела до рассвета,
Сбоило сердце, путались слова,
Зияла ночь открытой раной лета...
Но я жива!

Но я жива, хоть мне не надо жизни
Без рук твоих, уставших от побед,
Без глаз твоих, с печальной укоризной
Глядящих вслед.

Глядящих вслед судьба казнит жестоко,
Вливая в душу холод через край,
Смирять волю немощью до срока.
Но ты мечтай!

Но ты мечтай, но ты лечи мечтами
Простуду чуткой, трепетной души.
Баюкай ночь безоблачными снами
И не спеши.

И не спеши на Я и Ты рассеять
Все наши Мы, стучащие в висках.
Я буду петь, от счастья цепenea,
В твоих руках.

ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Любить нельзя забыть. Поставить точку,
Решиться – чтобы раз и навсегда.
Унылы дни. Невыносимы ночи.
И полюсами – наши города.

Любить нельзя. Забыть. Так надо! Надо
Для всех. И для меня. Но для меня
Воспоминанья горькою отрадой
На углях отгоревшего огня.

Любить. Нельзя забыть. И будь что будет!
Пусть мир мой наизнанку – что с того?
Да, не поймут. Конечно же, осудят.
Но не могу дышать я без него.

Михаил БАРАНЧИК

Беларусь, г. Минск

Родился в городе Лида в 1961 году. С 1980 года проживает в Минске. Стихи пишет с 2010 года; с того же времени публикуется в периодической печати. Печатался в «Лидской газете», в журналах «Мишпоха» (Витебск), «Приокские зори» (Тула), «Неман» (Минск), «Крещатик» (Мюнхен-Киев), «Глаголь» (Париж), «Берега» Калининград), «Метаморфозы» (Гомель) и др. А также в антологии современной русскоязычной поэзии Беларуси, в альманахе «Кавказский экспресс» (2020, 2021). Автор сборников стихов «Джаз для двоих» (2013, совместный с питерским автором Татьяной Багаевой), « Мои стихи – лишь письма в никуда» (2016), «Четыре времени чувств» (2019). Лауреат литературной премии имени Симеона Полоцкого.

*При слове "Бобруйск" собрание болезненно застонало.
Все соглашались ехать в Бобруйск хоть сейчас.
Бобруйск считался прекрасным, высококультурным местом"
(Ильф и Петров, «Золотой теленок»)*

Я приехать в Бобруйск буду снова и снова рад.
В старом парке вина испить – будто с похмелья.
Посетить Балаганова – всё же молочный брат.
Посидеть с Самуилычем вновь на одной скамье.

Я приехать в Бобруйск буду снова конечно рад.
И с вокзала включиться вновь в правила той игры:
Социалка опять пригласит нас на променад,
И бобры будут снова ко мне нежны и добры.

Я приехать в Бобруйск буду снова бесспорно рад.
По Шоссейной бы вниз может быть до конца пройти.
Инвалидную улицу нам не вернуть назад –
Но к Севеле к «Товарищу» нам всегда по пути.

Я приехать в Бобруйск буду снова безмерно рад.
Посмотреть очертанья бобровых родных фигур.
Самуилыч, зови всех друзей на ночной парад -
Мы встречаемся в дворике с именем "Порт-Артур".

Этот двор то ли крепость, а то ли былой бардак.
Впрочем, это не важно. Пусть плохо устроен мир,
Если в мире неладно – в Бобруйске всегда всё так!
Балаганов, до встречи. Оплатите мой кефир.

МЕСТЕЧКО

Там каждый год весной цвели сады –
И белый дым окутывал местечко.
Там сладок вкус колодезной воды,
Там тихий разговор субботних свечек.

Там по утрам концерт вели грачи
На тополе за старой синагогой.
Свои есть мудрецы и ловкачи –
Но все равны пред временем и Богом.

Там вечности отсчёт вели часы –
Их вечно чинит часовщик сутулый.
И гриву, всю седую от росы,
Своей кобыле чистит балагула.

Там в русской печке с чолнтом чугунок
Там на окошках шторы кружевные.
Там знают все, что бедность – не порок:
Биндюжники, сапожники, портные.

Там тяжело работают за грош –
Но всё же верят в Господа упрямо.
Иврит – для Бога. Дома – «мамен лошн».
Тот, на котором в детстве пела мама.

Картинка та теряется вдали:
Мурчит на печке рыжий кот-подкидыш,
И куры сонно роются в пыли,
И даже лошадь понимает идиш.

Ах, эта речь певуча и нежна.
Но все мы здесь – у времени гостями...
А над местечком полная луна
Пьёт тишину из вечности горстями.

И нет ещё предчувствия невзгод
И нет пока причины для кошмаров...
Но вот – проклятый 41 год,
И яблонь дым сменяет дым пожаров.

И взорвана в июне тишина.
И в тлен ушли – их больше не увидишь.
И никого не пощадила та война –
И даже лошадь, знающую идиш.

* * *

Мы по жизни идём – чужаки, чудаки.
Тяжкий груз на плечах и натружены ноги.
Маскируем свой горб скромно под рюкзаки,
Наша цель далека, наши мысли легки:
Чтобы всё же дойти – и не сбиться с дороги.

То, что живы ещё – в этом нет колдовства.
Нам свобода дана – удержать не сумели...
По пустыне бредём день и ночь, год и два
И никчёмными кажутся звуки, слова.
Тают в бархатном небе напевы свирели.

Свет от жёлтой звезды заставляет плясать
На песчаных холмах ярко-чёрные тени...
Что когда-то дано – никому не отнять.
И одно в голове – как найти, не терять
На зыбучих песках давний след Моисея!

* * *

То ли дождь стучит ко мне в окно,
то ли память шелестит листвою...
Кто придумал, будто всё ушло?
Кто сказал, что счастье не со мною?

Что там дождь? Всё суета сует...
Капли зря стучат о подоконник...
Кто придумал, будто счастья нет?
Вот оно: как мотылёк в ладонях.

Может, смочит дождик, уходя,
Старые печали и ненастья...
И звучала музыка дождя,
И скреблось в окошко робко Счастье.

ВРЕМЯ В ДЕТСТВЕ ВСЕГДА ВОЗДУШНОЕ...

Время в детстве всегда воздушное и прозрачное – словно мёд.
Безыскусное. Добродушное. Кто туда меня заберёт?

Там по пояс трава – не кошена. Там Добро побеждает Зло
Время в детстве всегда хорошее. Но куда же оно ушло?

В детстве время всегда красивое. И счастливое – как в кино...
Только дворик со старой сливою закатали в асфальт давно.

Мы отчалили, как от пристани, в жизнь иную. И дом был рад.
Но чем старше я – тем всё пристальней и упрямей гляжу назад.

Тишину порвёт крик ли, эхо ли? Где ты, Детство моё? Постой...
Мы из Детства давно уехали. Только дом живёт сиротой.

Заколдованный злыми чарами, дом грустит в тиши до утра.
Затуманились стёкла старые – у него ни нас, ни двора...

Сны порхают ночными птицами. Ночь сменяет дней череду.
Дом скрипит в ночи половицами: «Возвращайтесь, я очень жду».

Возвращаться-то в общем некому. Грустно в окна стучат дожди.
Разлетелись жильцы. Уехали... Я вернусь к тебе – только жди.

Старый домик с глазами-окнами и с распахнутой дверью-ртом,
Улыбнись мне своими стёклами. И укутай печным дымком.

Время выдалось равнодушное. И обратно не повернёт...
Просто снова станет воздушное. И прозрачное – словно мёд.

В ПЛЕНУ БЕССОННИЦЫ

Месяц в небе корчит недотрогу,
За окном мерцает Млечный путь...
Был пролог. Склоняюсь к эпилогу.
И опять ночами не уснуть.

Месяц в небе – лампочкой стоваттной
Мне в глаза. А город тихо спит.

Тычет в сердце грусть щенком лохматым,
И от одиночества скулит.

Выпив триста капель валерьяны,
Я уйду бродить в долину снов.
Снятся земляничные поляны,
И простор ромашковых лугов.

Снятся васильковые просторы,
Снится наша хрупкая земля.
Снятся мне нехоженные горы –
Хоть по ним пройду уже не я.

Где-то мчится всадник в чистом поле -
Снится стук копыт и шпаги звон.
Снятся по ночам простор и воля...
Кто сказал, что воля – только сон?

Над рекой плывёт туман белёсый.
Сон иль явь – совсем не в этом суть.
Я к ответам подберу вопросы...
А в окно втекает Млечный путь.

Отзвенит моё шальное лето.
Это будет завтра. А пока
Сладким сном забудусь до рассвета –
Как щенок, напившись молока.

* * *

А ты помнишь, как речка текла по камням, ропща?
Может, омут не нравился ей, ну а может – мель.
Как пронзительно птицы в лесу с утра верещат!
Им так хочется вновь возвратить нас в другой апрель.

Впрочем, этот апрель мог быть маем иль сентябрём:
Мы ж на месяцы вовсе не рвали с тобою год.
Здесь ведь главное в том, что мы быть бы могли вдвоём –
Но к сердцам подобрали какой-то неверный код.

Мы смотрели на радугу, звёзды и неба свод –
Что ж увидим теперь в чёрно-белом смешном кино?

Нам с тобою для счастья отмерить могли бы год –
Только вот отжалели всего лишь лето одно.

Рисовали сердечки на небе нам облака.
Танец страсти пыталась вписать в закат стрекоза.
И куда-то в вечность неспешно текла река.
Из-за леса к нам в гости вальяжно ползла гроза.

Впрочем, вспомнил: то был никакой не апрель – июль.
Или – август. Но даже не в этом, конечно, суть.
Просто ты молода, да и я был почти что юн.
А до счастья, казалось, лишь руку нам протянуть.

Мы старались не видеть, что с неба сползала тень.
Ну подумаешь – где-то снова гремит гроза!
Мы не знали: для счастья у нас есть один лишь день.
И всего только ночь, чтоб друг другу взглянуть в глаза.

Как же много тебе не успел я тогда сказать!
И для счастья осталось всего-то сорок минут.
После письма, наверное, будет нельзя писать –
Всё равно адресата они уже не найдут...

Видно, вечность права – но ведь мы же живём сейчас.
Напиши мне, пожалуй: «Люблю. Не забудь. Держись...»
Год прошёл. Минул месяц. Истаял последний час.
Как решить за минуту, чего не решил за жизнь?

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Ушёл ноябрь с печальным реверансом.
Последние листки болтают с ветром -
Поёт им ветер грустные романсы,
И мёрзнут звёзды в небе беспросветном.

Идёт зима (почти как в наших чувствах)
Тепла не будет - не мечтай об этом
Любовь сберечь – не всем дано искусство
В больших сугробах мёрзнет наше лето.

К утру окно совсем заледенеет.
Под коркой льда – почти как наши души.

Иди ко мне – и я тебя согрею.
Я расскажу тебе – ты только слушай.

О том, как без тебя мне одиноко,
Как сто разлук бегут за нами следом.
И нежно-нежно поцелую в щёку,
Плесну глинтвейна и укурю пледом.

И мы с тобой – одни на целом свете,
И свечка у камина догорает.
Пусть за окном печально воет ветер –
Он мне напомнил об ушедшем мае.

Декабрь смешает запах мандарина
И терпкий запах ёлки новогодний,
Добавит запах дыма из камина.
И наше "завтра" к нам придёт сегодня.

И новый день согреет в небе звёзды
И эта ночь закончится глухая...
Начать сначала никогда не поздно,
И в декабре искать начало мая.

* * *

Осени красота
в пару часов поблёкла,
слякотно, грязно, мокро,
и не стучится в окна
больше моя мечта.

Осень, кричу, постой!
Осень не отвечает.
Кружит воронья стая,
пара промокших чаек
просится на постой.

В парке без нас грустят
вымершие аллеи.
Зиму прожить сумеем?
Старенькие качели
всё же ещё скрипят.

Ветер поёт, как псих.
Осень в ночном халате
бродит по снежной вате...
В парке продрогшем хватит
места для нас двоих

В жизни – всё суета.
Гаснут печально свечи.
Только ещё не вечер -
Руки кладёт на плечи
Выжившая мечта...

НОЧЬ НА НЁМАНЕ

Ночь опустилась, как большая глыба,
И дремлет лес в объятьях тишины.
Лишь слышно как в реке гуляет рыба,
А на реке – дорожка от луны.

Ночь опустилась, как большая птица.
Её объятья вовсе не грубы.
А тишина всё длится, длится, длится –
Лишь слышно, как в лесу растут грибы.

Ночь наступила. Как-то в одночасье
В себя вобрав все звуки до конца.
Лишь слышно, как в лесу гуляет счастье –
И им переполняются сердца.

НЁМАН. УТРО.

Туман клубится белым молоком –
Не разглядеть в тумане берегов.
Над лесом солнце жёлтым мотыльком –
Посланец лета, или дар Богов?

Кричит немзыкально козодой,
Трава покрыта жемчугом из рос,
И танец белых цапель над водой
Сменяет танец голубых стрекоз.

Под слоем пепла прячется костёр,
И утру гимн поёт лесной ручей,
И вяжет лето пёстрый свой ковёр
Набором спиц из солнечных лучей.

* * *

В тот день почти прервалась связь времён.
Я и не знал, что я в тебя влюблён –
Пути Господни неисповедимы.
Осталась только в памяти метель,
Вечерних красок нежная пастель
И нежно-страстный шёпот твой: «Любимый...»

Ещё добавлю несколько штрихов –
Как будто бы за сонм былых грехов
Любовь была дана нам в искупление.
И словно повернулось время вспять –
Ведь мы в тот год могли с тобой летать,
Презрев закон земного тяготенья.

Как были мы близки в тот странный год,
Наверно, прохудился неба свод –
И вырвалась душа из заточенья.
Морозный воздух за окном густел.
Рождала близость душ влечение тел,
В сплетенье тел познав двух душ сплетенье.

И, прегрешенье наше освятив,
Нам ангелы поют любви мотив,
Что ж, вопреки ль идти Любви законам?
Под ветром ветки за окном скрипят,
А я с тобой в постели сораспят,
И ночь звучит волшебным саксофоном.

А смерти нет. Её прервалась власть,
Ведь мы узнали, что такое страсть.
И что с того, что за окном ненастье?
Звучит смычок в вечерней тишине,
Ты нежно прижимаешься ко мне,
И, словно пёс, скребётся в двери счастье.

Но вместо скрипки запоёт фагот,
И принесёт прозрение новый год,
И мы поймём, что чувства – лишь обманка.
И всё вернётся на круги своя.
А мы уйдём за край небытия,
Переболев любовью, как ветрянкой.

Светлана ЧЕРНЕНКО

Член литературно-творческого клуба «Солнечные нивы».
Участница многих Бардовских фестивалей.

Я ОСТАНУСЬ С ТОБОЮ НАВЕКИ, РОССИЯ!

Дол, омытый дождём, льётся солнце в окно,
И по лужам бегут ребятишки босые,
На душе у меня так тепло, так светло
От того, что всё это зовётся Россией.

Как берёзы листвой над тобой шелестят,
Золотые летят облака в небе синем.
Кто придумал, что петь о тебе не хотят?
Я пою о тебе свои песни, Россия!

На чужой стороне не прожить мне и дня,
Ты и жизнь мне дала, и отвагу, и силы.
Пусть другие сбегают в чужие края,
Я останусь с тобою навеки, Россия!

Поднимись и воспрянь, погань с плеч отряхни,
Ведь всегда ты справлялась с нечистой силой!
Пусть вернутся опять твои светлые дни,
Непоклонной и вольной останься, Россия!

Я ПОЮ О ЗЕМЛЕ

Я пою о земле, о которой всем сердцем тоскую,
Над простором полей в синем небе плывут облака...
И об этой земле я придумаю песню такую,
Чтоб запели её, чтоб звенеть этой песне в века.

Над моею землёй солнце в поле за рощу садится,
И опять поутру над рекою широкой встаёт,
И поют день-деньской в белой роще весёлые птицы,
А с широкого поля уходят машины в полёт.

По зелёным холмам собираю цветы луговые,
Я брожу по лесам и по белому полю в снегу...
И куда не пойду, предо мною всегда, как живые,
Те, кого никогда ни за что позабыть не смогу.

В небольшом городке в старом парке дубы вековые,
Над уснувшим прудом золотою листвою шелестят,
И старинных церквей в синеве купола золотые,
Как на солнце горят, как ласкают и душу, и взгляд!

И от тех куполов звон плывет над землёй в небо сине,
Звон плывёт над землёй, не подвластной врагам и годам...
Я пою о земле, о великой и вольной России,
Я её никогда никому ни за что не отдам!

ВЕСЬ МИР, ОН СОЗДАН ДЛЯ ТЕБЯ

Растёт цветок в лесной глуши,
В траве высокой непримятой.
Его сорвать ты не спеши,
Коснулся он твоей души.
Стой, полюбуйся, подыши
Его чудесным ароматом.

Порхает в поле мотылёк,
Не убивай себе в угоду.
Тебе, как видно, невдомёк:
Не долог век, путь не далёк.
Стой, опусти-ка свой сачок,
И насладись его свободой.

Бежит по камешкам ручей,
Запруду делать в нём не надо.
Коснулся он твоих очей,
Ты наклонись, воды испей
Из струй, что музыки звончей.
И насладись его прохладой.

Возьми котёнка иль щенка,
Еще ничейного пока.
Уже он изгнан и обруган.
Пусть не поднимется рука
Прогнать пушистого зверька.
Тебе он станет лучшим другом.

Угас вечернею порой
Луч уходящего заката.
Не торопись уйти домой,
Любуйся в тишине ночной:
Звездами яркими, луной.
Мечтай, мечтай!
Как я когда-то.

Гляди на звёзды и луну,
И слушай мира тишину.
Соединившись с тишиной,
Ты обретешь души покой.
И станут все твои мечты,
Как звёзды ясны и чисты.

Весь мир, он создан для тебя,
Не рушь его себе в угоду.
Не сетуя и не скорбя,
Живи живое всё любя.
И станет мир любить тебя.
И обретёт душа свободу.

О ЛЮБВИ

Как мне хочется тебе сказать,
Только я о том всегда молчу.
Я тебя при встрече целовать
До потери разума хочу.
Я хочу с тобою рядом быть.
Я хочу в глаза твои смотреть.
Без тебя мне было страшно жить.
А с тобой не страшно умереть.

О СОВЕСТИ

Как часто совесть мучает меня
За то, в чём нет вины моей, быть может,
Она повсюду душу мою гложет:
Что, не бывает дыма без огня?
Мне стыдно от того, что я бедна,
Что не хватает ни на что зарплаты,
И на одежде у детей заплаты,
И нет друзей, и я всегда одна.

Но было б, видно, во сто крат стыдней
Иметь достаток, нажитый нечестно,
И занимать «достойнейшее» место
Среди чужих по духу мне людей.

ВЗОШЛА ЛУНА

Взошла луна над сонною рекою,
Волна о брег песчаный шелестит,
Душа полна свободы и покою,
В ночное небо песнь моя летит.

Стоят деревья в сказочном уборе,
Озарены волшебною луной,
Ещё к душе не прикоснулось горе,
Ещё беда не встретилась со мной...

Сижу, гляжу в темнеющее небо,
Заворожила, захватила высь...

Какая была тогда, какая небыла
В душе моей в одно переплелись!..

Пройдут года, и будет всё далече,
Прошли года, как по реке вода...
Но тот прекрасный тихий летний вечер
В душе моей остался навсегда.

НЕ СТАРЕЕТ СЕРДЦЕ ВЕТЕРАНА

*Посвящается моей маме,
Вержбицкой Татьяне Ивановне*

Знают даже маленькие дети
Из рассказов, книжек и кино,
Всё про ту войну, что шла на свете,
Хоть была она давным-давно.

Знаем мы и чтим своих героев,
Поименно, мёртвых и живых,
Заслонивших Родину собою,
Вечно благодарно помним их.

В грозную годину испытаний,
Когда гром гремел над всей землёй,
Комсомолка, звали её Таней,
Добровольцем смело встала в строй.

Шла она в свинцовые метели,
В дождь и зной, когда мела пурга.
Точно, метко, поражая цели,
Била ненавистного врага.

А когда метели отшумели,
Той победной, радостной весной,
Девушка в пилотке и шинели
Возвратилась в город свой родной.

На груди – награды боевые,
Солнышком сияют ордена,
А потом – награды трудовые
С гордостью вручала ей страна.

Потрудилась на целинном поле,
Помнят люди про её дела,
Хлеб пекла, детей учила в школе,
Всюду запевалою была.

Отдохнуть бы, только где там, рано,
Есть ещё немало дел у ней,
Не стареет сердце ветерана,
У героической мамочки моей.

* * *

Не сердись на него, жена,
У него такая работа,
Он не знает покоя и сна,
Защищая, спасая кого-то.

Он не знает покоя и сна,
Даже в тёплый вечер весенний.

Он – на службе, а ты – одна
И испорчено настроенье.

И соседки, как мухи, жужжат,
Время, мол, для жены не находит,
А глядит на других девчат,
Ишь, дружинниц под ручку водит.

Ну, а ты, всё сидишь одна,
Как затворница, вечно дома.
Да кому эта верность нужна
Он – с другими, и ты – к другому...

Ты устала от жизни такой
Захотелось тебе покоя,
А когда становилась женой
Да ещё милицейской женой,
Ты не знала, что это такое?

Ты люби его всею душой
И не слушай соседок сплетниц.
Будет счастье у вас и покой,
Нужно только друг другу верить.

Может быть, в этот самый момент,
Когда грязью его обливают,
Он идёт на верную смерть,
Жизнь такой вот, как ты, спасает.

Снова ночь напролёт без сна,
Снова ищет, спасает кого-то...
Не сердись на него, жена,
У него такая работа.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

За окошком – серая осень,
Жёлтых листьев кружит хоровод,
И холодный ветер уносит,
И на стылую землю кладёт.

А по листьям проходят люди,
Равнодушно топча их в грязь.
Безысходность... Так есть и будет,
Было прежде тысячи раз.

Так всегда – наступает осень,
Вырвет радость мою из груди,
А взамен лишь одно приносит:
Безысходность, печаль и дожди...

* * *

Когда настанет бабье лето,
Тогда немного веселей,
В душе оттаёт что-то где-то
И небо станет голубей.

И золотом зардеют листья,
А ветер, ласковый такой...
Уйдёт печаль с души,
И мысли вновь обретут былой покой.

* * *

Где ты, где ты, бабье лето?
Улетело ты куда?

От заката до рассвета
Небо – серенького цвета,
В речке – серая вода,

И над домом, и над сквером
Ветер воет и дрожит,
И дорога – в платье сером,
Мимо дома, мимо сквера
За реку в поля бежит.

Где ты, где ты, бабье лето?
Улетело ты куда?
От заката до рассвета
Небо – голубого цвета,
В речке – синяя вода...

Отшумело, отзвенело,
Убежало, отцвело...
Лишь в душе моей усталой
Ты оставила тепло.

Юлия АГРАНОВИЧ

Беларусь, г. Бобруйск

Родилась 11 мая 1958 года в городе Бобруйске. Окончила Гомельский политехнический институт. Работала на заводе Бобруйскагромаш. Стихи пишет с 1995 года. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Печаталась в сборниках «Бобруйский след», «Негасимый свет», «Антология 1994-2009», «Бобруйский почерк», «Память храним...», «Крылатым росчерком пера (цитаты и афоризмы в катренах бобруйских поэтов)», «Диалоги о любви», «Перекрёстки времени». Является составителем сборника стихов Виктора Буселя «А между строк твоя душа». Автор сборников стихов: «Осколки души», «Всё лучшее ещё произойдёт, «А вдруг любовь?».

РОЖДЕНИЕ СТИХОВ

Стихи рождаются во сне.
И в пене розовой рассвета,
И в золотой полоске света,
Стихи стекают по Луне...

Сначала движется печаль,
Иль радость быстрыми шагами,
Смешенье чувств сильнейших в храме,
И что-то обещает даль...

Внутри ещё темно, неясно,
Но знаю близится рассвет.
И для меня сомнений нет –
Сюжет рождается прекрасный!

Рой мыслей всё кружит, кружит,
Над полем разноцветным жизни:
Вот тучки тёмные повисли,
Там домик, там река бежит...

Казалось бы – о чём писать?
Всё просто, ежедневно, скучно,
Но вдруг, совсем антинаучно,
Здесь начинает музыка звучать...

И, словно подчиняясь магу,
В короткий и волшебный миг,

Рой мыслей в душу мне проник.
Строка ложится на бумагу!

ОБЛАКА

Словно горы снежные вдали,
Словно мир таинственный чужой,
Далеко, далёко от земли
Облака плывут над головой.

Гонят их залётные ветра.
Просто так, от скуки их привет.
Вот уже растаяла «гора»,
Вот уже растаял даже след

Облака. Но, кто-то в небесах,
Приподнял свою в усмешке бровь,
И опять мы видим чудеса -
Целый караван из облаков!

В чём же смысл? И в чём для нас урок?
Каждый день то солнце, то дожди...
Знают только небеса и Бог,
Что нас ожидает впереди!

Переменчивы судьбы ветра,
И порой неясен жизни путь.
В солнечное «завтра» из «вчера»
Доплыву и я когда-нибудь!

КАК ХОРОШО!

Как хорошо на белом свете жить!
Как хорошо дышать весенним воздухом!
И этот мир загадочный любить,
И вспоминать порой о светлом прожитом.

Как хорошо рассветный луч ловить,
И любоваться птичьими полётами.
В дне, наступившем радость находить,
И колдовать над вечными заботами.

И пусть пугают тени на снегу,
Среди весны пурга метёт непрошено.
Я огонёк в своей душе зажгу,
И пожелаю всем всего хорошего!

ЗАВИСТЬ (БАСНЯ)

В тропическом лесу
Оказия случилась.
ЛЕВ полюбил ОВЦУ,
ОВЦА в него влюбилась.
Им хорошо вдвоём,
Они шагают рядом.
Он песни ей поёт,
Она ласкает взглядом.
Их видели в полях,
На местном водопое,
Да и в других местах,
Повсюду эти двое.
Вдруг Зависть – страшный зверь,
В глухом лесу проснулась.
Не избежать потерь,
Об их любовь споткнулась.
«Зачем ему ОВЦА?
Ни кожи и ни рожи!
Пусть выбрал бы меня.
Мы цветом так похожи!», –
Промолвила лиса,
И побежала к речке,
И новость понесла
Про глупую овечку
«А может ЛЁВА мой?», –
Карабкаясь с банана,
Визжала на весь лес,
Смешная обезьяна.
«Наш ЛЕВ романтик, дурачок!
Пускай пойдет, проспится!
Совсем не видит ничего», –
Так возмущалась львица.
И слухи поползли,
И полетели слухи.
Их всюду разнесли

Гиены, змеи, мухи.
Услышал сплетни ЛЕВ.
Не выдержало сердце.
И он ушёл... совсем,
И кто ему ответит:

Зачем так звери злы?
Зачем их зависть гложет?
Зачем чужая жизнь
Волнует и тревожит?
Могла бы жить и жить
На свете пара эта.
Да только в том лесу,
Всё бродит Зависть где-то.

* * *

Я всё реже бываю сейчас на плаву,
Вот опять на душе моей осень,
Вот опять я беспомощно, глупо плыву
По течению, в лодке без вёсел...

Мой нехитрый кораблик качает волна,
Я одна в этой странной вселенной.
А река глубока, а вода холодна,
Не достичь берегов вожделенных...

Я плыву. Яркие звёзды сияют в ночи
И один лишь вопрос, как отравы:
«Где ты, счастье моё? Отзовись, не молчи!
Где же ты, моя тихая гавань?!»

* * *

Как сладко пахнет скошенной травой,
И мягко утреннее солнце светит!
А одуванчик целый мир расцветит
Своею ярко-жёлтой головой.

Берёзы изумрудная листва
И липы нежно-клейкие листочки,
Стихов рожают бережные строчки,
Любви давно забытые слова.

Поверить, невзирая на года,
В слова любви, слова надежды.
Они для тех, кто в них не верил прежде.
А с ними даже горе не беда.

Поверь и над судьбой сумей подняться,
Вновь ощути и радость, и успех.
И знай, что это правило для всех:
«По вере вашей вам воздастся!»

ЛЮБИТЬ!

Наверно так и надо жить –
Гореть огнём весёлым, жарким!
Любить! Без памяти любить!
Нет лучше от судьбы подарка!

Гони свои сомненья прочь,
Сомненьями себя не мучай
Коль Бог решил тебе помочь,
Не упускай счастливый случай!

Не упускай счастливых дней,
Они промчатся без возврата.
Любви напиток сладкий пей!
Любовь - живой души отрада!

ГОЛУБЬ

Летаешь в стае белых голубей,
А по утрам садишься на окошко.
Я жду тебя и рассыпаю крошки.
Давай, спускайся с неба поскорей!

Я знаю, милый, голубь – это ты!
Мой белый ангел, посланный судьбой!
Теперь летаешь в стае надо мной
И посылаешь знаки с высоты.

«Я счастлив! Я свободен! Я лечу!
Жизнь так светла без зависти и фальши!

Как жаль, что я не видел это раньше.
Теперь я в небе – только захочу!

Живи, любимая! Земная жизнь мала!
И радуйся... Но если плохо будет,
Тебя твой белый ангел не забудет,
Он прилетит, подставит два крыла».

Ищу тебя. Брожу то тут, то там...
А в доме так невыносимо тихо.
Беру метлу и выметаю «лихо»,
И рассыпаю крошки по утрам.

МЫ ЖДЁМ ВЕСНУ

Мы очень ждём весну, и верим – будет легче!
Взрывая лёд, запляшут ручейки.
А из-под снега маленький, беспечный,
Подснежник вдруг покажет лепестки.

И воздух свеж и чист, наполнен обещаньем,
Желаньем этим воздухом дышать.
И птичий пересвист, и птичий гомон ранний
Нас будут потихоньку воскрешать!

Нас будут воскрешать ещё нагие ветви,
Беременные будущей листвой.
И будут вновь летать молоденькие ветры,
Вздохматив день весенний молодой.

Растает зимний след, сомнения витые.
Нас где-то счастье ждёт, а может быть дожди.
И засияет свет! Предчувствия цветные!
И новый светлый путь у жизни впереди!

* * *

Всё будет хорошо! Поверь!
Не надо горьких слёз, не надо!
Ещё горит твоя лампада,
Ещё открыта счастьем дверь.

Ты сильная и значит грусть,
Без слёз рассеется внезапно,
Ты скажешь: «Дорогое завтра,
тебя нисколько не боюсь!»

И сладостный хрустальный звон,
Отметит правильность решения,
В груди горячих чувств смешенье,
И облегченья тихий стон.

День обойдётся без потерь,
И ветер перемен закружит,
И боль твою не обнаружит...
Всё будет хорошо! Поверь!

Николай ЮРЛОВ

г. Красноярск

Родился в 1954 году на вятской земле в семье колхозников, литератор и публицист, выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, а также собственным корреспондентом газеты «Гудок». Автор многих книг, в том числе «110 лет неизвестности», «Зеркало антиквара». Победитель профессиональных конкурсов «Журналистская Россия», «Сибирь — территория надежд», лауреат «Российского писателя» за 2016 год в номинации «критика». Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Молодая гвардия», «Мир Севера», «Берега», альманахах «Енисей» и «Новый Енисейский литератор». Публикации на сетевых ресурсах: журнал любителей русского слова «Парус» и литературно-художественный альманах прозы и поэзии «Новый российский писатель». Живёт в Красноярске. Член Союза писателей России.

Сны Макара

(Фантазия-ремейк)

*Эх, жизнь, когда ты организуешься,
чтоб уж не чуют тебя!*

Андрей ПЛАТОНОВ

Был месяц август, ярко светило солнце, а по такому случаю радостно и многоголосо исполняли свои песенные рулады птицы, ещё не утомлённые полдневной жарой. На лазурном небосводе не было тучки, ни облачка, один лишь месяц, который задержался с ночи, обозначился на нём и не думал никуда исчезать. Месяц был молодой и почти прозрачный, а на его белоснежной дуге проступил затенённый рельеф, точно оспины на лице. Лунный серп – и днём, в светлое время суток? Что обещает он тем, кто готовится в путешествие, рассчитывая, что по-прежнему будет солнечный день, а в их долгой и утомительной, безусловно, поездке не случится ни шквалистого ветра, ни проливного ливня, ни страшной грозы?

В путь-дорогу собрался и Макар Ганушкин, литературный герой Андрея Платонова, произведениями которого вдохновился автор и создал собственную фантазию – продолжение иронического цикла о загадочности параллельных миров, а также совершенно невероятных событиях, которые происходят в них.

* * *

С первых лет пролетарской революции дни рождения Ганушкин не признавал, считая их вместе с именинами, то есть чисто ангельскими

днями, пережитком прошлого, буржуазной традицией; их, как и многое другое, требовалось навсегда искоренить. И очередную дату, а по сути своей юбилей и событие в личной жизни значительное (всё же выход на заслуженный отдых), особо уполномоченный пропагандист повстречал в пути, отмечая прочь всякие торжества в этот день недели, самый что ни на есть обычный день, в его нынешних представлениях.

Накануне, не сразу согласившись на организацию почётных проводов в коллективе, он добился у начальства разрешения на последнее задание: распропагандировать чудодейственный электромагнитный аппарат, который триумфально прошёл лабораторно-исследовательские испытания, и теперь дело оставалось за малым – запустить его в серийное производство.

Указательный палец ткнул на карте Б.С.К. (Безбрежного Сибирского Края) в маленький кружок, обозначавший отдалённое село Починок, а сам владелец пальца повелительно разъяснил шофёру подержанной «эмки»:

– Вот где наша не пропадала!

– Да и наша не пропадёт, в Починке у меня свояки, – обрадовался подвернувшейся оказии водитель, молодой парень. – У них я и заночую, а вам, товарищ Ганушкин, особое место предоставят, со всеми удобствами...

Что это за удобства, коммунального характера или же иные, выходец из патриархальной деревни не стал уточнять, а Ганушкин ничего и не спросил.

По правде говоря, в этот Починок, центральную усадьбу колхоза «XIII Октябрь», сочинитель Платонов своего героя не отправлял, в тех местах даже в босоногом детстве Макар телят не гонял, да и не делал пропагандисткой карьеры в зрелые годы, хотя на должностях состоял. Но параллельные миры, как теперь выясняется, допускают многие вольности, несопоставимые с фантасмагориями самых изысканных и к тому же избалованных славой сочинителей. А случается порой, что в той, другой от нас реальности, всё идёт совсем не так, наперекосяк.

Потому-то параллельный Ганушкин вовсе не умер от слабости сердца, как доносилось до читателя тем же сочинителем Платоновым, и тракторная колонна, которая удостоилась чести проводить Макара в последний путь, осталась незадействованной, а механизаторы потеряли целый трудовень.

Ганушкин-дубль не только продолжил дальнейшее существование, он стремительно летел по Сибирскому тракту – пыль стояла коромыслом на бескрайних просторах. Конечно, находились отдельные товарищи, которые считали, что это плоскость слишком уж утомительного пространства в силу своей беспредельности, но они были люди пришлые и никогда не любили Сибири.

Пыль, поднятая легковушкой, слегка припудрила телеграфные столбы, провода и рассеявшихся на них смоляных ворон, которые становились теперь сизо-пепельного цвета: пожалуй, и не отличишь их от соплеменниц, более близких к шумному фонтану городской жизни.

Вскоре особо уполномоченный, ведомый в путь-дорогу жаждой продвижения нового прибора, попросил водителя притормозить – на подъезде к Починку должен был показаться знакомый котлован. В действительности, далёкой от литературы, это был выработанный каменноугольный разрез, где по-прежнему нависал над сумрачной бездной выцветший от солнца плакат «Даёшь стране угля!», со временем дополненный непечатной фразой (она и сегодня хорошо знакома многим).

Теперь возле котлована стоял особо уполномоченный пропагандист Б.С.К. и думал не столько об исчерпаемости природных кладовых, когда-то накопивших в своём чреве мегатонны горючего камня, дающего людям тепло и много чего другого, сколько о различных проявлениях своей собственной сущности.

Вот и достиг он почтенного возраста – эта мысль остановила его на самом краю террикона, вырытого далеко за пределами крайгорода по спущенной разрядке, а именно: по экспортно-сырьевой необходимости, без чего не могли существовать ни партия, ни правительство, ни все оставшиеся граждане и гражданки. Утешить Макара в связи со столь грустным событием в его трудовой биографии теперь было некому, и он решил помочь себе сам, успокоившись автономно. Подобные психофизические упражнения отнюдь не хуже тех, кто был не понаслышке знаком с восточными практиками, проделывали иногда и дальние литературные родственники Ганушкина.

На краю горнопромышленной ямы виделись Макару, конечно, и картины недавнего прошлого, многие из которых носили интимный характер. Из благородного рыцаря, неизменно дарившего своим зазнобам бездефектные пояса верности, сотканые из чистейшего шёлка, этот холостяк превратился в графа Калиостро с пролетарскими корнями, и остановить его могло только одно средство на пути к исправлению – чудодейственный электромагнитный прибор.

Для реализации заветной цели он даже поступил на заочное отделение Академии непрерывной молодости имени бывших членов Политбюро, и теперь нестареющий литературный герой становился яростным сторонником строгой регламентации половых отношений.

На краю котлована, грозившего при некоторой задумчивости прямым падением в тартарары, Макар репетировал будущее выступление о нужности чудо-техники:

– Женщина, освобождённая от половых обязанностей и половых последствий, баснословно увеличит активы нашей страны!

Страстная речь вылетела из уст особо уполномоченного пропагандиста, чтобы достучаться до самой глубины недр, а потом, добросовестно обогнув котлован по всему периметру, вернулась к Макару раскатистым эхом. Ганушкину даже привиделось, что на дне котлована мелькнул детский силуэт и шаловливо помахал ему ручкой, а была ли это известная многим филологам маленькая девочка Настя, которой для спокойствия и душевного равновесия некоторые прозорливцы советовали не слишком-то расти, – этого пропагандист не знал.

Здесь, на этом месте, где человек уже высосал все соки земли, Макар был готов рассуждать ещё и о том, как выровнять кривизну научно-технического прогресса, как вогнать брачную физиологию в капризную рыночную экономику, но время сильно поджимало – надо было сначала определиться на постой в Починке. И сделать это требовалось крайне деликатно, не вызывая в народе кривотолки, ведь в Б.С.К. уже неоднократно отмечались случаи, когда командированные сначала скромно снимали комнатку у вдовы, а потом женились на ней. На это и сам сочинитель Платонов указывал. А сколько персональных дел по случаю разбитых семейств копилось в районных комитетах и ждало оргвыводов на заседаниях партбюро, никто ведь не считал...

Вечером гость из крайгорода чинно, благородно пил чай вприкуску в обществе идейной гражданки Марии Тутукиной, которая отвечала за культурно-развлекательную программу в Починке и умела как следует, с живинкой в деле, организовать досуг командированной стороны. И ведь ни разу жалоб не поступало! А были только устные благодарности вышестоящих товарищей со всеми вытекающими последствиями для председателя колхоза и членов правления. О поощрении Марии неоднократно ставился вопрос на общем собрании сельхозартели, и мужики в порядке задумчивости почёсывали затылок и не возражали. В глубине души они по-мужски завидовали этим постояльцам, свалившимся нежданно-негаданно в культурно-развлекательную избу. Зато женщины-коллективистки сильно напрягались и шушукались между собой, а уж в домашней обстановке отводили душу, включая сарафанные репродукторы на полную громкость. Тогда исходившие оттуда протестные радиоволны слушали все родные, в том числе и дети. Но дама сердца, если это сердце принадлежало ответственному работнику, партийному выдвиженцу, всё же была вне подозрений.

Идейная гражданка думала, что особо уполномоченный, с непривычки дующий что есть мочи на блюдец, поинтересуется культурной составляющей колхоза «XIII Октябрь», но этого не случилось. До того ли гостю было-то? Он произносил отрепетированную ещё над терриконом речь и так основательно к ней подготовился, что его без ложной

скромности можно было величать не только особо уполномоченным пропагандистом, но ещё и певчим сибирским соловьём.

– Это же здорово, товарищ Мария, что вы и я полностью откажемся от гнусного животного чувства! – пропагандировал Ганушкин благородные идеи, которые давали людям возможность сбросить с себя ещё одни рабские цепи, ещё одно ярмо. – С новым прибором к нам придёт настоящая дружба и вдохновенная половая любовь!

Заворожённо смотрела на своего гостя Мария, хотя и сожалела, что к её кедровой настойке, всегда спасавшей постояльцев от ложной скромности, Ганушкин так и не притронулся. А ежели из того графинчика слегка пригубить...

Практика первоначального знакомства с противоположным полом свидетельствовала, что в этом случае даже самые тихие гости начинали геройствовать и сообщали то, чего в их жизни отродясь не бывало.

– Вот бы нашим молодушкам послушать! А как называется этот прибор?..

Очень уж хотелось теперь Марии стать самой первой приёмщицей и оценщицей новой техники, но все детали она испытывала у гостя крайне осторожно, исподволь, чтобы никоим образом не нарушить проводимый эксперимент. Кроме того, её беспокоило, что конкретно она может сообщить товарищу Авербаху.

Этот Авербах был старший майор, он беспорочно нёс службу где-то в Центре, а потом и в крайгороде, куда был назначен с повышением, и благодаря стараниям своего осведомителя всегда находился в курсе всех событий в «XIII Октябре». Сигналы из Починка находились в отдельной папке, каждая бумага терпеливо ждала своего часа, а когда именно раздастся грозный бой этих часов жизни, решалось не сразу, не вдруг...

– Изобретатель просил сохранить изначальное название «ЧистоФлюй», и мы должны уважать авторское право. Погодите, товарищ Мария, вот научимся тиражировать ещё и душу техническим способом, – лучше всех в мире заживём! Долой буржуазный обман! Да здравствуют флюиды чистой любви! Даёшь стране «ЧистоФлюй»!

Мария вздрогнула, точно оказалась на праздничной трибуне и сейчас ей, культурному вожаку трудящихся масс, наконец-то предоставят слово. Здравницы за столом так и сыпались в эту ночь, мысленно Мария была уже готова подхватить какой-нибудь страшно громоздкий кумачовый транспарант и тащить его на себе вплоть до того самого чулана, где пылился в колхозном клубе обобществлённый хлам, извлекаемый по торжествам.

Пафос особо уполномоченного пропагандиста так захватил Тутукину, что ей непременно захотелось внести и свой личный вклад в

дело социализма, выдвинув лозунг такой силы, который запросто бы подхватили и в соседних районах. И она преуспела, предложив:

– Нашему краю – высокую культуру!

При этих словах счастливая Мария взглянула на Ганушкина, не подозревая, конечно, что всё сказанное ей уже поднялось высоко-высоко, улетело в запредельные космические дали, а там, разумеется, тоже своя канцелярия, где старательно подшивают все земные дела и делают нужные оргвыводы.

Сказать за всю Сибирь-матушку Тутукина не решилась, но что-то подобное вертелось в её голове и просилось на язык, крутилось неспроста. Пройдут годы, и не очень способные потомки займутся экстренным спасением социализма, как им это виделось в здравом уме и твёрдой памяти, и тогда в параллельной реальности инициатива культурного организатора из Починка неожиданно всплывёт. Жаль только, что никто и не вспомнит о Марии Тутукиной, а всё припишут другой, не менее выдающейся личности, тоже женского пола. Никому и в голову не придёт, что если требуют чего-то высокого, стало быть, на данном этапе оно исключительно низкое. Ну разве не обидно за Сибирь и её Б.С.К.!

Но как было Марии Тутукиной знать о подобном развитии событий? Не мог ничего персонифицированного сообщить ей и Макар Ганушкин, полностью погружённый в планы грядущих преобразований, да он никогда и не выходил за пределы своих компетенций. А ведь предстояла самая грандиозная реформа за всю периодизацию человечества (от эпохи палеолита до времён ГОЭЛРО), поскольку изобретатель прибора замахнулся на основу основ в жизни людей – инстинкт продолжения рода. Платон нам друг, но откуда, скажите на милость, дети-то пойдут?

Мария вздрогнула, испугавшись, что теперь её могут, пожалуй, обвинить в отступничестве от программных идеалов, и быстро сообразила, что нужно гнать от себя дурные мысли как можно дальше. Она замигала красивыми глазками с растушёванными по-городскому ресницами, потому что и впрямь слабо представляла саму теорию, а тем более и практику новых половых отношений. Но погрузиться в столь деликатную сферу ей безумно хотелось!

Однажды на доске объявлений в крайгороде она увидела записку на тетрадном листе, который приклеил какой-то аноним. Стараясь не привлекать к себе внимания, Мария попыталась объявление снять, но безуспешно – крахмальный клейстер прихватил бумагу к дереву крепче всякой химии. Выполняя всё в точности так, как учил её в подобных ситуациях старший майор, то есть «*по-ша-го-во*», Мария несколько раз подходила к бойкому месту на городском рынке, чтобы выучить наизусть весь текст и передать его товарищу Авербаху на словах. Содержание записки гласило:

«На данном этапе жизни возникла острая нужда в идейной и раскрепощённой гражданке, знакомой с элементами французской любви. Если кто уже возбуждился, дальше будет больше. Обращаться в коммунальную баню по улице Песочной. Покупая в кассе билет на помывку, слегка напеть «Марсельезу». Потом всё скажут. Достойный муж и гражданин».

Культурный организатор колхоза «XIII Октябрь» обладала неплохими вокальными данными, даже занималась сольфеджио, она и революционную «Марсельезу» когда-то разучивала вместе с хором животноводов после вечерней дойки, но что такое французская любовь, Мария абсолютно не ведала, да и товарищ Авербах не смог что-либо разъяснить.

Не глядя Тутукиной в глаза, старший майор тупо уставился в свой выдающийся стол под зелёным сукном, реквизированный в своё время у нэпмана, который потом был разоблачён как вражеский резидент – сотрудник разведки императора и генералиссимуса Хирохито. Настольная лампа бросила свет на эмаль в петлицах гимнастёрки, пурпурные ромбы на них сверкнули огнём, требуя от обладателя немедленных и решительных действий, и товарищ Авербах сурово произнёс:

– Ты колхозница – тебя любить нельзя... У тебя и паспорта-то на руках нет. Чего захотела!

А чего именно Марии захотелось, так и не озвучил. Видимо, товарищ Авербах нечто секретное, агентурное о той французской любви всё-таки знал. Зря, что ли, в органах служил и генеральское звание имел? Но ведь всего-то требовалась малость – удовлетворить женское любопытство. Эх, мужчины, мужчины, очень далеки они от понимания противоположного пола, не ведают, чего женщина по естественной природе своей страстно желает! Как только оценят заслуги Марии на культурном и прочих фронтах, она сразу же исправит биографическую ошибку – выхлопочет себе паспорт и уедет из колхоза в крайгород, где непременно выйдет замуж за инженера.

Вот главная фигура жизни, ускоритель научно-технического прогресса! Мария это на личном опыте познала. Был командирован как-то в Починок инженер Эверестов, мужчина видный, представительный, бригадой монтеров командовал (телефонную связь в колхозной конторе тогда проводили). Но больно уж крепко держался за рюмочку, а сильнее всего в период застолий любил произносить игривый тост «За связь без брака!» При этом тут же пояснял (не с подачи ли сочинителя Платонова?), что женатый человек – персона для общества бракованная...

Мария вспоминала и о том, что Эверестовым интересовался товарищ Авербах. Куда судьба забросила «ускорителя прогресса» сейчас, для каких ещё строек первых пятилеток пришлось ему тянуть свои кабели, – ничего

этого не знала гражданка Тутукина. А могла бы, если бы связала свою жизнь с гражданином Эверестовым.

Ночью Мария очей не сомкнула. Ей постоянно казалось: вот придёт, вот придёт гость из крайгорода и всё наглядно растолкует, вдохновит как словом, так и делом, но за стенкой только доносился умиротворённый храп. Видать, прибор любви задолго до его серийного производства начал оказывать эффективное действие, но пока только в локальном масштабе.

Ранним утром товарищ Ганушкин наотрез отказался от чая и, простившись с гостеприимной хозяйкой, заспешил в клуб. Помахивая на ходу кожаным портфелем, он миновал огороды и пустыри, которые заполнил во всём Б.С.К. жирующий борщевик (оказывается, этот ядовитый пустоцвет жил припеваючи и в параллельных мирах). Сорняк мощно пустил свои корни в кипучую и могучую соцдействительность, где урожай на полях был истинно большевистский, где люди светились идеями переустройства на всём земном шаре и где теперь двигался в незатухающий очаг культуры особо уполномоченный пропагандист Макар. По пути ему повстречалась возле машинно-тракторной станции припаркованная колонна американских тракторов «Джон Дир» и с торжествующим возгласом: «Смерти моей не дождётесь, я вечен!» Ганушкин устремился в зал к массам – посылать колхозному крестьянству импульс-флюид.

После ухода гостя Мария ещё долго крутилась перед зеркалом, представляя, каким же образом флюиды любви будут пробиваться к сокровенным уголкам её ухоженного тела, чтобы без волокиты приступить к исполнению прямых обязанностей, и только потом, глубоко вздохнув по причине нелёгкой женской доли, двинулась на почту.

По означенному адресу она отправила товарищу Авербаху открытку с очень странным текстом, написанным как будто с чужих слов, под чью-то диктовку:

«Лично испытала действие прибора. Это какой-то «Водопад жизни»! Товарищ Чистоплюев прав: нужно срочно работать над импортозамещением, и флюиды любви сделают нас свободными. Мы не рабы, рабы не мы! Мария».

Через неделю в Починок нагрянули компетентные органы из крайгорода и вычистили Марию по первому разряду как несознательную гражданку, попавшую под влияние неправильной кинокартины «Водопад жизни», где искажённо трактовалась политика партии и правительства в тонкой сфере добрых половых отношений.

А где тонко – там, как говорится, у бывшей идейной гражданки Тутукиной всё и порвалось. Но порвалось, оказывается, не только у неё.

В тех параллельных мирах никто не трогал пенсионный возраст, ни вверх его не поднимал, ни вниз не опускал, не нашлось ещё там такого

корифея. График жизненного движения, установленный по регламенту партии и правительства, Макар Ганушкин и не думал нарушать, но простой у него продлился недолго – о нём вспомнило профсоюзное начальство Рабземлеса. В узком кругу, собираясь на своих наркомовских дачах, вожди называли этих людей хапугами и рвачами, хотя это были неплохие ребята: какой-никакой, а всё же профсоюз, защитник интересов трудового народа. Союз работников земли и леса отправлял Ганушкина в бригады вальщиков и чокеровщиков, на верхние и нижние склады, где можно было воочию ощутить «лесов безбрежных колыханье», а также услышать пламенное слово Макара.

Востребовали ветерана, и на том спасибо! Таких пропагандистов ещё нужно поискать, а если телепортировать в распрекрасное будущее, цены им не будет. То есть, конечно, она непременно будет: на то и дан капитал, чтобы заламывать цену и торговаться, как на базаре. Предмет торга при этом не имеет значения: игра ли это, артистизм или умение понимать остроту текущего момента.

Макар и впрямь виртуозно обращался со словом, мог из чёрного сделать белое и наоборот, но лишь в экстренных случаях к подобным дивертисментам прибегал. Как будто предвидел, что кризисный форс-мажор в отдалённой перспективе всё же возникнет, а там его искусство и пригодится. Параллельные миры – это вам не что-нибудь, это полная вариативность всевозможных жизненных ситуаций, самое непредсказуемое развитие событий. Да уж если на то пошло, сюда самых лучших спецов на стажировку надо бы отправлять, из их числа и выйдут настоящие эффективные менеджеры – Макар не даст соврать.

И всё-таки беспокойно было на душе у бывшего особо уполномоченного пропагандиста. Несмотря на достигнутые успехи в Академии непрерывной молодости, где слушатели всегда забывали о собственном возрасте и больше уже не заглядывали в паспорт, Ганушкин стал со временем как будто сам не свой.

В одном из таёжных посёлков среди слушателей в засаленных ватниках, собравшихся в клубе, Макар увидел женщину, очень похожую на Марию, только причёска у неё заметно укоротилась, и коса куда-то исчезла. Пристально смотрела на него и силилась что-то припомнить, теребила в руках полушалок, а потом завязала его по краям узлом, как будто суму из него приготовила. Мол, от сумы да от тюрьмы, дорогой товарищ Ганушкин, зарекаться нельзя... Может, и впрямь подавала какой-то особый знак или сделала всё исключительно в сердцах, не от хорошей жизни, но после выступления к лектору так и не подошла, а многие подходили. Видимо, это была не Мария, решил Макар, да ведь и в места не столь отдалённые Рабземлес его не отправлял.

Довольно странным показалось Ганушкину также и то, что по улицам посёлка гоголем расхаживала туда-сюда, руки в боки, ещё одна испачканная в провинциальной грязи фуфайка – вылитый товарищ Авербах. Не иначе, тут проводилась какая-то важная специальная операция, предположил Ганушкин, а по долгу службы её курировал товарищ старший майор. В ту пору органы шли буквально по горячим следам жука-короеда, полиграфа уссурийского, вредителя и засланца японского, пытавшегося сорвать госзадание по экспорту сибирской сосны, лишив страну валютных поступлений. Подробности об этом вопиющем случае Макар узнавал из газет и старался использовать его в своих лекциях как наглядную иллюстрацию, чтобы люди ни при каких обстоятельствах не теряли бдительность, даже когда отправлялись в лес за грибами, за ягодами или же просто так, бабочек на лоне природы половить. Из бабочки выйдет гусеница, а вдруг это тот самый злостный вредитель и есть?.. Выступления Макара все слушали с интересом, а сельповские ларьки даже получили солидную выручку от продажи сачков – всем вдруг захотелось обезвредить как можно больше порхающих мотыльков.

После той таёжной командировки лектору Рабземлеса часто виделась во сне бывшая идейная гражданка Тутукина. Порой он даже не хотел просыпаться – до того всё было благостно и хорошо в их отношениях, и внутри Макара всё так и бурлило, kloкотало, что он готов был кружить перед Марией, как это делает завсегда воркующий голубок возле сизой голубки...

Вряд ли это была платоническая любовь, необходимость которой Макар когда-то пропагандировал на публичных лекциях. В том красивом сне он предлагал Марии руку и сердце и сильно переживал, что не сделал этого ещё тогда, в Починке.

Просыпаясь, Макар всё же ругал себя за оппортунизм, делая это исключительно по рекомендации сочинителя Платонова, но сны становились регулярными и настолько навязчивыми, что лектор решил обратиться за консультацией в Академию непрерывной молодости. Всё-таки организация имела широкий профиль и уже выходила на международный уровень по линии МОПРа – хитрой структуры, оказывавшей помощь борцам революции за рубежом. (В параллельных мирах МОПР хотели упразднить, но засекреченный покровитель не дал этого сделать, чтобы сохранить для иных времён, отправив из тридцатых годов двадцатого века в следующее столетие.)

Доктор Сонов, который в некотором роде тоже был пропагандист, поскольку продвигал в жизнь новые врачебные методики, посочувствовал коллеге и бывшему слушателю, а предложил единственно верный способ: мол, сходи-ка ты в баню.

– Дорогой товарищ Ганушкин! – учил его Сонов. – Послушай, что я тебе скажу: если в бане паришься – значит, не состаришься...

Фасад и интерьер коммунальной бани на улице Песочной был разукрашен любительскими изображениями в честь французов и истинного места их пребывания. Тут был и Людовик XVI, и Мария-Антуанетта, коим безжалостная гильотина отрубила головы, и сам Наполеон Бонапарт – когда уносил ботфорты под Березиной. Хорошо вписалась в предбанник мужского отделения именитая Свобода, разодетая совсем не для баррикадных сражений, хотя тоже, в общем-то, для типично уличных дел, затеваемых иногда хмельными матросами в головных уборах с помпончиками.

Но главными героями стали, разумеется, парижские коммунары – революционный праздник в их честь, официально вписанный в мартовский календарь, триумфально вышагивал по всей стране. Тогда какие претензии к бане?

Макара поместили в кедровую бочку, где дурманяще пахло полынью и чабрецом: запах этих трав вызвал у ветерана Рабземлеса невольные воспоминания о том, как чудесно он провёл лето, внедряя в колхозную жизнь ноу-хау любви. Борщевик лишь не вписывался в общую канву, хотя он тоже пахучий, когда цветёт...

От горячей воды, куда почти с головой окунулся лектор, исходил пар, и, расслабленный сполна, Макар ожидаемо погрузился в лёгкий сон, как и прописывал доктор Сонов. Рядом с бочкой дефилировала Мария, ставшая для Макара очередной загадкой. Или же это сама Свобода, не спросив разрешения у музейщиков Лувра, сошла с полотна Делакруа, или же Мария Тутукина только что вышла из парной, как некогда Афродита из пены морской...

Для полноты ясности нужно сказать ещё и о том, что почётного лектора Рабземлеса в рекомендованном бочонке посетили слуховые галлюцинации, никак не предусмотренные методикой доктора Сонова. Макар явственно слышал, что кто-то в вестибюле сочным меццо-сопрано напевал «Марсельезу», предварительно купив в кассе на завтрашнюю пятницу помывочный билет.

Сами думайте для чего!

Сергей БЕЛАЯР

Беларусь, г. Брест

Родился в г. Бресте (Республика Беларусь) в 1978 году. С отличием окончил Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (2003). Автор сборника фантастических рассказов «Щит Персея» (2018) и сборника научно-фантастических рассказов «Расследаванні інспектара Сарвы» (2018). Печатался в журналах, антологиях и сборниках Беларуси, России, Польши, США, Украины. Лауреат множества конкурсов, в т.ч. литературной премии Брестского областного исполнительного комитета им. В. Колесника, республиканского конкурса фантастического рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси», конкурса фантастического рассказа «Удивительное рядом, но...» Новокузнецкого городского клуба любителей фантастики «Контакт», VI Открытого республиканского литературного конкурса «Крымское приключение-2021», конкурса остросюжетного рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси».

ТРАНС (ДЕ) ГУМАНИЗМ

Фантастический рассказ

Старик не понравился Коммунару сразу. И было сложно сказать, что конкретно разбудило ненависть: то ли замшелый патриархальный костюм, то ли «элитная» трость, то ли тошнотворная расистская правильность черт. По правде говоря, это не имело значения – шарп-скин видел перед собой врага.

– Ты чего? – озадачился Бык после длинной и громкой отрывки, заставившей ворон с карканьем взлететь с каштана. – Пиво не пошло?

– Глянь, – помрачневший Коммунар сдавил горлышко бутылки до меловой белизны кожи.

– Старпёр какой-то, – ценой немалых усилий хмельной Бык всё же сфокусировал взгляд на старике, который мирно прохаживался вдоль решётчатого забора городского парка. – Чего напрягся? Тут же мощехранилище рядом.

– Фашня! – скрипнул зубами Коммунар. Ненависть разгоралась как лесной пожар.

Теперь уже вся банда зацепилась глазами за старика.

– For fuck's sake? – в вопросе Быка слышалось удивление. Он и трезвый не блистал умом, зато в драке стоил троих.

– Фашня! – подкожные силиконовые рога-импланты напоминали о себе всякий раз, когда кровь прилиwała к голове. А сейчас она ударила молотом.

Бык никогда не позволял себе сомневаться в правоте вожака, однако сейчас Быку почему-то вздумалось отыскать связь между причиной и следствием. Это разозлило ещё сильнее – Шерлок Холмс fucked up!

– Этот пень?

Не говоря ни слова, Коммунар отшвырнул в можжевельник почти полную бутылку пива и решительно направился к дыре в заборе. С каждым шагом ненависть усиливалась.

С опозданием Бык затопал подкованными «Мартенсами» вслед за бандой, которая оживилась в предвкушении развлечения.

Старик не испугался даже после того, как Коммунар злобно пророкотал:

– Стоять!

– Это вы мне, молодой человек? – несмотря на очевидные старания, старик всё же поморщился. Эта реакция на биомодификации разозлила Коммунара ещё больше. Кулаки в татуировках и со скарификацией в виде аббревиатуры SHARP сжались сами по себе.

– Не нравится прогресс? – пролязгал Коммунар.

– Прошу прощения? – растерялся старик. Ему б бежать без оглядки, запереться в своей крысиной норе, забиться под вонючее одеяло...

– На уши долбишься, twat? – вскипел Коммунар.

– Извините за непонимание, молодой человек. Просто вы сформулировали вопрос недостаточно чётко. И вы должны сделать скидку на мой в...

– Я что – дебил? – Коммунар машинально отметил, что банда привычно отрезала жертве путь к бегству. Улица, всё глубже погружавшаяся в сумерки, была пуста в обе стороны.

– Разве я дал повод думать так? – ужаснулся старик. Он по-прежнему не ощущал страха. В огонь злости полетели ещё несколько сухих поленьев.

– Не хочешь, motherfucker, чтобы мир стал лучше? – Коммунар был втрое шире в плечах и на две головы выше.

– Не понимаю, о чём вы говорите, – старик перевёл беспомощный взгляд на Быка в надежде на объяснение. Бык осклабился: суть того, что делал вожак, была не важна. Бык знал, как бить, чтобы больнее. И этого умения ему было вполне достаточно.

– Рассчитываешь, что светлого будущего для всех никогда не будет?

– Коммунар встал к старику вплотную. Тот попятился, но натолкнулся на Чучхе.

– Извините.

– Или хочешь всё счастье себе одному? – Коммунар снова встал к старику нос к носу.

– Я...

Коммунара совершенно не интересовал ответ старика – никакие оправдания от врага не принимались априори. И милосердия враг не заслуживал.

Кулак Коммунара врезался в челюсть старика. Под аккомпанемент хруста кости тот повалился на землю. И вся банда стаей голодных гиен накинута на него.

– Fucknugget эгоист! – взревел Коммунар. – Другие тоже хотят жить, как им хочется! Без pissed диктатуры!

Если от первых ударов ботинками со стальными мысами старик ещё пытался как-то закрыться руками, то все последующие приходились уже на дёргающееся тело.

Пинок следовал за пинком, однако ненависть не убывала. Из-за таких вот паскуд, как fuckbucket старик, мёртвой хваткой вцепившихся в навязанную и нетолерантную к альтернативе «нормальность», идиллия никак не наступала.

– Каждый должен решать сам! – со сплит-языка срывались тяжёлые капли слюны, и Коммунар сожалел, что это не яд. Вот было бы здорово – плюнул гадине в лицо, и она сдохла в жутких муках.

Старик не умолял остановиться. Не орал, что ему больно. Не плакал от бессилия. А едва различимые стоны могли быть всего лишь движением воздуха в лёгких.

– Будущее – за гибридами! – Коммунар пропустил момент, когда ему показалось, что пинков недостаточно. Иные ретрограды – упёртые тугодумы. Вправлять мозги таким нужно с двойным усердием.

Коммунар схватил лакированную трость и начал остервенело охаживать старика, не выбирая, куда бить, раз за разом повторяя:

– Моё тело – моё дело!

Старик больше не стонал. Но Коммунару всё было мало – слишком много говна накопил старый белый мир.

– Коммунар, стой! – Бык врезался в Коммунара и стиснул в объятиях. Даже будь они дружескими, Коммунар возмутился бы:

– Какого dick?

– Убьёшь человека же!

– Что, bitch? – не ослышался, как того хотелось бы. Как должно быть.

– Хватит, Коммунар! – Бык был сильнее. И отрезвел, пусть и налакался сильнее других. – Ты забьёшь его до смерти!

– Ты назвал фашистского dipshit человеком? – ледяным голосом уточнил Коммунар. Ненависть лопнула как воздушный шар. Однако остались совсем не клочья.

– Прекрати! – впервые потребовал Бык. – Ему больше не надо.

– Вот даже как? – удивился Коммунар и скосил глаза на старика. Тот напоминал марионетку, потерявшую кукловода. И лицо этой марионетки заливала кровь. Её было много – будто целое ведро выплеснули.

– Он же коня двинет! – Бык боялся. Тоже впервые в жизни. А ведь был первым в драке с полицейскими. Даже противоударный щит у одного отобрал.

– Хочешь жить в совершенном мире, однако не хочешь испачкать руки при его строительстве? – остальная банда держалась в стороне. От адреналинового опьянения не осталось и следа. И Чучхе выглядел пришибленным. – Защищаешь врага...

– Нет, – помотал головой Бык.

– ...который тебя самого со всеми твоими боди-вставками не пожалеет. Ты для них – отклонение от asshole нормы. Брак. Биологический мусор.

– Нет же, – повторил Бык.

– Или ты только делаешь вид, что борешься за светлое будущее? – тот, кто не знал Коммунара, мог подумать, что и ему знаком ложный гуманизм общества с давным-давно истёкшим сроком годности. – Или, быть может, тебе нравится жить под тоталитарным сапогом?

– Я на мокруху не подписывался, – Бык нервно облизнул губы. На исключительном узком лбу крупными каплями выступила испарина.

– И вы тоже? – шарп-скины молчали. Даже радикальный Чучхе. И каждый опускал голову, боясь встретиться взглядом с вожаком. Разочарование больно кольнуло под сердце. – А потом ещё удивляетесь, почему мир такой дерьмовый... Цель оправдывает средства.

Мощного удара лбом в переносицу Бык не ожидал. И ослеп от боли и крови. А Коммунар от всей души въехал ему коленом в промежность. Когда Бык упал, ударил ещё и тростью по голове. И немало удивился, когда трость сломалась пополам.

Банда прыснула во все стороны. Однако не от полиции. Коммунар презрительно сплюнул и проводил выпендрёжных трусов выставленным средним пальцем. Не жалко совсем: из руды – или сталь, или шлак.

– Ты, asshole dicksucker, на готовое хотел прийти? – Коммунар приподнял голову Быка за стальной тоннель в ухе. Ответа от контуженного товарища не последовало, и Коммунар в злости ударил Быка головой о землю. Затем ещё раз. И ещё. Не жалея. – Рай ещё нужно заслужить!

– Остановитесь... молодой человек... – фраза стоила старику большой цены. И пары выбитых зубов. Ими старик чуть не подавился.

– Чего тебе, pissed Übermensch? – к удивлению Коммунара, старик вызывал в нём меньшее бешенство, чем Бык. Предатели должны умирать первыми: фундамент ценен монолитностью.

– Попадёте в свою мечту... в обмен на то... что оставите этого человека... в покое.

– Что за bullshit ты несёшь, старый fag? – ненависть вновь дала всходы. И на этот раз остановить Коммунара будет некому.

– Отправлю вас... в желаемую... реальность... – рука не слушалась: ажурный шар размером с три четверти бильярдного выпал из кармана жилета сам. – Только не... бейте его... Пожалуйста...

Коммунар выпустил голову Быка и поднялся. Шар выглядел ценным. Он и должен быть дорогим – старик производил впечатление состоятельного человека. Такие просто обязаны таскать при себе неприлично дорогое дерьмо. Как там Чучхе говорил? Noblesse oblige.

Наверняка серебро. Лучше б платина – в ломбарде больше дадут.

– Берите... и живите... чем мечтаете...

На одного «отбитого» больше стало. Не беда. А деньги никогда лишними не будут – можно очернить себе кожу. Или просверлить череп. Или...

– Мой трофей, – Коммунар не допускал и мысли принять от врага дар. И помнил о бдительности: враг не дремлет. – Это что за asshole?

– Реализатор... Делать... ничего не... нужно...

Старик очевидно пытался купить Коммунара. Ещё больший идиот, чем выглядел. Коммунар заберёт всё, что посчитает нужным. Остальное – демонстративно растопчет. А врага – в расход. Бык, bastard, – «лось» ещё тот: долго без сознания валяться не будет. Не на своём же горбу тащить труп.

Мысль об первом убийстве Коммунар принял легко – устал уже от игрушечной «герильи». Однако как следует оформиться мысль не успела: осенние сумерки сменил солнечный летний день, городская окраина стала центром мегаполиса, старик и Бык исчезли.

Коммунар захлопал глазами: всё изменилось за какую-то секунду, без каких-либо внешних эффектов. И пива под «траву» Коммунар выпил даже меньше обычного.

Коммунар стоял посреди огромной площади, над которой нависал...

Губы Коммунара расплзлись в торжествующей улыбке – пижонская рухлядь не обманула.

...явный мутант.

Чтобы развеять любые сомнения, монумент был снабжён мраморной табличкой, на которой золотыми буквами значилось «Совершенство».

Бронзовый гигант был не просто памятником. Он символизировал Триумф.

Было чему завидовать – медицина первой четверти двадцать первого века ничего подобного сделать не смогла бы. И архитектура в подмётки не годилась – у Коммунара не нашлось слов, чтобы описать смелый полёт мысли. Такой возможен только в полностью лишённом предрассудков обществе.

– Я знал! – Коммунар почувствовал, как сердце наполняется безмерной радостью. Война против гнилой белой цивилизации была правильным решением. – Мы победим!

Коммунар горделиво расправил плечи. То, что шарп-скин оказался в Раю, являлось несомненным признанием заслуг Коммунара: не зря пускал в ход кулаки и ботинки.

– Да, fucking shit! Да!

Несколько прохожих обернулись на сверхэмоциональный возглас. И уже за одно то, что ни один типаж нельзя было связать с тёмным прошлым, стоило делать больше, чем ломать кости и пробивать черепа. С малой крови улучшение людского рода только-только начинается.

Коммунар был готов пуститься в пляс: именно такие, как он, – свободно мыслящие, ещё более вольно распоряжающиеся своим телом, безжалостно выдирающие трухлявые ядовитые корни тёмного прошлого, стали альфой единственно истинной эволюции. И плевать, откуда у старого хрена шар. Врата Рая распахнулись перед тем, кто заслужил этот самый рай. Даже проверять нет нужды – только б дали пистолет и указали, кто враг.

Коммунар был уверен в твёрдости руки.

Кроваво-красный бронетранспортёр с надписью золотом по борту «Милиция», вынырнувший из переулка, имел агрессивный дизайн. Именно такой и должен нагонять страх на тех, кто не способен принять счастье.

Повсеместные камеры видеонаблюдения заставляли подозревать, что прибытие Коммунара не осталось без внимания. Однако милиционеры приехали совсем по другой причине: генетически модифицированные горожане, попавшие в поле зрения экипажа, замерли столбами с раскинутыми руками. Смысл действий горожан стал понятен уже спустя несколько секунд: в руках одного из закованных в броню милиционеров появился портативный сканер.

Заинтригованный, Коммунар подошёл ближе. Прибор не имел никакой маркировки – лишь дисплей светился множеством разноцветных огней.

Паспортный контроль. Ничем другим знакомая по старому миру процедура быть не могла.

Однако с поправкой на развитие науки – Коммунар явственно различил двойную спираль ДНК. И одобрительно кивнул: база данных всех горожан исключала внедрение вражеских агентов. А те, судя по часто пульсирующему рубиновым сигналу, поголовного осчастливливания не желали.

– Статичный ген! – предупредил милиционер с портативным сканером.

Мужчина средних лет, на котором остановилась проверка, закричал не своим голосом:

– Я улучшенный! И сертификат есть!

Сомневаться в модификации не приходилось – шестой размер двух пар женских грудей говорил сам за себя.

Горожане шарахнулись от соседа как от прокажённого. Милиционеры действовали как единый механизм: Коммунар не успел и глазом моргнуть, как мутанта швырнули на мелкоштучную плитку.

Коммунар ухмыльнулся – так и надлежит поступать с врагами. А кто другой станет цеплять на себя муляж? Крайне реалистичный, следовало признать. Милиционеры не церемонились.

Располагать возможностью стать лучше, не распорядиться ей мог лишь противник прогресса.

Коммунар поймал себя на мысли, что поступил бы точно так же, как и офицер – старший экипажа выдернул из набедренной кобуры многоствольный пистолет и разрядил его в лицо врага.

Голова псевдомутанта лопнула, оставив круглый нимб из крови, ошмётков мозга и кусков черепа.

– Fucking cool! – вот это следовало называть борьбой, а не детские драки с недоумками, не способными выйти за рамки.

Коммунара наконец заметили – милиционер с портативным сканером повернулся к шарп-скину. И сразу поднял тревогу:

– Нетронутый геномный профиль!

Перед смертью Коммунар успел сделать только две вещи: пожалеть о том, что не остался в прошлом, таком уютном и тихом, и обмочиться от страха.

СОКРАЩЕНИЕ ШТАТА

Фантастический рассказ

Распоряжение как можно быстрее явиться в кабинет начальника Денис Кирилюк получил, ещё даже не успев толком приступить к выполнению служебных обязанностей. Компьютер только начал загружаться, а громкоговоритель на стене простуженным голосом велел инженеру предстать перед Дзюбой.

Никогда раньше Кирилюка не вызывали к начальству в начале рабочего дня, и это стало поводом для раздумий о том, что могло послужить причиной. Нарушений у инженера не имелось, работа шла строго по плану, графики выдерживались, срочных изменений быть не должно...

Привыкший беспрекословно выполнять распоряжения вышестоящего руководства, Кирилюк направился к кабинету Дзюбы.

Наташка – секретарь-референт начальника – что-то ловко и проворно набивала на клавиатуре, высунув от усердия язык, украшенный шариком пирсинга. Точно такие же, но побольше, украшали брови и ноздри девушки. Наверняка были и ещё, однако инженер стеснялся спрашивать.

На приветствие Кирилюка Наташка кивнула и указала рукой на двери кабинета. Мол, заходи, тебя ждут.

Инженер глубоко вдохнул и постучал в обитое дорогой кожей полотно.

– Входите! – донеслось из-за закрытой двери.

Кирилюк шагнул в кабинет.

Дзюба сидел за массивным столом и с видом сильно занятого человека перебирал какие-то бумаги. При появлении инженера начальник недовольно оторвался от своего занятия, глянул на подчинённого, а затем сказал:

– Присаживайся!

Кирилюк мягко опустился на стул и весь превратился во внимание.

Несколько мгновений Дзюба молча рассматривал инженера, затем начал:

– Я вот зачем тебя позвал, Денис. Вчера мне принесли квартальный отчёт о данных по выпуску продукции и полученной прибыли. Получается, что себестоимость растёт, а вместе с ней увеличиваются и незапланированные расходы. С моей подачи аналитический отдел разобрал ситуацию и пришёл к весьма неутешительному выводу – нам необходимо сокращать штат, если мы хотим выполнить спущенный на нас план...

Кирилюк почувствовал, как в сердце кольнул неприятный холодок, хотя поводов для волнения быть не должно.

– Нашему цеху необходимо избавиться от одного человека... – начальник выдержал паузу, как будто морально настраивая инженера на неприятности, после чего закончил: – И этот человек – ты.

– Я? – машинально переспросил инженер, решив, что ослышался.

– Ты, – Дзюба замолчал, давая возможность Кирилюку «переварить» его слова.

Смысл сказанного не сразу дошёл до инженера. Затем глаза Кирилюка полезли на лоб. Инженер переспросил, словно надеясь на то, что его разыгрывают:

– Я?

– Да, – подтвердил начальник. – Поверь, мне было чрезвычайно трудно принять это решение, но другого выхода у меня нет.

Кирилюк ослабил узел галстука и с трудом протолкнул в пищевод неожиданно вставший в горле комок.

Как же так?

Инженер и в страшном сне не мог даже подумать, что его, отдавшего предприятию почти двадцать лет, могут вот так просто вышвырнуть на улицу. Подобный вариант совершенно не укладывался в голове.

– Простите, Фёдор Викторович, но почему именно я? – не своим голосом выдавил Кирилук. – У меня же нет ни одного нарушения или замечания. Я качественно выполняю свои служебные обязанности, проявляю инициативу. Член профсоюза...

– Да знаю я, – отмахнулся Дзюба. – И то, что ты любящий отец, и то, что хороший муж, и то, что прекрасный специалист и ответственный работник.

– Тогда почему? – спросил инженер, лихорадочно пытаюсь понять логику начальника. Не получалось.

– Понимаешь, Денис... – Дзюба пожевал губами. – Мы живём в весьма сложное время. Противоречивое, я бы даже сказал... И не всегда мы делаем то, что нам нравится, поступаем так, как хочется. К сожалению, ситуация сложилась таким образом, что кроме тебя, мне больше некого уволить.

– Но, Фёдор Викторович... – попытался было возразить Кирилук, но Дзюба не дал ему договорить:

– Я знаю, что ты хочешь сказать мне, Денис. Что в нашем цеху хватает бездельни... то есть личностей с недостаточной мотивацией, что любого из этой категории можно без особого вреда уволить...

Инженер молча кивнул.

– ...но всё так просто, как кажется на первый взгляд. Я не могу уволить ни Адама Харриса, поскольку он – личность с неортодоксальной сексуальной ориентацией, а мне проблемы с лигой их защиты не нужны. Ни Емеку ДаМаркуса, по причине того, что он – персоне с интенсивно выраженной пигментацией кожи, да к тому же бывшая социально изолированная личность. Только идио... то есть альтернативно одарённый станет чинить препятствия социальной реабилитации этически дезориентированной персоне. Пусть он и никогда не работал ни руками, ни головой. Я не могу выгнать Карена Иваняна, ведь он – инакоспособный. Останется и Януш Жибуля.

– Поскольку он – личность, преодолевающая трудности из-за своих горизонтальных пропорций? – кисло осведомился Кирилук, вспомнив весящего больше ста восьмидесяти килограммов научного консультанта.

Надежды на то, что произошла ошибка или досадное недоразумение, таяли как дым. Настроение железнодорожным экспрессом несло к нулевой отметке.

– Верно, – без тени улыбки заверил Дзюба. – Я не вправе распрощаться и с Васёной Днягуновой. Именно в силу того, что она – личность с альтернативным восприятием. Не в моей компетенции выгнать

и Эдиту Охремчук... Представляешь, какой вой поднимется, в случае, если я уволю феминистку? Да она затаскает меня по судам!.. Под увольнение ни в коем случае не попадёт Фарида Глужштейн. Мало того что она испаноговорящая женщи... тьфу ты! Я хотел сказать вагинальная личность, так ещё и мусульманка! Прикидываешь, что сделают со мной правозащитники, решив, что я выступаю против чужих религиозных убеждений? Я уже не говорю о Раде Юченко – пренетально эксплуатируемой персоне. Ей рожать через полгода! Хочешь, чтобы я провёл остаток своих дней за решёткой?

– Не хочу, – заверил инженер, проработавший с Дзюбой больше двенадцати лет и уважающий начальника за его деловые и человеческие качества.

– И я не хочу. А попаду, если трону её... Как и Вилли Каасика. Не хватало только, чтобы Фонд защиты и опеки стари... хронологически одарённых персон обвинил меня в дискриминации по возрастному признаку. Забудь и о Майке Сосновицком. Знаешь, какое лобби в правительстве у личностей, ориентированных на физическую любовь к персонам с хронологическим потенциалом? Даже эту пьянице... ой... личности, предпочитающей спиртосодержащие жидкости, Сьюзи Алишутиной я не в состоянии указать на двери. Я – толерантная личность и не смею выступать против Закона. Я чту Конституцию, а в ней сказано, что любой, вне зависимости от убеждений, пола, национальной и этнической принадлежности, расы, конфессии, образования и прочих особенностей имеет равные права и возможности.

– А как же я? У меня жена и двое детей, – напомнил Кириллук, которого тяжёлая могильная плита, опустившаяся на плечи, всё сильнее вдавливалась в стул. – Я ведь тоже имею права. Я – человек и гражданин.

– Не детей, а личностей с хронологическим потенциалом! – поправил Дзюба. – Сам знаешь, что это в нынешние времена не даёт никаких привилегий. К тому же ты сам, пусть и с половым партнёром...

– Женой! – с нажимом уточнил инженер, который рисковал вот-вот быть накрытым серой волной безысходности.

– Пусть! – не стал спорить начальник. – Сам ведь воспитываешь, а не передал их на попечение государства, как это делают остальные пары... Да, и посмотри на себя.

– А что не так? – удивился Кириллук.

– Светлые волосы, голубые глаза, симметричные черты лица, отсутствие физических недостатков при высоком росте... Знаешь, кто восторгался таким типажом?

Инженер утвердительно качнул головой. Университетское образование позволяло без труда ответить на вопрос начальника. Хотя,

какая связь существовала между диктатором середины XX века и стремительно рецессирующей внешностью, инженер не понимал.

– Ты – белый, – тем временем продолжал Дзюба. – Не личность с неабсолютной уравновешенностью, персона с ортодоксальной сексуальной ориентацией, не имеющий проблем с законом, не курящий и не употребляющий наркотики, не состоявший в сектах, никогда не отличался альтернативной логикой. Разве с таким набором характеристик ты можешь рассчитывать на поблажку?

Кириллук скрипнул зубами. Кулаки сжались сами по себе. Начальник прав – в новом мире у Кириллука не было и не могло быть никаких предпочтений. Более того – станешь их требовать, рискуешь оказаться обвинённым в расизме, шовинизме, сексизме и прочих, не менее противных и грозящих длительным тюремным заключением неpolitкорректных «измах». Список длинный.

– За тебя и твою семью заступиться просто некому... Да и не могу я игнорировать пожелания Комитета толерантности. Мне дорога моя должность. Так что не обессудь.

Инженер всё прекрасно понимал. Дзюба не мог выгнать никого из тех, кого раньше без зазрения совести называли извращенцами. Для начальника это было равнозначно подписанию себе смертного приговора.

– А, если я стану другим? – выбросил последний козырь Кириллук, хотя сама мысль о том, чтобы вывернуть себя наизнанку, приводила инженера в ужас.

– Я слишком хорошо тебя знаю, Денис, – помотал головой Дзюба и печально улыбнулся. – Ты не сможешь изменить своей природе. Ты – человек тёмного прошлого. Тебе нет места в светлом толерантном будущем!.. Так что получай расчёт и прощай.

Александр ЛУКЪЯНОВ

Эстония, г. Таллин

Родился на берегу Баренцового моря в посёлке Сеть-Наволоок Мурманской области. Закончил планово-экономический факультет Ленинградского финансово-экономического института и Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Экономист, социолог, публицист. Работал внештатным корреспондентом республиканских газет, на предприятиях, в вузах и в НИИ труда. С детства живёт в Эстонии, в Таллине. Служил в муззвезде г. Мары, Туркмения. Автор музыки и слов полковой песни. Автор многих научных и научно-популярных публикаций, очерков о людях труда. Основатель (1992) издания в Эстонии на русском языке и главный редактор серии книг и учебных пособий по экономике и управлению, сборников трудов преподавателей русскоязычных вузов, автор статей и редактор историко-биографических сборников о выдающихся русских жителях Эстонии (2016-2023). Автор ряда литературных произведений, очерков и стихов, опубликованных в России в журналах «Симбирск», «Белая скала», альманахе «Параллели», в газете «Литературный Крым», победитель и дипломант Всероссийских литературно-художественных конкурсов 2020-2022 гг. в Самаре и Калуге, автор сборника стихов «По реке жизни».

Мелодии осени

Снова осень, красавица осень,
Златокудрая радость моя,
Как хозяйка по городу бродит,
Разрешенья у нас не прося.

В прядях золота наши берёзы,
Раскраснелась клёнов листва,
Краски яркие выбрала осень,
Нас порадовать ими пришла.

В небе северных птиц караваны
Потянулись в края, где теплей,
Мы, дороги им лёгкой желая,
Машем вслед: «Возвращайтесь скорей».

Дни короче, а ночи длиннее,
Это осень вступает в права,
Ей не надо на всё разрешений –
Ведь хозяйка сегодня она.

Белочка в гостях
(невыведанные истории)

Мы проснулись среди ночи,
Испугалась жена:
Кто-то в доме нашем ходит,
Слышишь, снова пробежал.

Быть не может, не поверил,
Ведь у нас этаж шестой,
Может, птичка залетела
В приоткрытое окно?

Нет, опять как с пулемёта
Прокатилась дробь шагов,
Значит, всё же в гости кто-то
Пред рассветом к нам зашёл.

Поднимаюсь, надо встретить,
Вдруг какой нежданный гость –
На окошке в кабинете
Незнакомки пышный хвост.

Боже. Белка. Как забралась?
Всё-таки шестой этаж.
Подожди, ишь, заметалась,
Погости теперь у нас.

Ждать не стала, испугалась,
По квартире на балкон
Гостя в три прыжка промчалась,
Затаилась за углом.

Подхожу, сидит в простенке,
Там у нас местечко есть,
Предложил кусочек хлебный,
Чтобы выманить скорей.

Как сказать ей, ты не бойся,
Не обидят здесь тебя,
Хлеб отведай, успокойся –
Жаль, не знаем языка.

Нет, сидит, испуг в глазёнках
И не хочет вылезать,
Открываю шире окна –
Пусть уходит, как зашла.

Затворяю дверь балкона,
Разберётся, как ей быть,
Час, другой за ним проходит –
Гостя там же всё сидит.

Солнце ввысь уже поднялось,
Белка вышла на балкон,
Нас увидев, заметалась,
Пулей ринулась в окно.

Жаль не видел, как летела,
Распушив по ветру хвост ...
Сколько вниз бы не смотрел я,
Белки не было следов.

Язык наш русский – это мы

Как много в мире языков,
Больших и очень малых,
Тех, чьих носителей всего
Чуть-чуть уже осталось.

Ушли в преданья без следов
Сарматы и хазары,
Мещёра, мурома народ
Язык твой переняли.

Тебе ж судьбой предрешено
Вести народ великий,
Растить наследников его
Достойными России.

Я тоже сыном её стал
И рос в твоих объятьях,
Вникая в тайны языка,
Слов музыки звучанья.

И как хотелось мне тогда
Сказать скорее «мама».
Слова за нею повторять,
Свой слог и речь слагая.

С тобою в школьные года
Писать, читать учился,
И ты мне жизни открывал
Всё новые страницы.

Познал и много языков,
Гортанных и певучих,
Что правда, каждый был неплох,
Но русский наш был лучшим.

В различных странах видел я,
Как их народы свято
Язык свой собственный хранят,
Чужим не извращая.

А русский мой, стал думать я,
Почти как беспризорный,
Себя коверкать позволял
Вливаньям чужеродным.

Нам скажут, в том плохого нет,
Да враг наш понимает:
Язык – оружие в войне,
И надо – применяет,

Находит тех, кому милей
Чужой язык и страны,
Кто платья чуждые надев,
Родным пренебрегает...

Простые мысли мне пришли,
Как и другим в России:
Не дать язык наш покорить
Лукавым вражьим силам.

Язык мой русский – это я,
Моей души живинка,

Живёт язык – живёт душа,
Ведь он – её хранитель.

Язык наш русский – это мы,
Мы вместе, млад и старый,
Пока мы все его храним –
Живёт Россия наша.

Сынок, ты русский?

Сынок, ты русский, я гляжу,
А мы из-под Рязани,
Вот внучку к дочке отвожу
И по Москве гуляю.

Похоже, умный ты, в очках,
Скажи крестьянке бедной,
Ужель в столице чтот не так,
Что шаг, то чужеземцы.

Зашла купить себе билет
И внучке, значит, тоже,
А мне в ответ: а вам кешбек,
Тебе и ей положен.

Как будто дурочку нашёл,
Знакомы эти штучки,
Себе кешбек пусть заберёт,
Подружкам дарит лучше.

А про еду совсем комедь,
Как внучку покормила,
Хотела так она бюргель –
Я гель ей и купила.

Иль вот, на радио на днях
Начальник, видно главный,
Какой-то драйв опять поймал,
То ли болезнь, то ль травму.

О том сказал на всю страну,
Мне даже стало жалко,

И лет немного ведь ему,
А хворым оказался.

Про паркинг лучше помолчать,
Пошли как в парк культуры,
Охранник как погнал назад –
Бежали как две куры.

Ты мне, сыночек, объясни,
Откуда эти люди,
Совсем не русские они?
Иль что-то в них от дури?

Не может русский ведь вот так,
Чему и поражаюсь,
Чужим всё кланяться словам,
Как будто хуже наши?

Хотел я было промолчать,
Как за Москву ответить?
«Да нет, свои», – всё же сказал, –
«Да в головах их ветер».

В памятном 91-м

Я из России не бежал –
Она ушла, нас здесь оставив,
Ушла, доверилась плутам,
Тем, кто тогда её предали.

Предали, бросив россиян,
И земли предков раздали,
Чужими сделав нас в краях,
Что исстари Россией были.

Как горько это вспоминать,
И время здесь не помогает –
Едва притихнет боль утрат,
А память вновь к ним возвращает.

Ведь я душой остался в ней,
В моей обманутой России,

И больше прежнего хотел
Её державой видеть сильной.

И каждый шаг такой её
На сердце как бальзам на раны:
С колен Отечество встаёт –
И затихает боль утраты,

И очень хочется сказать,
Забыв про горечь расставаний:
«Горжусь тобой, моя страна,
Ведь сердцем мы с тобой остались».

Белый лебедь

Над заливом небо голубое,
Лёгкий ветер над водой летит,
Белый лебедь в приутихших волнах
Одиноко плавает вдали.

Не спешит сегодня никуда он,
Нет подруг-товарищей вблизи.
То ли он решил их всех покинуть,
То ли от него они ушли.

Одинокий лебедь на заливе
Как кораблик парусный вдали
По волнам плывёт в родной стихии
И ему другие не нужны.

Не гадаю, что с ним приключилось,
Он, наверно, знает, что к чему,
Человек нередко тоже ищет
Как и где остаться одному.

Над заливом небо голубое,
Сереблятся всплески лёгких волн,
Словно в думы птичьи погружённый
Тихо лебедь по волнам плывёт.

Наталья РОМАНОВА

г. Москва

Публиковалась в газете «Мы и мир», журнале «Мост в будущее» и сборниках "Русь моя 2021", "Дорогами войны", "Алиса-2021", "Новогодний сундучок чудес", "Наследие", «День поэзии» (вошла в топ рекомендаций от редактора), «Родина», «В контакте с Пушкиным», «Добрые записки», «Мифы и герои», «День и ночь поэзии», «Антология русской литературы 21 века», «100 стихотворений любви». Номинирована на премии "Поэт года", "Русь моя" и "Наследие", награждена медалью С.Есенина. Лауреат премии "Блажен, кто веры был блюститель" 2022. Дипломант конкурса "Во славу России" 2022. Лауреат конкурса VOZрождение Родины"2023. Награждена ДИПЛОМОМ ЖЮРИ Международной Литературной Ассоциации (МЛАТТ)/International Literary Association "Creative Tribune" (ILACT)2023

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Зверем раненым по полям туман,
Сонный рыжий шар к лесу клонится.
Расписным ковром пижма и бурьян.
Выйду я босой за околицу,
Прикоснусь к земле, да сожму в кулак.
И вдохну ее, солнцем полную:
Ты прости меня, если что не так,
Не суди меня, бабу темную.
Скоро лягу я, как и весь мой род,
В этом крае с ручьями чистыми.
Здесь моя душа снова прорастет,
Чтоб весной шелестеть листьями.

РУСЬ

Скатерть пышно расстилает
Синеокая зима.
Вся деревня затихает,
Сонно щурятся дома.
Тонкой струйкой прямо в небо
Печки-матушки дымят,
Крыши мягким теплым пледом
Укрывает снегопад.
Чу! Не скрипнет ли знакомый
Каблучок в вечерней мгле?
Сердце сладостной истомой
Бьется птицею во мне.

Стукнет вороной копытом,
Я гляжу, сморгнуть боюсь,
Как тоскует о забытом
Покосившаяся Русь.

РУСАЛКА

Где луна черепаховым гребнем
Чешет пряди душистой травы,
Есть валун одинокий и древний
Среди звезд и ночной синевы.
Там русалка с чарующим взором,
В робком свете горя чешуей,
Кружевные рисует узоры,
Водит пальцем над влажной землей.
И плоды наливаются соком,
Небывалый в полях хлебород,
Потому что на камне высоком
Дева юная песню поет.
На рассвете лишь белое платье,
Пузырясь, устремится в поток.
И всплывёт на чернеющей глади
Позабытый цветочный венок.

БЕРЁЗКА

Когда Родина снова в дыму,
Сердце душат горячие слезы.
Выйду из дому я и прильну
Лбом горячим да к шелку березы.

Обниму ее гордую статью,
Нежно кудри поглажу ладонью.
Будет ветер тихонько вдыхать
Терпкий запах травы прошлогодней.

Ах, родная, среди кутерьмы
И в минуты волнения сердца
На исходе постылой зимы
Мне позволь на тебя опереться...

* * *

Я женщина, я мать, я белый хлеб.
Я крынка молока с тягучей пенкой.
Я тот изгиб на линии судеб,
Что или в рай, иль на расстрел да к стенке.

Податлива, мягка и весела,
Я оберег, душа, хранительница дома.
Я испокон веков такой была,
И мне иная вера не знакома.

Но не посмей творить кровавых бед
Иль вторгнуться в покои бестолково —
Весь гнев богов обрушится в ответ
В защиту чести и родного крова.

И пусть твоя обида горяча —
Охолонись, умерь свой нрав спесивый.
Я не боюсь ни слова, ни меча.
За мной мой род, за мной моя Россия.

ВЕСНЕ

Осядет снег, проснется сизый лес
И всмотрится глазищами проталин
В лазурь сияющих распахнутых небес.
И вся душа встряхнется и оттает,
И сердце сонный морок отряхнет,
Оковы сбросит, вспыхнет, встрепенется.
И все задвигается, заблещет, запоет
В искристых нитях ласкового солнца.

* * *

Я так долго тебя искала,
Я прошла сотни тысяч миль
И с открытым стою забралом,
Сбросив латы в дорожную пыль.
И бессмысленно лгать и вертеться,
Мол, кто знает, что там, впереди...
Я держу на ладони Сердце —
Забирай его, ты победил.

Елена ГАВРИЛЯСТАЯ

ДНР, г. Комсомольское

Родилась и всю свою сознательную жизнь провела в Донбассе. Никуда не уезжала ни до, ни во время, ни после обстрелов – «совок недобитый», «террористка», «сепаратистка», как сейчас принято называть жителей юго-востока Украины. Номинирована на Национальную литературную премию «Поэт года 2014», «Поэт года 2015», «Наследие 2016», «Поэт года 2016», в 2020 году награждена медалью «Константин Симонов». Автор поэтических сборников «Тополиная метель», «Счастье мое невозможное», «А потом в наш дом пришла война...» и многих публикаций в центральных и региональных изданиях Донецкой Народной Республики и России. Руководитель Творческого объединения «ЛЮПЭС» в Старобешевском районе.

ПРЕДАНИЕ О СЕРЕБРЯННОМ КРЕСТЕ

Основано на реальных событиях и личных воспоминаниях.

У каждой семьи есть секреты, предания.
Об этом сегодня рассказ поведу.
Я вам расскажу о предании давнем –
Хранится такое и в нашем роду.

Истории этой лет сто наберется,
А может больше – неведомо мне.
Из уст и в уста она передается,
От матери к дочери в нашей родне.

1.

В то время родная моя прапрабабка
Совсем еще юной девчонкой была.
Уже было за полночь, девушка сладко,
О «девичьем» сны, видя, крепко спала.

Но сон вдруг какая-то сила прервала,
И комната светом наполнилась вдруг:
Мария с Младенцем у ложа стояла,
И ангелы тихо летали вокруг.

К прапрабабке Дева Мария склонилась,
Рукой провела по ее волосам:
– Тебе будет Божья дарована милость,
Твоим лишь откроется диво глазам!

Запомни: проснувшись, оденься опрятно,
Ни слова не молвив, ступай за порог.
Ты прямо иди, взгляд не бросив обратный,
Пойдешь за село до развилки дорог.

Дойдя до развилки, лицом стань к востоку,
Потом отсчитаешь пятнадцать шагов.
Стань! Левой рукою разрой землю! Помни –
Что ты ничего не должна брать с собой!..

Шепнув на прощанье: «Увидимся утром!»
Исчезла Мария с Младенцем в руках.
Вокруг темнота навалилась внезапно!
Прапрабабку ужас окутал и страх.

Понять не могла: наяву? Или снились
Ей Дева Мария, дитя Иисус?
Во сне ли ей Ангелы с неба явились?
А, может, Нечистого то был искуc?

2.

Лишь утро настало, пошла прапрабабка
Туда, куда Дева Мария звала.
Ну, вот и развилка. А дальше – к востоку
Пятнадцать шагов... Вот до места дошла...

Земля, что асфальт! Не взлетит и пылинки!
Но голой рукой нужно землю копать.
Прапрабабка стала тогда на колени,
Чтоб было удобней наказ выполнять.

И тут же – О, диво! – земля, словно вата,
И рыхлой, и мягкой была под рукой!
Крестом осенила себя троекратно,
И землю копнула разочек-другой.

Вдруг что-то блеснуло под солнца лучами:
СЕРЕБРЯНЫЙ КРЕСТ оказался в земле!
Дрожащими крест доставала руками,
К груди осторожно прижала своей.

Вдруг голос раздался Мадонны с Младенцем:
«Отныне Крестом будешь хвори лечить!
Делиться с людьми ты своим станешь сердцем,
Спасать от невзгод! – дева ей говорит. –

На ручке Креста скоро лик Мой увидишь.
С другой – Иисуса проявится лик.
Молитвы целебные скоро услышишь!..»
И голос исчез так же, как и возник.

3.

Года пролетели, как быстрые птицы,
О знахарке всюду витала молва.
И вскоре народ к ней пошел вереницей,
И нужные всем находились слова.

Моя прапрабабушка юной девчонкой
Молитвами страждущих стала лечить.
На крест намотала обрывок тряпчёлки,
Чтоб Ликам святым, невзначай, не вредить.

Испуги и сглазы на воск выливала,
И порчи выкатывать стала яйцом,
На воске, как в книге открытой, читала:
Что было когда-то, что будет потом...

С Креста лоскуток никогда не снимала,
Лишь новый и новый лоскут всякий раз,
Поверху затертого снова мотала,
И Лики святые скрывала от глаз.

Когда становилось намоток тех столько,
Что Крест удержать уже было невмочь,
Тогда лишь снимали с Креста осторожно
Три или четыре намотки те прочь.

4.

Прабабка моя между тем подрастала.
От матери к дочери Крест перешел.
Их слава по-прежнему не умолкала,
Всем помощь была, кто за нею пришел.

Прапрабабку я не застала, конечно,
Прабабку – и то помню смутно, чуть-чуть.
А бабушка Дуся жила по соседству,
Ведь дальше Креста к ней проложен был путь.

Прабабушка Таня, Крест передавая,
Наказ бабе Дусе суровый дала,
Чтоб о Богородице не забывала,
И в жизни другому не делала зла!

Искусен Лукавый, коварны соблазны,
Как смертному трудно порой устоять!..
Идут не туда, оступившись однажды!
И Дуся решила грех на душу взять.

Считала тогда: отмолить грех успеет,
Что времени хватит – вся жизнь впереди.
Надеялась Дуся, что все же сумеет
Слова, оправдаться за грех свой, найти.

5.

Ничто не сокрыто от Божьего ока!
И Дуся за грех свою кару несла:
Бог дочь ей не дал! Дал Он сына ей только –
Сын стал наказаньем за злые дела.

Беспутную жизнь сын вел – пьянки, разбои,
С законом всегда ее сын не в ладах,
Бесчинства творил, то одно, то другое,
За что за решеткой сидел он тогда.

Надеялась Дуся – ну может быть внучку
Господь ей пошлет хоть на старости лет,
Чтоб Крест передать в ее детскую ручку...
Но время летело, а внучки все нет...

Невестка надежд тоже не оправдала,
И сыну сыночка она родила.
И Дуся огарком свечи угасала.
Ей жизнь становилась порой не мила.

6.

От сына ждать помощи не приходилось.
Душа изболелась – как будет он жить?
К соседке с бедою своей обратилась,
Просила наперсницей Дусиной быть.

Сын мог прокутить похоронные деньги,
В долгах будет сын ее весь, как в шелках.
Она, все же, Мать! Чтоб помочь своим детям,
К соседке с деньгами пришла на свой страх.

Просила сберечь, чтоб помочь потом сыну,
Достойно в последний путь мать проводить.
Покорно ждать смертную стала годину,
А дальше – что станется, так тому быть.

7.

На смертном одре Дуся звала соседку,
Твердила в бреду о каких-то деньгах...
Да только молчание было ответом,
И ждал ее ужас могильный и страх.

Когда, наконец, снизошла к ней соседка,
Конвертик с деньгами она принесла,
Была баба Дуся почти на том свете...
И Господу душу свою отдала.

На тризне печальной все было, как надо,
И в крыше окно не пришлось прорубать.
Не ведомо нам: у врат Рая иль Ада,
Решение Господа ей пришлось ждать.

8.

С Крестом же случилась тогда незадача:
Ни дочки, ни внучки Бог Дусе не дал!
Наследницы нету на Крест этот, значит?
Но Крест вдруг куда-то бесследно пропал!

Одни говорили, что Крест положили
Покойнице в гроб под подушку ее.
Другие твердили, что дома забыли.
А третьи уверены были: вранье!

А так, или нет – только Бог это знает.
Но Крест этот больше не видел никто.
А дальше история вышла другая!
Я вам расскажу, что случилось потом.

9.

Мне было в то время лет десять, не больше,
На «взрослые дразги» мне было плевать!
Да только однажды ко мне среди ночи
Пришла... Баба Дуся, присев на кровать.

И стала меня поднимать от подушки.
В тот миг, когда я уже просто сижу,
Она говорит мне:
– Сходи-ка к подружке!
Пусть деньги вернет!..
Я, вам честно скажу,

Назад на подушку с размаху упала!
Сна – словно и не было, слышу лишь вздох...
Что делать, в тот миг я, конечно, не знала.
Никто среди ночи помочь мне не мог!

С трудом успокоившись, снова уснула.
Подумала я - сон туда, куда ночь.
Но вновь баба Дуся мне в ухо шепнула:
«Сейчас же вставай! Ты должна мне помочь!..»

Так каждую ночь раза три поднимала,
Все снова и снова – неделя прошла...
Любила меня баба Дуся, я знаю,
Хоть я ей двоюродной внучкой была.

10.

Я стала до паники ночи бояться!
Сказал кто-то мне, что пройдет сорок дней,
Покойник живым перестанет являться –
Душа распрощается с плотью своей.

Но так далеки еще сороковины –
Всего девять дней отмечали на днях!

Мне спать так хотелось, что просто обидно.
Я к маме своей обратилась в слезах.

Ей все рассказала, о том, как ночами
Меня баба Дуся приходит будить.
А вечером вместе соседки собрались,
Чтоб вместе – что делать им дальше – решить.

Скажите, кто будет ребенка-подростка
В дела посторонних людей посвящать,
О взрослых проблемах рассказывать? Просто
Откуда могла обо всем я узнать???

Я только потом, через многие годы,
Узнала подробно историю всю.
Тогда же – прекрасное чувство свободы,
И дух больше в жизнь не вторгался мою!

11.

Выходит, что Дусины деньги, соседка
Хотела тогда для себя утаить,
Хоть знала, что духи, порой с того света,
Свое чтоб забрать, могут в дом приходить.

Ждала, как и все, она сороковины,
Крестом осеняла себя перед сном.
А в это же время подросток невинный,
Пугается призрака в мраке ночном.

Да, совести, видно, осталось немного.
Призналась в содеянном – Бес искушал.
Сказала, что жить ей осталось недолго,
Ведь дух бабы Дуси с собой ее звал.

Вернула все деньги она до копейки,
Процент, оговорен что был – не взяла.
А вскоре, спустя три-четыре недельки,
Соседка тихонько во сне умерла...

На «женском совете» решили соседи,
Чтоб деньги частями семье отдавать:

Часть – в сороковины, и часть – к полугоду,
А все остальные – чтоб в год поминать.

12.

В рутине забот почему-то забыли,
А что ж с чудодейственным стало Крестом?
Украли? Пропили? Иль в гроб положили?
Не слышали больше ни разу о нем...

И только недавно, сквозь пятые уши,
Пронесся слухок: Крест тогда не пропал!
Не чиста на руку невестка у Дуси –
На долгое время добычей Крест стал.

Всегда о предании знала невестка,
Мечтала, преемницей станет Креста.
Пыталась лечить безуспешно. И честно
Всю правду она рассказала тогда.

О том, что свекровь, всякий раз, с того света
Ей хворь посылала за грех и обман,
Что сбилась со счета невзгодам и бедам,
Что сын по отцовским пошел вдруг стопам.

О том, что изводят ночные кошмары,
Забыла уже, когда мирно спала.
Что на душу грех она приняла даром...
И Крест на могилу свекрови снесла.

В порыве раскаянья в землю зарыла...
Потом пожалела – обратно пришла.
Но где он прикопан был ею – забыла,
Искала, копала, но так не нашла!

13.

Спрос на экстрасенсов, на лекарей мода,
Знахарство, провиденье – ценный товар.
А женщине каждой из нашего рода,
Немножечко свойственен знахарский дар.

В роду нашем свято хранится преданье.
Мы верим, быть может, пройдет много лет,

И вновь, как когда-то в истории давней,
Дарован кому-нибудь будет ТОТ КРЕСТ.

СКАЗАНИЕ О БИТВЕ КУЛИКОВОЙ

Рано утром на рассвете,
В поле чистом Куликовом,
Собрались несметной тучей,
Орды силушки татарской.
Вдвое меньше силы русской,
Как стена, напротив стали.
Чтоб в бою сразиться смертном
За Россиюшку велику:
Кто – за правду, за свободу,
Кто – за власть свою над нею.

Первым выступить османцы
Дали право Челубею,
За его рост исполинский,
За недюжинную силу,
И за то, что страх внушал он,
Лишь своим огромным видом.
А в руках копье держал он,
Что концом вонзалось в небо.
А под тяжестью доспехов,
Даже конь сгибал колени...

Супротив него выходит
Пересвет в одной лишь схиме,
Золотым крестом расшитой,
Да с распахнутою грудью,
Что кольчугой не прикрыта.
Встал за русскую сторонку,
Он за землю встал родную,
Встал за жен, за деток малых,
Встал за старцев седоглавых,
Встал за веру православну.

Поединщика увидев,
В голос Челубей смеялся,
Даже конь плясал от смеха,
Улюлюкали ордынцы,

С Пересвета потешаясь.
Своего коня пришпорив,
И копьем на грудь нацелясь,
Челубей вперед рванулся.
И совсем не сомневался
Челубей в своей победе!..

Не напрасно Пересветом
Сброшена была кольчуга,
Щит оставлен был тяжелый,
И лишь только крест на схиме
Пересвету был подмогой.
И под Божьею защитой,
С Божьего благословенья,
Он в седле сидеть остался,
Хоть и грудь копьем пробита,
Да не рухнул он на землю.

Челубея же, османца,
Грудь насквозь была пробита,
И копье в груди осталось
И струею кровь хлестала,
По земле растекалась.
Челубей коню под ноги
На траву с седла свалился,
В смертных судорогах бился,
На собратьев, на ордынцев,
Страх и ужас нагоняя.

Конь же верный, Пересвета,
Вынес к русичам навстречу,
А седок, в узду вцепившись,
Из последних сил держался,
Возносил молитву Богу.
И копье, как стяга древко,
Как штандарт, в бою добытый,
Он, пронзенный Челубеем,
Вынес к русичам собою,
Символом победы славной.

Три часа шел звон над полем.
А по полю Куликову

Кровушка рекой стекала:
Русичей кровь... кровь неверных...
И сырой земляца стала,
Да не черной – бурой стала,
Что любой, по ней ступавший,
Увязал в ней по колено,
А упавший, становился
Для дерущихся – помостом.

Под копытами трещали
Кости воинов сраженных...
Все смешалось – кони, люди,
Русичи и бусурманы...
И от тесноты великой,
От крови и свежей плоти,
Задыхаясь в том сражении,
Русский люд громил ордынцев
И теснил их, в круг сжимая.
Край родной им был опорой!

Дрогнули ряды монголов,
Зароптали, отступая.
Где уж им понять, неверным,
Что в борьбе за право дело,
Защитит земля родная.
Силы даст, залечит раны,
Шелковой травой укроет,
Родниковую водою
Напоит, спасет, согреет.
Для врагов – могилой станет.

...Воронья, спеша к поживе,
Много дней кружа над полем,
Пировать на скорбной тризне,
Стаи тучами слетались.
Пока русичам пришлось там
Предавать земле останки
И собратьев, и чужинцев,
И коней, на поле павших...
Те, кто выжил в этом аде,
Ровно дважды был рожденным.

И несметные трофеи
Собирали там на поле,
Чтоб Московии представить
Доказательства победы,
Чтоб, когда победным шагом,
Воротясь с полей сраженья,
Не с пустыми чтоб руками
На родную ступить землю,
Со щитом в руках, с добычей
А не на щите печально.

* * *

Шли на битву князья усобные
О своем лишь уделе радеючи,
Добывая себе лишь выгоду
Даже пусть и за счет соседушек.
Но за Доном в кровавом месиве,
На земле Куликова полюшка,
На костях, на крови ковалася,
Новая родилась Россиюшка.
Стала для супостатов грозная,
Стали звать ее РУСЬ ВЕЛИКАЯ!

Владимир ХАРИТОНОВ

Самарская обл., г. Сызрань

Родился в 1950 году в с. Кашпир Приволжского района Куйбышевской области. Окончил Челябинский индустриально-педагогический техникум (1972). Был редактором стенгазеты техникума, работал корреспондентом газеты «Красный Октябрь». Всю жизнь проработал на железной дороге токарем, слесарем в экспериментальном цехе. Вырастил двух дочерей, двух внуков и двух правнуков. Печатался в альманахах «Новый российский писатель» и «Сызранская излучина».

ЮМОР ПО-КОРИФАНСКИ

В электричке женщина, сидящая напротив меня, всю дорогу без перерыва разговаривала по телефону, эмоционально выражая свои чувства: то радуясь, то переживая за кого-то. Речь такая культурная, красивая, как сама женщина, поэтому, наверное, ничего не запомнил из её разговора.

Уже на выходе из электрички на моей станции, не выдержав, спросил:

– Сотня ушла?

– Какая сотня?

– Денег я имею ввиду?

– Что вы! У меня же МТС! Первые пять минут платные, а потом хоть целый день разговаривай бесплатно, только без перерыва.

Хотя я не очень разговорчивый, но зашёл в пункт МТС и купил симкарту. Как в воду глядел – пригодилась!

Возвращался я домой из санатория «Красная Глинка», что под Самарой, в начале лета, отдохнувший и в отличном настроении. Хорошее лечение, питание, свежий волжский воздух на прогулках, а, главное, знакомства с интересными людьми с первого дня и до конца заезда.

На пятый или шестой день бросил курить с помощью Всевышнего и таблеток валерианки, что убавило круг общения наполовину. Курильщики жалели меня, глядя, как я мучаюсь, предавали сигарету шутя, конечно, ведь каждый в душе был солидарен мне. В курилке были анекдоты, меня тянуло в курилку – там жизнь была ключом! Все ко мне привыкли, что я не курю – больной, мол, что с него взять.

Как-то на прогулке увидел огромного мужчину в окружении женщин. Он был великолепен: белая тенниска, белые брюки, белые туфли, белая кепка на голове и оживлённое крупное лицо. На кого же он похож,

мелькнуло у меня в памяти? Шрек! Вылитый Шрек из какого-то мультфильма! Круглое лицо с глазами навывкате и приплюснутым носом – раз увидел и уже глаз не отвести.

Он с вдохновением и жестикуляцией артиста рассказывал анекдот, женщины ахали, приседая от смеха, я тоже, хотя, концовку анекдота не понял – так это было заразительно.

С этого дня я был словно приклеен к нему: я любил слушать анекдоты, он любил их рассказывать – ученической тетради не хватило на три дня.

Звали его Борис Николаевич Капитанов, пятьдесят шесть лет, бывший прапорщик, поэтому, наверное, множество анекдотов с армейским уклоном. Сказал ему про Шрека, а он мне: «Давно не битый ходишь? Ладно, сегодня я добрый. Ты знаешь, есть бабка-артистка кино, играет в основном эпизодические роли, с неё копию сняли.

Сидим как-то в парке на скамье, жуём молодые кисленькие листики барбариса, подсаживается к нам бабка и начинает разговаривать по телефону.

– Спорим, – говорит мне друг, – сейчас бабка будет говорить сначала про питание, потом про лечение, потом про погоду.

Бабка начала про запор не стесняясь нас – я проиграл.

В объёмном животе Бориса Николаевича заиграла «музыкальная шкатулка» с переливами и пощёлкиванием – время обедать. Спрашиваю – не мешала ли службе его фамилия:

– По всякому было, даже на сыне «выезжал» его одноклассник в школе по фамилии Майоров. Тебе, говорит, капитан, никогда до майора не дожить...

Мой заезд кончился, прощание с другом было с договором – иногда перезваниваться.

Какое там иногда – на дню по два раза: я ему новые рассказы, он мне анекдоты или смешные случаи из его богатой приключениями жизни, может с перевиром и не его жизни, но так приятно слышать в трубке его голос:

– Слушай, я вот тут вспомнил...

Мужик приходит в парфюмерный магазин, спрашивает одеколон «Тройной».

Продавщица подаёт ему флакон.

– Почему, – спрашивает мужик, – этикетка косо наклеена?

– Вам не всё равно?

– Это вам всё равно, а мне гостям на стол ставить!

КРУТЫЕ ЗАПЛАТКИ

Я живу в деревне и, как в Болгарском Габрово, ношу штаны на провздёвочной резинке, до стирки передом, после стирки передом назад: изнашиваются одинаково, особенно на коленках, и не вытягиваются. Заметил: не я один так в деревне хожу. Может, болгары от нас научились? Вообще-то не из жадности мы так одеваемся как болгары, а больше по привычке, с детства нас так учили. Рассказать кому – засмеют!

Летом у меня внучка жила, в восьмой класс перешла. Когда приехала, сначала-то я не заметил, а потом гляжу: штаны-джинсы на ней рваные, уже с бахромой, что по низу, что на коленках. Чуть плохо мне не стало. Нет, конечно, я видел и на других такое издевательство над одеждой, модой называется, но думал, что внучка моя умнее – в меня. А нате вот вам! Давай, говорю, заплатки поставлю, для деревни сойдёт и теплее будет. «А, давай», – говорит, – деда! Эти старые, их здесь в деревне оставляю». Приносит внучка своё платье, ещё в детский сад в нём ходила, тоже джинсовое, на котором по низу Чебурашка и Крокодил Гена вышиты, небольшие, но заметные. Сразу понял, как итальяшкины модные прорехи заделать. Вырезали, пристегали на одну коленку заплатку с Чебурашкой, на другую с Крокодилом Геной. Залюбуешься, хоть на выставку и, главное, внучке понравилось. (Обычно на неё не угодишь). Сразу их надела и на улицу побежала.

Приходит с подружкой через некоторое время, спрашивает:

– Деда, где моё платье? –

– Какое платье? – говорю.

– Там лоскуты на тряпки остались».

– Ничего ты не понимаешь!

Развернули мы лоскут, а там по низу платья ещё Хрюша и Гаврюша остались.

– Деда ..., – и требовательно смотрит на меня.

– Я вам что, ателье на дому?

Договорились – я им заплатки ставлю, они картошку окучивают. (Там три сотки её – не прогадал). Друг перед дружкой стоят в джинсах с заплатками и ржут: «Мы, – говорят, – в них в школу пойдём, все обчешутся от зависти!»

Не знаю, как в городе, а я ещё двоим заплатки потом ставил из их материала с вышивкой из мультфильма «Ну, погоди» и «Маугли». И мне приятно, и картошка окучена по второму разу.

Не знаю, как насчёт моды, а я бы заплатки ставил вместо прорех: и тепло, и практично! А крутизна какая – чисто российская!

ПОЛОЖЕНИЕ
о присуждении XII Литературной премии
имени Марины Цветаевой,
посвященной 132-летию со дня рождения поэта

Казань – Елабуга, 2024 год

1. Общие положения

1.1. В 2024 году вручается очередная XII Литературная премия имени Марины Цветаевой, посвященная 132-летию со дня рождения поэта.

1.2. Учредителем XII Литературной премии имени Марины Цветаевой (далее – Премия) является Министерство культуры Республики Татарстан (далее – Учредитель).

1.3. Целью присуждения Премии является популяризация имени Марины Цветаевой и поощрение творчества литературоведов, биографов, переводчиков, работников музеев и театров, критиков, занимающихся изучением творческого наследия Марины Ивановны Цветаевой.

1.4. Организация проведения конкурса и отбор заявок возлагаются на Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, который формирует Оргкомитет из числа сотрудников Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

1.5. Лауреатам вручается денежное вознаграждение в виде Премии, соответствующее удостоверение и памятная медаль (*Приложение 3*).

1.6. Размер Премии, выплачиваемой лауреату, составляет:
- для резидентов РФ: 114 943,00 рублей, в т.ч. НДФЛ 13% -14 943,00 руб.

(согласно ст. 224 НК);

- для нерезидентов РФ: 142 860,00 рублей, в т.ч. НДФЛ 30%
(согласно п. 3 ст. 224 НК).

1.7. Премияльный фонд формируется за счет Учредителя.

2. Условия и порядок проведения конкурса

2.1. Конкурс на соискание Литературной премии имени Марины Цветаевой является открытым.

2.2. Соискатели предоставляют заявку-обоснование

и дополнительные материалы в Оргкомитет по адресу: 423600, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Гассара, д. 9, контактный телефон 8 (85557) 7-86-00, с обязательным дублированием на e-mail: elmuseum@mail.ru и bibserveka@mail.ru. Прием заявок завершается 30 июня 2024 года.

2.3. В 2024 году объявлены следующие номинации Премии:

2.3.1. «Цветаевский мемориал».

На соискание принимаются заявки, как от музеев, так и от частных лиц, внесших значительный вклад в увековечение памяти семьи Цветаевых:

- в создание музейных экспозиций и выставок;
- в организацию работы культурных центров и обществ, посвящённых жизни и творчеству Марины Цветаевой.

2.3.2. «Популяризация творчества М.И. Цветаевой».

На соискание принимаются заявки и ходатайства от музейных специалистов, журналистов, писателей, публицистов, внесших значительный вклад в дело популяризации творческого наследия семьи Цветаевых, выраженный в активной просветительской деятельности через художественное слово и публицистику

2.3.3. «Исполнительское искусство».

На соискание принимаются заявки и ходатайства как от музеев, театров, так и от частных лиц, внесших значительный вклад в популяризацию творческого наследия Марины Цветаевой, проявившийся в создании концертных программ, моноспектаклей в основе которых лежит творчество М.И. Цветаевой.

2.3.4 . «Поэтический сборник».

На соискание принимаются заявки и книги стихов, изданные в 2020-2024 годах.

2.4. Конкурсный отбор осуществляет Экспертная комиссия.

2.5. Экспертная комиссия конкурса на соискание Премии формируется из числа представителей научной и творческой интеллигенции, исследователей жизни и творчества Марины Цветаевой и лауреатов Премии прежних лет по согласованию с Учредителем.

2.6. Экспертная комиссия осуществляет изучение заявок, предоставленных материалов, присланных работ, поэтических сборников по мере их поступления.

2.7. Победители определяются путем открытого голосования большинством от числа присутствующих на заседании членов Экспертной комиссии.

2.8. Итоговое решение Экспертной комиссии оформляется протоколом.

2.9. Представленные на соискание Премии материалы не рецензируются и не возвращаются.

2.10. Объявление о результатах конкурса публикуется на официальном сайте Елабужского государственного музея-заповедника www.elabuga.com

2. 11. Главным условием вручения Премии является личное присутствие номинанта на церемонии торжественного награждения, о дате и времени которого он извещается заранее. В случаях, когда премия присуждается посмертно, обязательным условием является присутствие официального представителя победителя.

3. Внесение изменений

3.1. Внесение изменений и дополнений в настоящее Положение может осуществляться организатором в лице Елабужского государственного музея-заповедника, в том числе по согласованию с Учредителем Премии.

4. Рассылка

4.1. Настоящее положение размещается на официальном сайте Елабужского государственного музея-заповедника www.elabuga.com

Приложение 1

Список членов Экспертной комиссии по присуждению XI Литературной премии имени Марины Ивановны Цветаевой, посвященной 130-летию со дня рождения поэта

№	ФИО	Должность
1.	Аюпова Ирада Хафизьянова	Министр культуры Республики Татарстан, председатель Оргкомитета Литературной премии им. М.И. Цветаевой
2.	Руденко Гульзада Ракиповна	Генеральный директор ГБУК РТ «Елабужский государственный историко-архитектурного и художественный музей-заповедник», Заместитель председателя Оргкомитета Литературной премии им. М.И. Цветаевой, лауреат шестой Литературной премии им. М.И. Цветаевой

3.	Трухачева Ольга Андреевна	Внучатая племянница Марины Цветаевой, лауреат восьмой Литературной премии им. М.И. Цветаевой
4.	Деготьков Александр Анатольевич	Заместитель генерального директора ГБУК РТ «Елабужский государственный историко- архитектурного и художественный музей- заповедник» по научной работе, кандидат филологических наук
5.	Красовская Эсфирь Семёновна	Лауреат третьей Литературной премии имени Марины Ивановны Цветаевой
6.	Алешков Николай Петрович	Поэт, главный редактор литературного журнала «Аргаташ. Татарстан», председатель Татарстанского отделения СРП, лауреат седьмой Литературной премии им. М.И. Цветаевой
7.	Разживин Анатолий Ильич	Кандидат филологических наук, эксперт с правом решающего голоса в номинации «Поэтический сборник»
8.	Быков Антон Валерьевич	Доцент кафедры русского языка и литературы Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат филологических наук, эксперт в номинации «Поэтический сборник»
9.	Шастина Елена Михайловна	Доктор филологических наук, профессор, Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, эксперт в номинации «Поэтический сборник»
10.	Иванов Андрей Николаевич	Ответственный секретарь Экспертной комиссии: заведующий Библиотекой Серебряного века ГБУК РТ «Елабужский государственный историко-архитектурного и художественный музей-заповедник»

Приложение 2

Заявка-обоснование
на соискание X Литературной премии
имени Марины Цветаевой
2024 г.

в номинации _____

Фамилия*	
Имя*	
Отчество*	
Название и выходные данные книги, Присылаемой на соискание.*	
Почтовый адрес*	
Электронный адрес*	
Контактный телефон*	
Место работы*	
Должность*	
Паспортные данные (серия, номер, кем выдан, дата выдачи)*	
ИНН*	
Страховое свидетельство*	
Обоснование значимости вклада в популяризацию жизни и творчества М.И. Цветаевой*	

Дополнительные сведения о себе (если есть)	
--	--

**Пункты обязательные к заполнению*

Приложение 3

Удостоверение и медаль лауреата Литературной премии
имени Марины Цветаевой

УТВЕРЖДАЮ

**Генеральный директор
ЕГИАиХМЗ**

« 1 » февраля 2024 г.
Г.Р. Руденко
МП

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

Новый Российский писатель

№ 8 июнь 2024

Выходит с ноября 2022 года

ВЁРСТКА:
Александр Мишенков

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ:
Галина Булатова

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ:
Картина сызранского художника Валерия Пушкова
Символ Победы «Лесная сирень»

Главный редактор Александр МИШЕНКОВ
Литературный город России Сызрань

Телефон +7- 927-712-71-38
E-mail: agmishenkov1949@gmail.com или agmishenkov1949@yandex.ru